ИСЛАМ ХАНИПАЕВ

БУРЯ И ЧУДНОЙ ОТРЯД

фэнтези

МИФ

Буря и чудной отряд

Ислам Иманалиевич Ханипаев

Аннотация
Ислам Ханипаев. Буря и чудной отряд
Информация от издательства
Пролог
Глава 1. Проклятое болото
Глава 2. Нет больше богатырей
Глава 3. Находка
Глава 4. Кости да хруст
Глава 5. Злое оно иль доброе
Глава 6. Ох, плохи дела
Глава 7. Собиратель земель солнцеградских
Глава 8. Еремей Пламенное Сердце
Глава 9. Горите, чертовы пятки
Глава 10. Мурка
Глава 11. Большой военный поход
Глава 12. Соловейко
Глава 13. Идемте все на гору
Глава 14. Не по указу, но по делу
Глава 15. Как хочется жи-и-ить
Глава 16. Ромашка
Глава 17. Зеркальное
Глава 18. В каждом деле должен быть специалист

— не моя это история
Глава 19. Девчатам — девчачье, а мужикам — наше
Глава 20. «Ох, говорила матушка, вовремя женись»
Глава 21. Мы как солнце и луна
Глава 22. Враки наши сердечные
Глава 23. Мне себя не жалко
Глава 24. Куда дел верушку свою?
Глава 25. Мой чудной отряд
Глава 26. Схороните на доброй земле
Глава 27. Марфа
Глава 28. Что ты наделала?
Глава 29. Как думаешь, теперь он любит меня?
Глава 30. Ну и дурак же ты старый!
Глава 31. Иль не Буря я никакой
Глава 32. Лови демона!
Глава 33. Кто ты такой?
Глава 34. Буря
Глава 35. Будь проклято все колдовство этого мира!
Благодарности и послесловие
МИФ Проза
Над книгой работали

Аннотация

Царь Владислав возвращается домой с очередной победой — и с редким для себя желанием больше никого не побеждать. Солнцеград в безопасности, враги разбиты, а значит, впервые за долгие годы можно подумать о себе: передать трон сыну, уехать на окраину Отравленного болота, поселиться в домике с огородом и провести остаток дней в тишине и покое.

План отличный, почти идеальный. Жаль, судьба его не одобрила.

Староста ближайшей деревушки быстро находит применение крепким рукам нового соседа, в болоте оживают мертвяки, а из каменного яйца вылупляется чудной зверь, за которым нужен глаз да глаз. И вот уже вокруг бывшего царя собирается компания — странная, шумная и совсем не созданная для спокойной жизни.

Ислам Ханипаев
Буря и чудной отряд

Информация от издательства

Ханипаев, Ислам
Буря и чудной отряд / Ислам Ханипаев. — Москва: МИФ, 2026. — (Red Violet. Больше чем магия).
ISBN 978-5-00281-122-9

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ханипаев И., 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

С большой любовью к сказкам и мульт-
фильмам, на которых я рос

Пролог

«Будь проклято все колдовство этого мира…» — подумал я, глядя на окровавленные руки. Вновь окунул их в лужу, промыл хорошенько — глиной, травой, кашей от корнеплода ясенки, слюной. Ничего. Пятна крови так и остались.

Надо было доверить казнь колдуньи северных земель палачу. Нет ведь, поддался народному кличу. Кто-то из совета сказал, что правильнее будет самому мне завершить начатое. Я бы и завершил с тамошним царем, но тот погиб от чьей-то стрелы, а казнить женщину, будь она хоть трижды колдуньей… Но как оказалось, в их-нем обустройстве дел управительных колдунья не советчица, как у других народов, а настоящая,

скрытая за завесой владычица. Да и наглостью она разожгла во мне едва потушенное пламя: назвала и трусом, и другими последними словами. А потом воины заголосили:

— Царь Владислав! Царь Владислав! Царь Владислав!

Когда подошел я к ней, она сказала, что с самого начала знала исход: мы придем и победим, снилась ей гибель от моих рук. И вот, послушал я толпу опьяненных победой увальней — и снес ей голову с плеч своей легендарной секирой.

«И не стереть тебе кровушки моей с рук своих нико…» — окончить заклятие она не успела. Не успела! Тьфу! Разве не нужно там чего-то, помимо слов? Зелья какого-нибудь из когтей ворон? Зарезанного младенца? Скрижали с рунами? Да хотя бы кровушки девственника! Нет же. Просто произнесла, и то не до конца. Все равно сработало.

— Будь ты проклята… — пробормотал я. — Ты и твое колдовство.

Со всего царства теперь надо будет созывать чародеев да знахарей.

— Царь Владислав! — За спиной оказался глава моей дружины Миша Гучин. — Войско готово. Ждем вашего указа. Двинемся в столицу или задержимся?

— Ничего не поменялось, — ответил я, не поворачиваясь к нему. Взглянул на свое могучее отражение в мутной воде, а потом на руки. — Ничего. Домой вернуться успеем. В постели теплые к женам красивым. — Я повернулся к нему. — За каменной стеной мы всегда спрятаться можем. Так что пусть тут отдыхают. И пусть знают, что мы уже дома. На нашей земле. И силу для побед наших дает она, а не хоромы.

— Понял, государь. Встанем лагерем в долине.

Пока войско занимало поляны и холмы, я поднялся на возвышенность через колючую чащу. Глазам открылся вид на всю русскую землю. На долину Солнцеграда, на реки, пересекающие ее голубыми волнистыми клинками, на деревушки, усеявшие ее вместо проклятого Леса Девяти ведьм. Его я вырубил почти весь. Много лет истреблял колдовскую нечисть, сделал эти края безопасными для жизни. И всякий раз, как доходила из какой деревни весть о магических отродьях, высылал туда отряд.

Земли свои я безопасными сделал. И вот теперь, годы спустя, я мог просто стоять и любоваться родной долиной. Выпрямить бы плечи во всю ширь, вдохнуть бы полной грудью родной воздух, да вот не получилось… Не сразу понял: это

меня пробрала усталость. Не такая, что меч да щит хочется бросить, а глубинная. Словно сердце глыбою придавило.

Размышляя о природе горя моего, смотрел на то, как немногим ниже высшие чины шумно что-то обсуждали, смеялись. Грозили друг другу мечами, делами храбрыми хвастались да врагов за неумелость русскому мечу противостоять высмеивали.

— Стой, Миша! — крикнул я вниз. Он обернулся. — Идите.

— В Солнцеград? — зачем-то уточнил он.

— Да. Поднимай войско и веди его домой. А я с вами не пойду.

— Простите, государь… Я не…

— Мой наказ, — отрезал я. — Вы все возвращайтесь.

Он ушел. Я продолжил глядеть вдаль. Солнце опускалось к столице, которую потому и называли Солнцеградом. Желтый небесный круг краснел, как созревающее на глазах яблоко, и готовился спрятаться за моей гордой крепостью. А тень той росла, в свою очередь готовясь накрыть долину.

— Красиво… — сказал я самому себе.

— Отец! — Подошел мой старший, Еремей.

Вдарил кулаком по доспеху, слегка кивнул мне и спросил: — Что происходит? Ты велел нам вернуться в столицу?

— Велел.

— А ты?

— Здесь останусь.

Сын долго молчал.

— Отец, я не понимаю.

— Я остаюсь. Жить буду тут.

— Где? — Он огляделся по сторонам. — На этом холме?

— Нет. Вон там. — Я указал пальцем на место, где земли наши кончались и начиналось Отравленное болото с оставшимися клочками Леса Девяти ведьм.

— На болоте?

— Да. Негоже отбирать у народа землю, мною же даренную. Поэтому — да. На краю буду жить: дом построю, хозяйство заведу, какое получится. Сделаю все по старинке. Добрый труд землю залечит, и скверна уйдет.

— А как же нечисть?

Я вынул из-под лат каменный оберег, оставшийся от Лизоньки. Потер пальцем вырезанные на нем руны, мне непонятные, но защищавшие все эти годы.

— Любовь матери твоей защитит от всякого.

— Прости, отец, — сын зачем-то еще раз поклонился, — пожалуйста, объясни мне причину этого решения. Быть может, есть то, чего я не понимаю? Мудрость глубокая? План тайный? Ты можешь мне довериться, отец! Я костьми лягу, но выполню твой наказ!

— Другого я от тебя и не ждал, Еремей. — Я повернулся к нему, а он, готовый ловить каждое слово, выставил грудь колесом. — Наказываю: сесть на трон царский, что в крепости Нерушимой находится, а крепость эта там. — Указывая на Солнцеград, я вновь увидел пятна крови на пальцах. — Наказываю: хранить земли, завоеванные предками, править мудро — сменяя мягкость на твердость и обратно. С царями союзными держать ухо востро, а врагам не потакать ни в чем. И не щадить колдовскую нечисть, где бы она ни объявилась. В память о матери твоей.

— Отец…

— А я же… — перебил я его громче, — оставляю трон. Решение мое мудростью не продиктовано.

— Но чем же тогда?

Я задумался.

— Не знаю. Пока не знаю. Быть может, усталостью. В этом году мне шестой десяток наступит.

Большую часть лет этих я был в военных походах. Не видел, как растут два твоих младших брата, а тебя все возил на битвы смотреть. Уму-разуму учил. Время было такое — сам знаешь, Еремей Пламенное Сердце. Ты на многое способен на поле брани. Ты молод и горяч, и я, верно, таким был в годах твоих. Порой кажется, таким и остался. — Я показал ему руки, окропленные заколдованной кровью. Та, словно живая, словно кровавое родимое пятно двигалась по коже. — Но время войн позади. Ты получишь царство в мире и согласии. Враги наши побеждены по всем окраинам. Не думаю, что головы поднимут в ближайшие годы, а если поднимут, глаза и уши у нас везде, сладишь с ними раньше, чем мечи их из ножен выйдут. — Я подошел ближе к сыну, положил руку на его наплечник. — Слушай военных советников, доверяй родной крови — братьям. И женись поскорее. Задержался ты с этим вопросом. Надеюсь, приведешь ко мне в гости внуков через год. На этом все, сын. Царствие это теперь твое.

Я собирался было спуститься с холма, по другую от войска сторону, но подумал: негоже так идти к болоту поганому, раз стройку затеял.

— Сын, — сказал я, оборачиваясь. Он стоял там же как вкопанный и глядел на меня изумленны-

ми карими глазами. Точно как у Лизоньки.

— Да.

— Это… Царь. Уважь просьбу отца. Снаряди мне обоз небольшой, с едой на пару дней. Ну и клячу мою Маришку с собой возьму. Она старая, толку от нее вам не будет. В оплату прими это, — бросил под его ноги прославленную царскую секиру. — И с десяток монет серебряных дай в долг. Обязуюсь вернуть в казну, как только смогу.

Мы оба смотрели на секиру — больше чем просто оружие и для всего царства, и для нас с ним. За нее Еремей когда-то готов был отдать все, но получил однажды урок, что ввек не забудет, и перестал тянуть руки. А теперь вот так просто получить, просто поднять ее с земли, как дешевую вещицу, он был не готов.

— Да я приказ отдам, и болото поганое высушат вмиг! И хоромы тебе возведут за месяц, отец, больше крепости нашей! Отряд в сотню лучших клинков выделю для охраны! А в еде нужды…

— Сын, — сказал я, и тот замолк. — Маришку, обоз, еды да десять серебряных монет. И помни, что сказано в священных свитках: «Боритесь с колдовством везде. Боритесь и готовьтесь к приходу Злого зла». С людьми наша армия справится, но с колдовством нужно всегда держать

ухо востро. Оно хитрее всякого человека будет. Помни об этом, сын, Еремей Пламенное Сердце, царь Солнцеграда.

Глава 1. Проклятое болото

Лес Девяти ведьм неспроста получил это имя. Люди укрывались от него за частоколом, затем за стеной из грязевого кирпича, а теперь из камня.

Но однажды мой предок Иоанн Мудрый начал очищать эту землю пядь за пядью.

Что на ней прежде ни росло — и трава, и деревья, — не делало пользы человеку. Наоборот, вредило: уколешь руку о шип — упадешь там же и через день умрешь в мучениях. Поест скотина неизвестной травы — и тоже умрет, а мясо ее даже ворона не тронет. Если и были в лесу животные, то человека совсем не боялись. То и дело нападали волки или медведи. Заползали в дома змеи. Орел мог когтями ухватить что дите,

что овечку.

Темные были времена.

Тридцать лет думал Иоанн, как победить колдовство. Поливал землю чистою водой, снова и снова молился, сажал посевы — а вместо них прорастала черная трава. Однажды случилась в городе поножовщина. Не поделили что-то люди — и вышли на улицы кровь друг друга проливать. Загубили несколько жизней. Не стал Мудрый разбираться долго, да и изгнал всех провинившихся на год за стену. Выживут — обещал вернуть.

Так он наказал полсотни человек. Но не опустили они рук, сдружились вновь, сплотились. А через полгода дошла до царя весть о деревушке в глубине леса. Сразу понял он, кто там живет. Снарядил отряд и отправился в путь. Нашел провинившихся и их семьи. Многих те потеряли, от хворей, колдовства и зверя дикого. Но три десятка человек оставалось в живых.

Завидев царя, бросились в ноги кланяться, прощения просить. Но Иоанн все глядел на вспаханную землю. Росло там всяко-разное, что у него за многие годы вырастить не получилось вне городских стен. Обещал Мудрый вернуть всех в столицу, если расскажут, как чудо свершили, а те почесали затылки и сказали, что как и дома:

просто взялись за дело. По старинке. И ничего нового не привносили ни в дело, ни в молитву.

Царь не мог поверить. Ведь и его мастера дел хозяйственных все испробовали. Ничего из посевов не прижилось, а тут обычный люд умудрился не только огороды сделать, но и саму землю, на которой поселился, в твердую превратить. Цвет здоровый грязи вернуть. Прежде-то на землях этих только болота и были.

Махнул Иоанн рукой. Вернул всех жителей домой на зиму. А весной заметил, что земля та опять погибать начала, да и деревья, такие выносливые. Скальной орех, который в любом месте удержать жизнь мог, — и тот погиб.

Собрал Иоанн уже сотню тех, кто за награду согласился в тех краях жить. Теперь тут были и воины, и лекари. И заметил царь уже через месяц-другой, что земля даже сама по себе меняется. Будто исцеляется… оттого, что живет на ней люд.

— Люд… люди. Люди! — закричал он, поняв, что болоту да Лесу Девяти ведьм людская душа нужна. Чтоб жили тут постоянно, дышали воздухом этим и не прятались к концу рабочего дня за стеной, и тогда мало-помалу исцелится земля. А останется земля покинутой — начнется обратный ход.

Расценил он открытие свое как борьбу добра со злом? Света с тьмой? А чем же еще божьему созданию — человеку быть, коль не добром и светом? И начал царь понемногу земли заселять. Деревушки строить и дороги к ним протаптывать. Всяку злую тварь убивать и колдовством промышлявших людей тоже.

Все, чего требовал царь от подданных, — не покидать те земли, просто жить там. На первых порах снаряжал людям обозы с продовольствием. Дело шло медленно, ведь всякое бывало: и хвори вспыхивали, и враги силами мериться приходили, и холода да лесные пожары не отставали. И было это три сотни лет тому назад, и каждый в нашем роду дело Иоанна продолжал.

Пока не пришел мой черед.

Я от наказа предков отошел. Решил, что в своем краю мы колдовскую заразу истребили и тесновато нам стало. Как я Еремея, так и меня отец смолоду в военные походы брал да делу ратному обучал, а потому почувствовал я себя готовым к свершениям на поле брани. Пошел захватывать новые земли, прослыл вскоре Владиславом Непобедимым. Но пока мы лили кровь на границах, тьма вновь высунулась из-под толщи земли: вначале окрасило ее, затем вырвалось хворями

и в конце концов воплотилось в тварях диких — все как в летописях. И народ о приходе Злого зла шептаться начал.

Мало теперь было заселять чащи человеком да помогать ему, пока не приживется. Леса да болота будто отпор давать стали, и не получалось уже, как раньше, отправить отрядец да победить. Мы знали всегда, что отравленная земля единым разумом наделена, а теперь поняли, что и нравом бойким.

Не желал я смириться с тем, что борьба эта вечна. Меня манили другие края, завоевания, а приходилось зверье отлавливать, деревья рубить, хворавших лечить и разбойников заколдованных выискивать. А посчитаешь, что сделал все, — так в следующем году изволь повторить успех. Ну уж нет! Издал я указ собрать лучшие умы в библиотеках наших и начать искать ответы. Долго провозились, но решения такого, чтоб под корень срубить зло, не находилось. Пока один молодец не задумался над тем, что не видели мы перед собственным носом. Он спросил однажды:

— А почему лес этот Лесом Девяти ведьм кличут?

И поняли мы, на что в свитках внимание надо обращать. Ведьмы эти и вправду существовали

всегда. И нам встречались они и там и тут, и описания были схожи: женщина, что колдовством промышляет. То красавица, будто без прищура на само солнце смотришь, то старая карга: все равно что смерть пред глазами встала.

Вот чему мы должны были отдать все силы. До того мы секли листву, а теперь стало понятно, что нужно корень искать. И мы убили каждую ведьму. И даже больше. Чтоб верно было, каждого с колдовством забавляющего судили за злой умысел.

Так долина и очистилась от скверны. Но не везде, а во владениях ведьм. В Лесу этих самых Девяти ведьм. И тому свидетельством были края, к которым я прямо сейчас вел свой обоз. Да, хоть и сказал я, что не хочу землю у народа отбирать, но правда в другом была: не будет на сердце старого воина покоя, коль без битвы получит желаемое. Коль все подарят, все построят и усадят на готовое. Нет, не такой я человек. С лопатой да топором очищу трудом благородным и присутствием своим очередной клочок леса, да там, где сложнее всего хозяйство вести, — у Отравленного болота.

Все как всегда: вначале я заметил землю, сменившую цвет на пепельный. Растительность также оскудела, а ветви редких деревьев скрючились, как куриные лапы. Все тут выглядело больным. Сам воздух окутывал пьянящим, тяжелым холодом. Пахло плесенью, легким гнильем. То и дело в болотах, вдоль которых я собирался обосноваться, булькали пузыри и, лопнув, выпускали в мир ядовитый смрад.

Пропала добрая живность, и взамен ей прибавилось пауков и змей. Где-то вдалеке слышались шакалий смех да волчий вой. А рядом — да что рядом, прям над головой — уже с четверть часа три вороны прыгали с ветки на ветку. И каркали, будто смеясь над глупцом-стариком, решившим прижиться на проклятой земле.

Дальше лучше не стало, но, выбрав место, я прикинул будущие свои владения — в пятьдесят шагов от угла до угла. Вначале хотел дать слабину и отмерить себе только мертвой, но зато твердой земли, а потом вспомнил, кто я такой. Нет. Каждый вздох мужчины из рода царского поможет исцелить родной край от колдовского яда. Как могу я не оттяпать немного болота? Заодно воочию уверюсь в целительных свойствах человеческого духа.

Здесь было много колючих кустов, всякой мерзкой чахлой зелени и несколько деревьев неясной породы. Сразу захотелось поджечь все отравленное, но я одумался. Пламя — это разрушение, а не созидание. Будь это верный путь, так предки бы весь лес сожгли. Нет. Ключ таится в добром намерении.

Оглядевшись, я прикинул размах своего подвига. При должном усердии и этот смрад мог бы превратиться в цветущий огород. Вот только…

Встал я по центру и посчитал деревья. Пять. Чуть больше, чем надо, мешало одно в самой середине. Остальные вполне сошли бы за углы участка, чтоб все обнести частоколом. Я подошел ближе, узнал в мешающем дереве яблоню, но сразу понял: с ней что-то не то. Постучал костяшкой по стволу. Ну да. Другой какой-то звук, необычный. Заколдованная яблоня, небось. Решил не терять времени зря. Лучший урок, который я усвоил от отца и пытался преподать детям, был прост: коль хочешь сделать что-то, начни и делай хотя бы понемногу, и рано или поздно ты этот труд осилишь, каким бы сложным он ни был. Быстрее начну — быстрее закончу.

Я полез в обоз. Достал лопату и топор и направился к дереву.

На проклятом участке работы на первый взгляд было невпроворот: свинорой, колючие кусты, узловатые, почти живые коренья, стремящиеся…

— Горите, чертовы пятки! — выругался я, упав.

Какой-то корень, будто змея, обвил мою ногу. Живым, заколдованным не выглядит, но я-то знаю эти земли. Доверия к ним нет.

— Ыть! — Я рубанул его лопатой. Схватил и грозно потряс им в воздухе. — Имей в виду, Лес, и ты, Проклятое болото, все имейте в виду: с каждым так будет!

Никто не ответил, ну и я подметил для себя, что не должен с лесом разговаривать. Сведет с ума слабого душой и сердцем. Да еще и в одиночестве. Знаем. Видели всякое. Хоть все тут злым колдовством и пропитано, но все же разумом человеческим не обладает. Не знал я случая, чтоб лес с человеком заговаривал. Разве что с безумцем каким, но такому уже ничем не поможешь.

А вот насчет ворон я засомневался. Зыркнул на них и бросил в их сторону камушек. Улетели, выругавшись на непрошеного гостя.

Я подошел к яблоне и вогнал лопату в землю. Руки мои, все в трещинах и мозолях, знали и не такую работу. Никогда я не просиживал зад на тронной подушке. Вот срублю ствол — примусь и

за корень. Ничего под домом своим не оставлю!

Я плюнул на ладони, взялся за древко топора, прицелился взглядом к яблочному стволу и дал по нему что есть мочи. Ах, какой звук был сладкий, словно молния не пощадила дерево! Есть еще силушка! Не будь царем — пошел бы в лесорубы. Где-где, но там удаль моя пригодилась бы. Тут выбор невелик: иль деревья рубить, иль головы с плеч. Недаром отец про меня говаривал…

— Чего…

На месте моего удара — ни трещинки, ни царапины. Рубанул снова — тот же звук; испуганные вороны прочь бросаются, а яблоне хоть бы что.

Взглянул на лезвие — отупело. Это как же так? Заметил: камень большой, с голову мою, из земли торчит. Повел по нему топором, с грязью, чтоб лучше скользило. Наточил. Прошелся подальше, к подлеску, и рубанул. Уже дело — рубятся деревца. А куда денутся? Конечно, рубятся! Да я и в скале себе дом прорублю, коль надобно станет.

В дерево, что я углом территории назначил, топор тоже вошел как надо. Брызнули в лицо щепки. Гневно взглянув на невредимую яблоню, погрозил пальцем и пробурчал:

— Заколдованное! Так и думал! Сразу почуял — несет от тебя злом.

Подошел ближе, помянул Бога, а затем коснулся с легким страхом дерева. Думал, обдаст холодом могильным, пламенем адским, чем угодно. Но нет. Дерево как дерево.

Лопата в землю вошла без труда. Вкопался я не хуже кабана. Добрался до корней, вдарил. Ничего! Усмехнулся. Плюнул на руки еще раз. Это дело я так не оставлю!

Еще раз всадил лопату — застряла в корнях. Тяну обратно — не выходит. Будто кто-то зубами вцепился и не отпускает.

— Горите, чертовы…

Залез на упорцы и начал скакать на лопате. Ну, под моим-то весом и напором корни должны дать слабину!

— Раз-два! Раз-два! Давай! Раз…

Треснуло древко, и лопата превратилась в лопату-наполовину, а я плюхнулся в яму с грязью, и зад мой вошел туда идеально, будто под меня и копали. Сижу в ней как шут, в ожидании смеха толпы. Но смеха нет. Кроме вороньего. Потянулся за камнем и метнул еще раз в тварей крылатых. Не попал, а те опять взлетели — и на другие ветки.

Хорошо, подумал, что народ солнцеградский не видит меня сейчас. Уехал, называется, прослав-

ленный царь, победитель язычников, колдунов, ведьм и бестий разных, поместье себе за городом строить…

Вылез. Устал. Вернулся к обозу. Накормил Маришку, приласкал, успокоил. Видел: не нравится ей здесь. Круглыми янтарными глазами озирается.

— Знаю, родная, — прошептал ей. — Плохие земли. Но прости, от слова не отступлюсь. Не могу вернуться домой, потому что лопату сломал и зад в грязь окунул.

Я собирался было еще поквитаться с яблоней. Подумал-таки поджечь, но что-то подсказало, что и огонь ее не возьмет. Долго смотрел на нее. Не привык я к тому, что в жизни этой что-либо не поддается ни слову моему, ни делу, ни уму.

Сам не заметил, как сон накатил. В конце концов, еще неделю назад я вел тысячи воинов в бой. Победил немалой ценой, а по возвращении домой мысль эту шальную с переездом поймал. И сижу теперь тут, с заколдованным деревом силами тягаюсь.

Посмотрел еще раз на руки, вечной и будто живой кровью обагренные.

— Утро вечера мудренее, — бросил я Маришке. — Завтра решим, чего делать будем. Агась?

Маришка хмыкнула. На том и порешили.

Накидал в мешок сена, снарядил себе подушку, укрылся старой накидкой, на которой еле проглядывался выцветший, растерзанный погодой и вражеским лезвием семейный герб. Уснул. Спал плохо: места в обозе мало было, ворочаться не получалось, как уперлись широкие плечи в бортики, так и встрял. Даже мошкару отгонять не мог.

А снились мне, само собой, ужасы всякие: стою с секирой царской наперевес. Бегут на меня полчища бесовы, а я молюсь перед битвой последней. Готовлюсь смерть принять. Вокруг люди мои — все мертвые уже, но руки все равно тянут ко мне. Сжимаю древко — и вдруг женушка моя в небесах отражается.

Замираю. Пытаюсь хоть слово вымолвить, но выходит какое-то мычание. А она улыбается мне по-доброму, со всей мудростью, как делала всегда. Так, будто видела насквозь всю суть мою.

— Ты придешь ко мне?

Я киваю.

— Я буду тебя ждать. А пока… — Она что-то говорит. Нет, странно щелкает ртом.

— Я не…

И вот, я вижу чужое войско — полчища врагов,

чью кровь я проливал десятки лет. Пытаюсь услышать, что же Лизонька хочет сказать. И опять щелк-щелк.

— Что? Что?! — вырывается, наконец, у меня.

…На этом месте я открыл глаза.

Щелк-щелк.

Было утро. Я вскочил — и от меня отпрыгнула какая-то бестия, в когтях утаскивая краюха хлеба. Я занес было топор, чтобы рубануть в прыжке с обоза, а там… совенок. Посмотрел, как хлеб укатывается в лужу, потом уставился на меня с укоризной, будто ждал, что я призн*а*ю свою вину.

Я слез с обоза. Пытаясь проморгаться, глянул в небо. На миг показалось, что лицо Лизоньки все еще там. Услышав шорох, я крепче сжал секиру, вгляделся в деревья. Ничего.

Щелк-щелк.

Посмотрел под ноги — а это сова стучит по сапогу. Отпихнул ее, а она опять.

— Отстань…

Эх. Плохая земля, но утро хорошее. Холодное, бодрящее. Такое, что проснулся — и сразу чем-то дельным заняться хочется. Айда на зарядку: приседать да отжиматься. Не царь уже, но тело богатырское и дух здоровый пригодятся. Впереди

большое строительство, и помощи не от кого ждать. Разве что…

Я посмотрел на сову — а у той глаза разных цветов. Смотрит вылупившись.

Ладно: руки вперед, вверх, в стороны, повороты туда-сюда. Что-то хрустнуло то ли в пояснице, то ли в колене. Поприседал. Хруст-хруст. Есть еще силушка!

Принялся отжиматься. Один-два-три. Совенок, вместо того чтобы по-птичьему передвигаться, ходил рядом по-человечьи.

— Тьфу. Глупое создание, — буркнул я и продолжил, а он как на голову запрыгнет. — Восемнадцать… Эй, кыш. Девятнадцать… Кыш, говорю!

Он клюнул в затылок. Заскреб когтями. Пытаясь достать его рукой, я упал.

— Горите, чертовы…

Перевернувшись на спину, я вновь посмотрел в небо, тяжело дыша. Вспомнил слова Лизоньки, зовущей к себе. Она всегда меня видела так, будто я чистым холстом лежал перед нею. Понимала, что осело на дне моей царевой души, разум яснее делала. А теперь все как в тумане.

— Дорогая…

Совенок клюнул меня в лоб. Вверх тормашками я видел, как он смотрит слегка косыми глазами.

Встав, я попытался его изловить, но изворотливости у глупого создания оказалось больше. Погонявшись за ним вокруг яблони, я сдался.

Зато взбодрился.

Жаль, апрель и снега совсем не осталось, чтоб освежиться. Обтерся бы им так, чтоб кожу жгло.

— Нырнуть бы… — Я огляделся по сторонам. Нет, воды-то у меня на день-другой, и все в бурдюке.

Глядя на руки, я подумал: может, отравленной болотной жижей попробовать смыть кровь? Вдруг зло на зло добро дает?

Щелк-щелк по дереву.

— Я с тобой еще разберусь, — пригрозил я пальцем то ли дереву, то ли сове.

Кажется, за три версты отсюда деревушка должна была быть. Видел ее с холма. Я сосчитал монеты — десять серебряных. На месяц хватит.

Глава 2. Нет больше богатырей

Не стал я оставлять ни обоз, ни Маришку в грязном месте. Вдруг волки появятся или, того хуже, бестия какая колдовская? Вышел на добрую землю — не такую, как у Солнцеграда, ни туда ни сюда по цвету и твердости, но, едва ступив на нее, я почувствовал, будто сон отпустил. Задышалось свободно, и перестало давить на грудь гнетущее чувство. Тревога, будто наблюдает кто-то из-за ветвей, отошла, а к воронам поганым я уже привык. То прилетают, то улетают.

Ох, вот бы отмыться от грязи в озере, пускай даже с лягушней всякой.

Пошел я бодро по тропинке, пока до перекрестка не дошел и там не прочитал:

«На-пра-во пой-дешь…» Не туда мне.

«Пы-ря-мо пой-дешь…» А это уже в Солнцеград. Тоже не то.

«На-ле-во пой-дешь — к-Хвой-ной при-дешь».

— Во, — ткнул я на стрелку пальцем. — Налево надо.

Гордость вспыхнула на сердце: это ведь моим указом каждый перекресток снабдили табличками-указателями. Правда, потом выяснилось, что только каждый сотый читать умеет, и, чтоб на смех не быть поднятым, я следом издал еще один указ: обучить простолюд грамоте. А потом и сам, Лизой отруганный, сел за учебу. Ох не сиделось за столом с бумагой, ох не хотелось буковки учить, но обещал ей. А выполнить обещанное — дело святое. Не успела любимая экзамен принять. С того времени хоть и чтецов имел при себе, сам иногда читал. Вот и пригодилось наконец умение это.

Направил Маришку налево.

Через четверть часа вышел из лесу на Хвойное. Деревушка собой ничего особенного не представляла. Главная дорога выводила на круглое сходбище. От него одуванчиком росли дорожки к домам, которых я насчитал с три десятка. А еще отметил для себя отсутствие всякого оборони-

тельного укрепления, а ведь деревушка эта ближе остальных к границе моего… Еремеева царства. Тут и болото заколдованное, и Лес Девяти ведьм, еще не столь старательно очищенный.

— Негоже, — сказал я сам себе, мысленно прикидывая, откудова и докуды частокол взвести. И руки сразу зачесались указ отдать, чтоб прислали дружину для охраны сего населенного пункта. — А, нет-нет, Маришка. Не царь я более…

Да и тут никогда не был. Таких деревушек у меня сотня по всей долине, а в завоеванных всяких землях, которые теперь нам дань платят, вообще не сосчитаешь. И как бы ни хотелось мне все земли свои обойти, возможности в царствие свое так и не изыскал. То с этими своюешься, то на других меч царский поднимать. То третьих, непослушных, на кол…

— Э, стой! — окликнул меня дед беззубый. — Стой-стой-стой! Ты! — Он попытался нагнать меня, стуча по земле палкою.

Я его клич, само собой, мимо ушей пропустил. Негоже царю на простолюдинов клич… Тьфу. Остановился.

«Запомни уже, дурья башка, не царь ты никакой более. И народец Хвойной совсем глушной, не знает, как выглядишь».

— Чего тебе, смерд?

— А ты кем буш? А? — Старик стрельнул в меня прищуром змеиным.

— Кем хочу, тем и буду, — ответил я, окатив его своим коронным взглядом.

— А нет-нет! На наших землях таких не бувает. Ты либо наш-местнай, либо чужой-какой. Вот, точно. — Он окинул меня снизу доверху. — Чужой! Нерусский!

— Это я-то нерусский?! — вскочил я с сиденья и потянулся к секире. Ах, секирушка моя! Как же это без тебя голов лишать… — Это какой я чужой?!

Старику пришлось отдать должное: не шелохнулся, не отступил. Наоборот, за палку свою крепче ухватился и приготовился к драке. Ух… дуну на него, один прах останется!

— А такой. С земель каких-нибудь ненаших.

— Да не иноземец я! Чего пристал, иссохший… — не нашел я крепкого словца, чтоб приструнить. Старик как-никак.

— А за каким делом у нас? Рассказывай давай.

— Торговаться буду с людом простым.

— А ты что, сложнее нашего буш? На вид все то ж самое, что у других. Только в плечах шире обычного. А бороду грозную и я отрастить могу.

Хотя летов уже не хватит. — Он потрогал свою жидкую бороденку.

Ну-с, хватило мне дерзости. Слез я обоза. Погладил Маришку. Подошел к старику, взглянул в глаза, тонущие в морщинах, и аккуратно ткнул в упертый в землю кончик посоха, готовясь рассмеяться от того, как он плюхнется. Но старик устоял. Я поднял кулак свой увесистый, не для удара, а так, припугнуть, а может, и толкнуть слегонца…

— Да я тебя…

— Спасите! — завопила бабка, сидевшая на крыльце ближайшей хибары. — Убивают Серему нашего!

— Кто кого убивает?! — вышла из другой бабища округлая.

— Этот! — указала бабка на меня.

— Да не убиваю я никого! Просто проучу…

— Вот оно что… Старика бить задумал! — закудахтали женщины.

Понял я, что лучше не лезть. Позиция моя, как ни крути, оказалась проигрышной. Подхватил Маришку за поводья и повел дальше к сходбищу.

— Еще свидимся, — произнес старик вслед и сплюнул.

Утро было раннее, народ только-только про-

сыпался, а я уже успел шороху навести. Увидел вывеску «Осиное гнездо»: мужичок с лихо закрученными усищами как раз лениво открывал дверь. Харчевня — самое то. И поесть, и полезных слухов набрать о ближайших соседях моих. Может так статься, что оставшиеся годы бок о бок с ними жить придется.

Прошел я через низкий деревянный свод и шагнул через порог.

— Что-то рановато… — встретил меня сразу голос.

— Питья мне хмельного, да покрепче, — велел я, отмахнувшись от его слов.

— Тем более.

Я подошел к прилавку, за которым мужичок раскладывал посуду. Он окинул меня взглядом с головы до пят и спросил:

— Не видел раньше. Путник, чтоле?

— Сосед ваш новый. — Я хлопнул по столу монетой, чтоб понятны были намерения мои решительные. — Скажи, что выйдет мне на этот серебряник, коль и поесть удумаю.

Он с недоверием взял монету, подставил под солнечный свет.

— Царская. Хм… — поддел большим пальцем, та подпрыгнула, прокрутилась в воздухе и при-

землилась в его ладонь. Весом, кажется, он тоже остался доволен, но, видимо, утренний посетитель доверия не внушал — И чего? Откудова?

— Оттудова. — Я указал на дверь, в которую вошел. — Покормишь иль как?

— Как царя покормлю. Неделю кормить буду, — улыбнулся он. — И вина на свежей шишке налью.

Харчевник нырнул в проход за спиной. Загромыхали стеклянные сосуды.

— Это хорошо. А еще хочу узнать о деревушке вашей.

— А чего тут знавать? — спросил он, высунув голову, и опять спрятался.

— Чем живете-дышите?

— Дышим воздухом.

— А чего интересного случилось в последний год?

— Ничегошеньки. Совсем.

— А может, кто интересный живет?

— А кто тебе, мужик, интересным показаться может?

Я пожал плечами. И вправду. Никто, наверное. Обычно, в такие места заявляясь, мои люди первым делом любителей в колдовство поиграться находили и в зависимости от прегрешения

решали, голову с плеч или отрубить чего в воспитательных целях.

— Ну, может, обижает кто-нибудь вас?

— А кто нас обидит-то? — Он вылез с бутылью, грохнул на стол, откупорил и наполнил мою кружку. — Царские войска всех обидчиков разогнали на многие версты. Давно разбойников не было.

— А нечисть? — Я отхлебнул. Напиток оказался забористый. Опустошил кружку одним глотком.

— М-м-м… не-а. Нету такого.

— Колдовство?

— Какое? — спросил он и взглянул удивленно на кружку. — Темное? Светлое?

— Любое, — резанул я. — Любое колдовство темное.

— Знаешь, мужик, я могу ошибаться. — Он наполнил кружку еще раз. — Но всякая нечисть — колдовская отродь. Но не всякая колдовская отродь — обязательно нечисть. Так говаривала нам с братьями бабка, и, думается, правда это.

— Меча не было на твою бабку, — ответил я.

— Нашелся, — пожал он плечами.

Я долго смотрел на него, а потом спросил:

— Кто у вас Хвойной заправляет? Кто староста?

— Официальный? — спросил женский голос.

Я оглянулся, щурясь от солнца. — Есть. И вы, по всей видимости, собирались его убить.

— Серему-то? — удивился харчевник, глядя на меня. — Деда?

— Клевета. Уж больно дерзкий старичок. Умуразуму поучить стоит. Так это он староста? — Я прищурился, чтобы разглядеть ответившую.

— Был, пока разум его не покинул. — Женщина легким шагом подошла ко мне, приподняла бессовестно платье, села на прилавок рядом и закинула ногу на ногу. Тоже изучила меня взглядом, но таким, от которого как-то не по себе стало. В царстве моем ни одна женщина не позволяла себя взглядов в мою сторону таких. Никаких не позволяла, ни до Лизоньки моей, а после нее уж тем более. А эта еще и ухмыльнулась. — Ну и кто вы будете, гость? Воин какой прославленный?

— Почему сразу воин? Крестьянин я, может, обычный.

— Норов у вас бойкий. Такой, будто все вам с чего-то должны. Крестьяне не такие. Их норов работенка благородная успокоит. Петя, налей и мне, пожалуйста. Моего.

— Сейчас! — оживился харчевник.

Она подождала моего ответа, но я промолчал.

— Стало быть, воин. Такие к нам иногда за-

глядывают. Дерзкие, гордые. Показывают в доказательство царские… штучки, — сказала она с пренебрежением. — А потом требуют еды, питья да ночлег. За старания свои во благо земли родной. — Она вынула невесть откуда мою старую накидку с гербом царским, в обозе оставленную.

— Заслуженно требуют, — ответил я и выхватил накидку из ее рук.

— Ага! Значит, все-таки воин! Своих защищаешь. Богатырь, небось, какой?

— Не-а. Простой мужик.

— Да… — Она придвинулась ко мне, оценила, цокнула языком. — Правда, староват.

— Староват? Да как… — вспыхнул было я, а она уже ухватила меня за руку, вывернула ладонью кверху, подставила под солнце, прошлась своими пальцами и кивнула. — Но руки такие… срединные.

— Это как?

— Подозрительно. — Она подняла на меня глаза. — Вот как.

Харчевник вернулся с зеленым напитком. Я выдернул руку.

— Ваша брага.

— Спасибо. — Она испила. — Это значит, ни туда ни сюда. Широкие плечи, крепкие бедра,

прости за эту подробность, ровная спина. Не выглядишь как тот, кто работу обычную делал всю жизнь, на обратного тоже не похож. Изнеженного боярина или царька.

— Какого царька?

Неужто здешние мнения такого обо мне? Владислав Непобедимый изнеженным у них считается? Ничего эта женщина обо мне не знает!

— Любого, — отмахнулась она и испила еще. — Все на одно лицо. Думается, ты у нас бывший царский воин. Богатырских все же кровей. Удалец, что меч из ножен вынимает при виде зла великого и люд простой защитить готов от угрозы всякой. Так?

Я взвесил услышанное и кивнул. А чего? Ходит сказ о том, что в роду нашем когда-то были богатыри, хоть ныне и перевелись. Порой смотрю на себя в отражении и думаю: может, да. А может, и нет. Силушки у меня за пятерых, и нрав соответствует сказаниям. Царь-богатырь. Многие враги так и называли.

— Идем, покажу земли, которыми управляю, — она легко спрыгнула с прилавка.

— Ты?!

— Дык я ж сразу спросила, тебе нужен официальный староста или всамделишный? Есть дед

Серема, а есть я. Он у нас староста по указу, а я делами настоящими заправляю.

Мы вышли из харчевни и вновь оказались на сходбище. Народ начинать дела свои повседневные не решался. Стояли кто где. Смотрели на меня без одобрения, а лучше бы побаивались. Еще вчера царем их был! Эх, простолюд…

Прошли рядом с крыльцом, где на прогнившем табурете уселся сумасшедший Серема. Проводил меня зырком своим, будто обещая поквитаться.

— Чего это с ним приключилось? — кивнул я на него. — От старости иль…

— Иль, — перебила она меня. — Было у Серемы нашего пять сыновей. Все крепкие молодцы. Для Хвойного опорой служили, даже младший, которому и пятнадцати не было.

— Так и думал, что нечисто тут у вас. Оно и понятно, на границе с колдовскими отродьями жить…

— В каком смысле?

— А кто виной? Вряд ли хворь какая. Вижу, целы деды да бабы. Великанов в этих землях мы истребили, и всех ведьм тоже. Их черепа в мо… — Я осекся. Едва не проговорился. — В палате воинской славы расставлены в Солнцеграде. Своими глазами видел. И насколько мне известно,

на этих землях серьезной угрозы для вас не осталось. Но коль погибли молодцы, значит, что-то вернулось…

Горстка жителей запряталась меж хибарами, когда мы поравнялись с ними. Да чего они боятся-то? Хоть я и в одежде простой, а видом благородство и отвагу всегда внушал.

— Под царские знамена ушли. Воевать с людом всяким. Таким же, как мы, но другим немного.

— И чего, все погибли?

— Все.

Запустил пятерню в седую бороду. Почесал. Подумал.

— Дык, не могли все. Указ был царский: коль трое в семье умрут — остальных вертать обратно. К матерям.

— А кто ж заставит их вернуться? — Она посмотрела как на глупца. — Серема с женой хорошо воспитали их. А теперь их не стало. Жена с горя померла, а Серема… вот. Всякого незнакомого за супостата принимает. Считает, что война продолжается по сей день, придут враги рано или поздно, и тогда-то он отдаст душу вслед за сыновьями, за царя великого. Он и сам говаривает, что не умирает еще только потому, что стыдно будет перед женой и детьми оказаться, если умрет

своей смертью, а не за святость какую.

Я ничего не ответил. Покрутил мысль в голове и воздал в душе честь этой семье. Достойно поступили. А деда умалишенного жаль. Простил ему неприветливость.

— Ну и как тебе у нас, богатырь?

— Никак, — отрезал я. — Видел сотню таких деревушек. Хотя люд ваш какой-то странный. Кривозорют на меня, будто я источник бед ваших.

— Не ты.

— Да и бед не вижу. Хорошо живете. С миром. В огородах все растет, в колодце вода есть. Чего еще надобно людям простым…

— Не скажи, богатырь. Беды некоторые в наличии у нас имеются.

Мы подошли к только открывшейся лавке. Мальчонка окинул меня встревоженным взглядом. Я указал ему на огородину и протянул большой мешок.

— Всего поставь, да не жалей. — Тот послушался и приступил к делу только после кивка управительницы. — Итак. Беды, говоришь? Помощи хочешь?

— Хочу. Но вначале хоть назовись, что ли. Иль дальше богатырем называть?

— Не называй. Не богатырь я. А имя свое оставлю при себе.

Она жестом остановила мальчишку, собиравшего овощи.

— Знаешь, ведь мы можем и спровадить тебя отсюда в другую деревушку. Только она совсем далеко. Ты без меча, а в дороге разбойники иль медведь какой повстречаться могут.

— С медведем проверял я силушку свою. На равных были, — ответил я твердо. — А разбойники меня за версту обходют. Мне и моркови против них хватит. — Я поднял с прилавка морковку и бросил в мешок. — Не пугай меня, женщина. Пуганый я уже. Лучше скажи, почему простому мужику в еде отказываешь?

— А не простой ты никакой. — Она, ухмыльнувшись, встала между мной и прилавком. Сунула руку в мешок, достала морковку и откусила с хрустом. Жуя, продолжила: — Зато у нас закон есть: во времена тяжелые запасы беречь. — Она показала морковь и откусила ее еще раз.

— Бывшему царскому воину не откажете. Иначе челобитную напишу на вас царю. Обругает, отберет запасы ваши.

Я забрал у нее огрызок. Аккуратно оттолкнул ее в сторону, а она, словно белка, мгновенно обошла

меня с другой стороны.

— А может, у тебя прозвище есть? У каждого богатыря оно было.

— Богатырь?! — обронил мальчик, удивленно взглянув на меня.

— А чего? Не похож? — нахмурился я.

— Да, Лютоборушка. Всамделишный, — произнесла староста, ткнув пальцем мне в грудь.

— Я думал, они выше, — ответил тот.

— Уж больно имя у тебя бойкое для хилого тельца, Лютобор, продавец огороди, — вставил я. Мальчик показал кулак и отвернулся.

— Ты детвору нашу не обижай, пожалуйста. Он в войско царское мечтает однажды вступить и с врагами государевыми биться. Зачем мечты рушить?

Я смерил мальчонку взглядом и почесал нос.

— Так есть у тебя имя или как?

— Бурей зови, — ответил я.

Смолоду в битвах громких прозвище получил — за удальство и способность секирой в бою во все стороны вертеть. Но этого ей лучше не знать.

— Бурей. — Она вздернула нос, будто примеряя имя к тому, что видит перед собой.

— Эй, — сказал я. Мальчонка повернулся ко мне, и я бросил ему серебряник. Тощие ноги его

затряслись. — Прикупи железный меч да щит и каждый день с раннего утра упражняйся по крепкому дереву. Быть может, однажды и вступишь в царево войско.

Я закинул мешок на плечо и пошел к обозу. Староста за мной.

— А тебя как кличут? — спросил я, не оборачиваясь.

— «Кличут»? Как некрасиво. Я, вообще-то, дама уважаемая. Никак меня не кличут. У меня имя есть, родителями данное.

Я закинул мешок в обоз и дал огрызок морковки Маришке.

— А лет тебе сколько, староста? — нахмурился я.

Женщина эта обладала, как Лизонька моя, редким свойством выглядеть на любой, кроме дряхлого, возраст: никак я не мог понять, девица передо мной или все-таки особа постарше.

— К чему спрашиваешь? Замуж зовешь?

— Чего? — отшатнулся я. Маришка гоготнула.

— Не обижайся, богатырюшка, но староват ты для меня.

— Чего-чего?! — вырвалось у меня во второй раз. Ах уязвила! Ах поддела! Не старый я никакой.

— Но, может, за седой бородой и морщинами добромолодец прячется? Может, околдован ты? Водицы не из той лужицы отпил? Морковку заколдованную надкусил? Застрял в теле грозном и бессердечном? Может, поцелуй нужен, чтоб чары рассеять? Говорят, лягушку коль поцелуешь, так сразу расколдуешься, и она заодно принцессой сделается. Как тебе план?

Я замолчал. Понял игру хитрую. Умна староста. Язык у нее что помело! Что ни скажи, вывернет и сама словно змея укусит. В этом она мастерица, и, может, поэтому как староста устраивает простолюд. Договариваться небось может, вертеть всеми как хочет, примирять, очаровывать и настраивать друг против друга. Такой советник мне в делах государственных пригодился бы. Будь она мужем. А я государем.

Залез на обоз.

— Поехали, Маришка.

Потянул за уздцы — а Маришка стоит да смотрит на старосту, а та руку прикладывает ко лбу тянущейся навстречу клячи. Никого Маришка, кроме меня, прежде не любила. Видимо, до сего дня. Прекрасно… Нашли общий язык женщины.

— Марфою меня звать.

— Благодарю за гостеприимство, — пробурчал

я и развернул клячу. — Марфа.

— И что, не спросишь, Буря, что за беда у нас? — бросила она вслед.

— Не спрошу. Закончил я с делами кровопролитными. И на вопрос, что в землях ваших потерял, отвечу, что жизнь новую начинаю, но дружбы ни с кем не ищу. За плату лес порубить, землю вспахать — это пожалуйста, но вас-то не эти мои уменья интересуют.

Покинул я Хвойное со знакомыми чувствами. Было проклятие на меня давным-давно повешено, с самого рождения. Куда ни шел, везде судьба увлекала в приключения всякие. За годы ранние по-разному бывало: иногда поддавался, иногда уходил. А как царем сделался, ничего не поменялось. Где бы лагерем ни встали, кто-нибудь местный во что-то втянуть пытался. Приду к другому царю дружбу наводить, и тут получу просьбу да приключение. И казалось мне, что как передам трон, так и проклятие сойдет. Видимо, нет, останется со мной до последнего вздоха.

Но более не поддамся на хитрые игры судьбы. Стоило заявиться, так сразу: помоги да спаси. Неспроста все это. И не только просьба старосты, а вообще все, что со мной приключилось, само это вдохновение неожиданное после битвы.

Будто небо нашептало, что пора заканчивать. Тихую жизнь начинать. И на следующий же день простолюду богатырь, значит, потребовался. Не-а. Дураков нету. И богатырей тоже больше нет. Вымерли они все, как и обещано было пророчествами, чтобы землю святую защиты лишить. Чтобы Злое зло возродилось, а простолюд потом осознал, что самому придется за жизни бороться. И объединимся все, кто меч да вилы в руке удержать может. И поверим в себя в последний момент. Встанем плечом к плечу, Создателю помолимся и победим. Хоть и жертв не счесть будет.

Такое пророчество в скрижалях наших святых осталось, и никогда не сомневался я в правдивости его. И об одном молился: чтоб в живых остаться, чтоб вступить в бой с тьмою и умереть славной смертью. Не суждено, наверное. Не было в последние годы никакого Злого зла — и супостаты обычные, и колдовство знакомое.

Так что никакой я не богатырь, ну разве что капелькой крови. Но и не старик! Ах, Марфа… Вот возведу дом своими руками — из деревушки своей увидишь хоромы мои. Сама начнешь замуж проситься, а не возьму! В сердце моем только Лизонька.

Оглянулся перед тем, как завернуть в лес окаянный, — стоит дед Серема у первого столба и взглядом провожает. Да уж, странная какая-то деревушка. Подозрительная.

Глава 3. Находка

Вернулся я к болоту, когда солнце в зените встало. Весь путь вороны провожали смехом. Будь у меня лук да стрелы, перестрелял бы всех, приготовил бы суп.

Принялся очищать участок. Все, кроме заколдованной яблони, поддавалось топору — рубил я так, будто от полчищ вражеских отбиваюсь. Эх, заскучал по секире своей. Надеюсь, Еремей повесит в тронном зале и внукам моим показывать будет то, что от прославленного деда осталось. Но вначале пусть ею имя себе заработает. Усмехнулся. Как же, коль я врагов на все четыре стороны порубить успел? Да, тяжела задача у сына. Нрав горячий, а воевать не с кем. Вот пусть внуков и

делает. В супружестве будут ему войны. Терпению и мудрости только в браке и научишься.

Ыть туда! Ыть сюда! Звук — что гром. С топором я управлялся неплохо, в пять ударов любое дерево отсекал и слышал, как плачет недобрый лес. Как стонет, когда хватаюсь за корни и выдергиваю кусты. Ничегошеньки не оставлю.

К вечеру собрал все у зыбкой поверхности болота и поджег. Не хотела зелень разгораться, долго сопротивлялась. Когда поддалась, я для интереса поднес горящую ветвь к яблоне. Как и ожидалось, не взяло ее пламя. Точно заколдованное.

Поужинал, посмотрел на работу свою, и душе приятно стало. Чище. Солнца нет, но завтра, когда объявится, обрадует меня и само обрадуется, увидев, чего добился простой человек. А может, не простой? Может, права хитрая Марфа? Может, я и есть богаты…

Щелк-щелк.

Поднял голову. Оказалось, совенок утащил кружку с отчеканенным Змеем Горынычем. Небось, за червя трехглавого принял. Схватил клювом за держак и бьет об ствол, потом клевать пытается.

— Эй. Кружка дареная, иноземная, работа ручная! Таких во всем царстве больше нет. Отдавай

сюда!

Схватился за кончик ветки, шатаю — а совенок выше садится и продолжает дело свое.

— Ты дождешься у меня!

Поискал под ногами, чего б кинуть. Ударилась кружка об голову мою седую. Ахнул.

Поднял камень, прицелился… Совенок не двинулся, так и смотрел глазами разноцветными. Тьфу. Не ворона. Жалко стало, пришибу ведь. Вот бы, как нормальные совы, мудростью и хитростью отличался, но нет ведь. Сразу видно, тугодум.

На следующий день, как проснулся, сразу занялся делом. Негоже прохлаждаться на природе, тем более что нет ее тут. Все дикое, опасное и заколдованное. Хорошо, что оберег со мной. Вынул его, поцеловал и спрятал обратно. Как с колдовством близко соприкоснусь, загорится, предупредит, убережет. И Лизоньку уберег бы, да вот мне даровала, а могла сама носить.

Вышел я на участок и принялся землю топтать, на твердость проверять. Не простая ведь, хитрая, близка к болоту. Коль ученых мужей слушать, так многое тут вплоть до Солнцеграда болотом было, а стало быть, высыхает, и это хорошо. Меньше смраду будет. Но вот в чем беда: земля в Хвой-

ном — добрая. Видел, все растет как надо. А тут — паскудная, неживая, да и мой участок ни туда ни сюда. Опасно стройку начинать. Но раз слово царское дал, буду его держаться.

Я починил лопату и принялся для основания дома траншею копать. Земля была липкая, что плохо, но лопате поддавалась — хорошо. Уже до колен в глубину дошел и прилично в длину выкопал, оглядываюсь, а там жижа собирается. Более того — земля из-под ног уходит. Правильно подумал я: очень она хитрая.

Отошел на другую сторону участка, вроде дальше от болота и, по уму, суше должно быть. Копаю, хорошо идет, но итог тот же. Пробовал еще и еще. С десяток ям выкопал — все одно и то же. На землях своих приказал бы котлован вырыть, чтобы вода вся там собралась, но болото почти безгранично. Не судьба мне по обычаю солнцеградскому дом возводить. Зато другой способ нашелся — более древний, дедовский. Решил на сваях дубовых строиться: гнить не будут, коль смолой смазать, затем закидаю участок камнями, утрамбую как надо. Коль нет твердой земли под ногами, так сам создам из камня и дубовых долек.

День потратил на то, чтоб десять повозок с

речным камнем привезти. Беленький, гладкий, круглый и крепкий. Даже жаль было камень такой в этих местах топить. Будто родную землю предаю.

Продолжал я освобождать участок, насколько возможно, от жижи всякой, доходил до аршинной глубины — и камнями забрасывал. В углах выкапывал глубокие ямы для дубового основания, за которым в Хвойное мотаться пришлось.

Старик Серема опять с угрозами полез, хоть и признал. От Марфы держался я подальше: хитра староста, знаю, чего-то надо ей от меня, и, возможно, это как-то связано с тайной деревушки. Как меня видят, так замирают все, будто воры какие. Так и хотелось закричать, что ни к кому никаких подозрений и дел не имею. Но ведь так бы еще сильнее простолюд перепугался. Пусть лучше привыкают, как к дикому зверю, разок в неделю за прикормкой заходящему. Может, и сдружимся однажды, а может, и нет. В конце концов, я сюда за покоем пришел, а не за шумной компанией.

Купил пилу, поел, как обещано, в харчевне у Пети усатого и умотал. Дуб нашел небыстро. Дерево благородное, абы где не растет, тем более близко к болоту ядовитому. Извинился. Срубил, кое-как утащил. Хоть и стар я, но есть еще…

Щелк-щелк.

— Горите, чертовы пятки…

Увидел совенка над головой, узнал сразу по глазам разноцветным. Опять, небось, пакостничать прилетел! Я опустил дубовый ствол. Присел на него, выпил воды.

Совенок все смотрел.

— Чего надо?

Молчание. С ума схожу, что ли? Конечно, он будет молчать, совенок ведь. Сорвал я с дуба кору, чтоб его прогнать, — вижу личинок каких-то. Сжалился, собрал парочку и бросил птице:

— Ешь.

Посмотрел он на угощение, а потом на меня. Моргнул.

— Знавал я народец, что личинок этих объеденнием считает. Ешь, говорю.

Нет, не стал есть. Я взял личинку:

— М-м-м? — Клюнул носом. — М-м-м! Вку-у-усно. — Посмотрел сам на личинку. Тьфу.

Бросил ему. Совенок тоже клюнул разок, а потом проглотил. Зашагал, ей-богу, как человек зашагал ко мне. Глупая птица. Клюнул перед собой.

— Ан нет, не думай, что друзья мы теперь. Не-а. Пищу хочешь — вот. Добывай. Это мир. Тут тебе

никто на блюдечке ничего не поднесет.

Птица посмотрела на меня, голову склонив.

— Кыш.

Отпугнул рукой. Схватил с рыком бревно тяжелое и потащил дальше. Так и набралось несколько бревен у меня под самые хлипкие места. Четыре угла — четыре опоры. Затолкал первое бревно. Четко вошло, в камень мой уперлось, все как рассчитывал. Второе, подлиннее, — тоже, не в камень, но в землю твердую. Постучал сверху булыжником — хорошо сидит. Третье оказалось мало, накидал под него еще камней — и тоже уперлось. Осталось четвертое. По расчетам моим, тоже должно было встать как надо.

Поставил. Стучу сверху, входит в землю хлипкую — и вдруг застревает на полпути. Что за дела… Стучу сильнее — не идет. Ну и хорошо. Видимо, уперся ствол во что-то твердое. Залез на него — шатается. Нет, так дела не делаются.

Сначала аз да буки, а потом науки.

Вытащил обратно. Нет, такой основы нам не надо. Основа царства — царюшка мудрый и суровый. Основа дома — твердый пол!

Вначале руками порылся — глубока жидкая преграда. Сунул лопату, вкопался — и слышу удар. Ага, твердое, точно булыжник какой. Звук

сильный. Большой, значит, камень. Долго возиться придется. Сунул я руки по локоть в жижу — не двигался совсем. Да и взять не получалось — скользкий. Я огляделся. Надо бы в другом месте копать. А чего — шаг туда, шаг сюда?

Вылез из ямы — смотрю, как живая, жижею сразу заполняется.

— Горите, чертовы пятки…

Долго не думал, обратно прыгнул. Потому что отец учил: коль делаешь — делай правильно. По науке. У меня все отмерено как надо. Никакой камушек не помешает. Принялся копать вокруг него, да так быстро, как мог, чтобы жижа за мной не поспевала.

Смотрю — на краю стоит совенок.

— Чего смотришь? Воду хоть подай, — буркнул я.

А он лапой поддевает камушек, и тот вниз падает, а за ним бугром еще земля шмякается в жижу и капли мне в лицо.

— Ыть! — Я помахал лопатой, прогнал.

Принялся копать дальше, а камень, как назло, будто растет. Я и сам не заметил, как с солнцем распрощался. Нет уж, делом принципа стало узнать, каких размеров глыба, а потом и вытащу, конечно! Ровная такая еще, округлая, будто чело-

веком сделанная.

Наконец добрался до истинных ее размеров. Поддел штыком лопаты, приподнял кое-как и понял, что опять поломаю древко. Привязал к Маришке находку да руками обхватил. Вместе попытались. Раскачали из стороны в сторону, а потом с рывка пошла работа. Совенок сел на камень и принялся команды отдавать:

— У-у! У-у!

Вытащили наконец. Валун оказался продолговатым, облепленным землей да болотной тиной. Будто груша окаменелая исполинских размеров. Еще и в пятнах, будто художник поработал.

— Вот так находка. Что скажешь? — спросил у совенка. Тот на клюв проверяет: щелк-щелк. — Твердая?

Ну ладно. Оставил как есть. Сил не было даже на вечернюю трапезу. На завтра решил приберечь пойманную куропатку и ушел спать, мечтая о том, как выстрою на землях смрадных свой дом и земля очистится потихоньку от гнилья. Однажды выгляну из окна — увижу родной Солнцеград и буду знать, что и там, и тут есть у меня кров. Правда, царского ложа у меня не будет более никогда, но приличную кровать любой достойный человек обеспечить себе обязан. Хороший сон — это

все для человека, силою и умом пользующегося в делах своих.

— У-у.

— Спать надо мне. А не тебе, глупая птица. Ты ночное существо. — Совенок все смотрел, моргал. — Ночное, говорю. Это значит, днем спишь, ночью охотишься, а я наоборот. Понимаешь?

Щелк-щелк по дереву.

Усмехнулся я сам себе. Вот как быстро в дурь ударился. Еще недели не прошло в одиночестве, а уже со зверьем речи веду.

Закрыл глаза. Слышу хруст. Встаю, оглядываюсь. Меня этим не удивить. Всегда знал, что тут всякое привидеться может, лес голову дурит. И все же…

— Есть кто в лесу?! Лучше выходи! Знай, что сплю я все равно что с открытыми глазами! А уж как управляюсь оружием, тебе лучше не знать!

Никто из лесу не ответил.

— Так-то.

— У-у. У-у.

— А ты насекомых отгоняй от меня, — отдал наказ совенку. — Хоть какая-то польза от тебя будет.

И уснул.

Наутро водрузил я на обоз свою находку и повез не спеша. На каждой версте останавливал Маришку: давал отдохнуть, воспоминаниям лихим предаваясь, в которых я врагов жизней лишал. Государей свергал, царские стены крошил и земли вражеские пламени предавал.

Добрались до Хвойной. Вновь окружили сельчане взглядами недобрыми. Не понимали, что нет мне дела до них.

— Где Марфа? — спросил я у первой встречной бабули. Та не ответила. — Немая, что ли… Эй, — подошел к лавке, в которой овощи брал. — Мальчик! Как тебя, хилый с именем храбрым… Где Марфа, староста ваша?

Он посмотрел на дом.

— Там живет? — Не ответил. — Чего с вами такое…

Подошел к избе, постучал в дверь.

— Марфа, это я… Буря! Ты дома?

— Это что? — Я оглянулся. Марфа, стоя за спиной, указывала пальцем на валун.

— Это…

Она быстрым шагом подошла к нему и начала

со всех сторон изучать. Залезла на обоз, постучала по нему, ухо приложив, и все это, пока я пытался рассказать, как нашел эту штуковину.

— …и вот так вот, — завершил я.

— Чего говоришь? — Она приложилась ухом теперь с другой стороны камня.

— Ничего! — обиделся я. — Копал-копал и нашел. Вот. Показываю.

— Зачем копал? Где?

— Дом строю себе на болоте.

Марфа ловко спрыгнула с обоза, взглянула на меня, глаза свои зеленые сузив.

— Дом, значит, строишь?

— Да.

— На болоте.

— Да.

— А знаешь историю недобрых мест этих?

— Колдовство, девять ведьм. Все знаю.

— Не боишься?

Я пожал плечами.

— Кого бояться-то?

— Вот оно что, — закивала она. — Чего это богатырю зла всякого бояться, да?

— Ну… да. — Я даже как-то опешил. Чего это она в наступление пошла? Когда успел обидеть?

— Не знаю.

— А?

— Не знаю, говорю, насчет вот этого. — Она указала на валун. — Очевидно, камушек.

— Камушек? Маришка бы камушек таких размеров сюда не дотащила. Смотри, он по пояс тебе, да и я, каких бы богатырских кровей ни был, камень этот тоже бы не поднял. Это что-то другое.

— Тогда картошка какая иностранная или репа. Раз в земле нашел.

— Репа… чего мелешь? А, шутки опять шутишь, — отмахнулся я. — Я, вообще-то, не к тебе. Есть у вас знахарка?

— А знахарка тебе зачем? Ты ведь сам борец с колдовством.

— Ну или не знаю, мудрец какой? Кто-нибудь есть умудренный опытом жизненным, на все вопросы ответ имеющий? У нас в Солнцеграде всегда был такой, чтоб за советами к нему обращаться.

— То, что у вас есть, не значит, что и у нас должен быть, — уколола она меня.

— Как это? Они ж везде бывают! В каждом городе и деревне. И у вас должен быть мудрый старик с бровями густыми и посохом. Или старуха скрюченная.

— Да не бывают они везде. Где-то, может, и

бывают. А где-то не бывают. Ты Серему спроси. — Староста кивнула на умалишенного. — Он у нас точно умудрен опытом.

Услышавшие наш разговор рассмеялись. Серема тем временем что-то серьезное с подсолнухом обсуждал. На миг мелькнула у меня мысль объявить смердам, с кем они разговаривают. Всех на колени, да и отхлестать плетью. Да вот житья потом мне не будет. Станут в ряд выстраиваться, только на горизонте седую макушку мою завидят. А еще хуже, коль с дарами начнут захаживать на участок мой. Нет-нетушки.

— Ну, хорошо, люди добрые… — процедил я. — Смейтесь. Ноги моей здесь…

— Да стой ты, — залепетала Марфа, мигом переменившись. — Вон там, — указала на избу, — травница наша живет. Шушей звать.

— Будьте здоровы, — пробурчал я и повел обоз к травнице.

Та вышла из дому и тоже закружила возле моей находки, что-то шепча себе под нос, принюхиваясь. Странная была, и пахло от нее резко, всеми зельями разом.

— Это что-то… это что-то… Хм. — Замерла. Побежала в избу, вернулась с молоточком, постучала, собрала в бутылек серый песочек от находки,

показала мне. — Изучу. Пока ничего не могу сказать.

Прежде чем уйти, остановилась, уставилась в мои глаза.

— Усталый ты какой-то… кем бы ты ни был.

— Работаю каждый день. С утра до ночи.

— Нет. Ты весь какой-то судьбою битый. Руку покажи-кась.

Я с недоверием протянул руку ладонью кверху.

— Хм… да уж, да уж.

— Так ты провидица?

— Не-а. Они коль и есть, то будущее видют.

— А ты?

— А я общий рисунок понимать могу.

— Чего рисунок?

— Годов всех твоих.

Я сам посмотрел на все линии на ладони, и так и сяк — черточки да треугольники, мозоли да тертости, шрамы да…

— Тяжелый он у тебя. Рисунок.

— Это как?

— Бед всяких полон. Ударов судьбы. Такой руки никогда не видывала. Коль столько пережил, силен, значит, не только телом, но и духом.

— Силен, — без ложной скромности сообщил я.

А вот смерть Лизоньки почти поломала. Чтоб в

горе не утонуть, объявил я войну всему колдовству, что на землях моих осталось. А потом еще и нового врага подыскал для военного похода и отвлечения мыслей.

— Но ты смертный. Помни об этом и о том, что силушки твои не бесконечны.

— Да все уже, бабка. — Я залез на обоз. — Свое отвоевал. Не будет у меня в жизни никаких перипетий. Теперь только я и дом мой.

— Ах не скажи, не скажи, — улыбнулась она беззубой улыбкой. Я отвернулся и направил Маришку в лес. — Я ведь сказала, я вижу всю картину. Вот ты себя Бурею зовешь, а на руке другое имя написано.

Я хотел спросить какое, но не стал. Конечно же, если там и написано, то мое имя — имя царя — Владислав. Но назвала она другое:

— Вереск. Ждет твое сердце, и без того израненное, укол, и не один.

Вереск? Я развернулся, но ее уже не было на крыльце. Вереск. Так меня назвали при рождении. Неужто знает она меня? Иль колдовство все это? А ведь, по добру, было бы верно сообщить в Солнцеград о бабе подозрительной. Может, она и не промышляет колдовством, но что-то с ней не так.

Вереск.

Отец хотел дать хорошее звонкое имя, но родился я слабенький. Считалось, что умру, и было бы хорошо уже о следующем ребенке задуматься. Но и мать моя тоже умирала, не оправившись после тяжелых родов, и перед смертью сказала: какое бы имя мне ни дали в будущем, сейчас меня, как и растение, что, сколько ни топчи, продолжит расти, будут звать Вереском.

Отец согласился. Многих лекарей привозил он со всего света — показать сына хворого. Каждый пробовал свое: зелья, заговоры, руны, обряды. Ничего не сработало. Тогда какой-то восточный мудрец сказал, что имя у меня неправильное. Не слыхал он такого имени, хоть и повидал мир. Отец чуть было не лишил его головы. А я, как верескова трава, продолжал держаться за жизнь и пускал в нее корни, все глубже и глубже, пока не окреп. Мог и Вереском остаться, но после первого году стало понятно, что дух во мне больно могучий. Силе моей проснувшейся и нраву бойкому нужно было имя под стать. Вернул отец восточного мудреца и сказал, что теперче сын готов к нормальному имени, и поведал мудрец, что сотни лет народы наши воевали, пока не пришел с земли русской богатырь. Войне он предпочел

мир и остался в краях тех оба народа оберегать. И звали его Владиславом.

Вереск — трава неправильная, но сильная, растет там, где другие не растут. Чем не я? Вереск — трава полезная, и я тоже много полезного для народа сделал. Вереск — трава упрямая: растопчешь — снова вырастет. Да и я всяку войну до победного конца доводил, даже уступая в количестве заточенной стали. Вереск — трава красивая, ну тут уж ладно. Может, и был я когда-то красив, да морщинами и шрамами покрылось лицо.

Эх. Не знаю, но Вереском я был лишь год от роду, а потом Владиславом стал. После успехов на поле брани добавилось к имени Непобедимый. Буря. А теперь и не знаю кто.

Слез с обоза, извинился перед Маришкой за то, что на старости лет заставил два валуна — и себя и этот — тащить. И повел не спеша за уздечку.

Глава 4. Кости да хруст

Поработал на славу. Застелил с четверть будущего дома покрытием дубовым: и красиво, и крепко. У нас вообще много с дубом общего, благородство так уж точно. Ужинал в размышлениях этих, но вдруг почувствовал, как холод ударил. Несмотря на апрель, непогода иногда настигала. Быстренько соорудил себе из ветвей шалаш, лежанку, развел костерок. Собирался Маришку поближе привести, ищу ее, далеко никогда не отходящую, — а она у обоза. Боком к валуну прислонилась, так и стоит. Сердце мое что-то заволновалось.

— Идем, Маришка, к костру, там теплее будет, — позвал я, пытаясь ее увести. Не пошла.

Другим бочком коснулась валуна. — Хм-м…

Приложил руку — и почувствовал от него тепло. Вот чудо. Но гадать времени не было, быстро холод наступал. Дотащили валун до костра. Сразу теплее стало.

Утром я призадумался: в чем секрет этой «дыни»? Приложился к ней топором, камнями, бревно на нее уронил. Хоть бы что. Раскалываться не хочет. Ну явно не валун, ведь легче обычного, да и силушку как бы в себя принимает, а от места удара немножко пыльцы во все стороны разлетается.

В детстве моем старцы рассказывали о камнях, что с неба падают. Другие говорили, что это звезды, и падают они, когда богатырь какой-нибудь дух испускает. Не знаю. Богатыри закончились, а звезды остались. Я и сам любил долго в небо ночное вглядываться и видеть звезды, разрезающие тьму.

— Царь… — позвала меня Лизонька из постели.

— Я тут, — произнес я, стоя на балконе.

Она вышла ко мне, укутавшись в одеяло.

— Оставил царицу в ночи. Не боишься, что украдут? — пошутила она.

— Найду вора за тридевять земель. И на кол посажу. А землю его тридевятую превращу в пепел, — ответил я спокойно.

— А коль любит он меня больше твоего?

— Не любит. — Я посмотрел в глаза ее и почувствовал ту же нежность, как в день, когда увидел ее впервые. — Не верю, что кто-то может любить тебя больше моего. Коль такой имеется, перед тем как головы его лишить, попрошу рассказать мне тайну.

— Тайну чего?

— Того, как любить тебя еще сильнее.

Я поманил ее к себе и обнял.

— Ну и чем ты тут занят? Земли свои меришь взглядом? Не вырастут они за ночь.

— Туда смотрю. — Я указал пальцем на небо. — На звезды. Пытаюсь прочитать планы Создателя.

— Планы на мир?

— На меня.

Она слегка рассмеялась, а я нахмурился.

— Не серчай, храбрый воин, но небо-то общее. Твои планы — это планы каждого, кто смотрит на звезды.

— Общее, но не веришь же ты, что Создатель

всему простолюду послания отправляет? На что им оно? Не поймут безграмотные крестьяне. Не растолкуют по немудрости своей. Так что послания все идти должны в правильные головы — к тем, кто миром этим с его позволения правит и жизнь других лучше делает. К царям и прочим держателям корон да тронов всяких.

— И поэтому ты покинул ложе царицы. Пытаешься весточку от Господа получить?

— Ну… да. — Я почесал затылок. — Знаки ищу.

— Какие?

— Что все делаю как надо. Как правильно.

— Тогда и корону бы надеть. Да побольше, а то вдруг послание мимо пройдет. Не уловишь.

— Шутки шутишь.

— Шучу. — Скинув одеяло и оставшись в одной сорочке, она легко запрыгнула на перила балкона, но я не боялся. Коль Создатель мне лучшие мужские качества даровал, то ей досталась вся кошачья ловкость. — И насколько успешно очи царевы распознают послание?

— Ни на сколько. Возможно, не готов я к ним сегодня. А может, глуп. — Я взялся за парапет и посмотрел в самый низ. Ночной дозорный отряд пересекал главную площадь перед крепостью.

— Тогда спешу обрадовать тебя, царюшка, что

супруга твоя совсем не глупа и, коль чего случится с тобой, подменит в звездочетном деле.

— Да? — усмехнулся я. — Ну, сообщи же скорее, чего ждать нам в будущем. А то стою тут как истукан который час.

— Добрых вестей, — улыбнулась она. — И смерти моей.

Когда поднял глаза, любимой уже не было на балконе.

— Лиза? Лиза!!!

Не успели открыться глаза, как рука потянулась к секире. Не нашел ее подле себя, только топор — и тот уже от работ наших на последнем издыхании был.

Утро едва наступило. Маришка спала, совенок на ветке тоже сопел. Кострище почти испустило дух. Подкинул веток, подул на угли — мигом вспыхнуло пламя. Мог бы еще поспать, но решил не искушать судьбу. Не хотелось опять снов этих, которые и снами-то не были. Скорее исковерканными воспоминаниями.

— Лизонька, — прошептал я, глядя на небо.

Последние звезды пропадали, а может, глаза мои от стольких лет глядения в вышину бесконечную устали.

Много чего я понял, глядя на звезды. А что понял, то и было посланиями… Не мог ведь все придумывать. Не мог сам войны затевать, леса очищать. И разрушенье, и созиданье — все от Него. Вот бы и сейчас получить, пущай я без короны, но ведь остался богоизбранным. Куда жить? Чего ждать?

«Добрых вестей. И смерти моей».

Почувствовал, как сердце болит; что плакать мне хочется, будто рану эту вчера нанесли, а не годы назад. Непозволительно ни царю, ни славному воину Буре слезы лить. Ни на людях, ни в этой проклятой глухомани.

Проработал весь день за десятерых. По-злому. Не давая мыслям никуда разбрестись. Нет времени на скучанье по Солнцеграду, по делам военным и по любимой потерянной. Строился дом бодро, и настрой мой боевой ему вторил. Ничего нет лучше, чем видеть результат трудов.

К вечеру сел суп из пойманного зайца варить.

— А знал ты… — начал было я, но вдруг задумался, как определяют у сов пол их. Может, это она, а не он? Махнул рукой, решил, что мужик

это, коль глупый такой.

Женщины, конечно, не умнее мужчины, это всем известно, но хитрость какая-то в каждой есть. А смотришь на совенка — ни ума, ни хитрости. Щелк-щелк. Принялся стучать по «дыне». Точно мужик. Кто еще такой упертый будет?

— Ты себе клюв не сломай. Клюв… Клюв! Вот, Клювом звать тебя и буду.

— У-у.

Помешал суп.

— Вот знал ты, к примеру, как лучше всего из леса колдовство недоброе изгонять? Тут есть два метода. Первый… — Я хлебнул супа, растеклось тепло по телу. Добавил соли. — Тебе, конечно, не понравится мысль моя. — Я посмотрел на совенка. — Сжечь все. Каждое дерево, каждый куст и травинку. А как заново вырастут — опять в пекло. Еще и еще. За десяток лет земля, возможно, хотя бы немножко для хозяйства пригоднее станет. Да, слабой от пожаров, и всякого червя да жука сгубит пламя, но и злое вместе с остальным в пепел превратится. То легкий метод. Но десять лет… — Добавил кореньев, гриба и дикого лука. Помешал еще раз. — Но тут есть обратное свойство — земли защищаться начинают иногда. Нечисть всякая вылезает, и приходится держать подолгу отряды

на границах, пока всю не перебьем. А тут у меня такой возможности нет, как мог ты заметить своими разноцветными глазами.

Дальше я принялся лепешки походные месить. Дело простое: вода, мука, соль да яйца — добыл вороньи, с деревьев. Костер разжечь надобно на крупных камнях, потом без разбору побросать на них тесто, чтоб прилипло, — и вскоре готова лепешка с родной земли, да еще с ароматом костра. А коль поверхность камушка чесноком перетереть, так вообще объеденье получится. Ах, не хватает сметанки…

— Второй метод великий предок мой Иоанн Мудрый открыл: старательно, с добрыми намерениями, обживаться. И главным орудием в методе этом будет не лопата, а намерение сердечное землю от скверны очистить. Глядишь, за три-пять лет получится преобразить вот это вот, — я поддел серую грязь, — в хорошую черную землицу. Обратное свойство у метода этого, конечно, усилия. Этого всего у меня много. И времени, думаю, хватит. А у тебя?

Совенок склонил головку настолько, что выкрутиться должна была, и посмотрел на меня.

— Коль раньше тебя умру, будешь внукам своим рассказывать, что земли эти добром напитал

Непобедимый. Понятно? И ни разу при этом ничьей кровушки не пустил. Человечьей. Не подруга мне больше сталь заостренная.

Я принялся за еду.

— Я человек мирный… — пробубнил я с набитым ртом.

Эх, вкусно было. Ничего нет лучше, чем еда походная. Особенно после битвы славной. Времена были…

— Зарекся я, Клюв. Больше никаких битв. Нет. Коль мог бы — и зайцев, и куропаток, и всю остальную живность щадил бы. Но питаться-то надо. Ты вот мышей уплетаешь, лягушню всякую да жуков. А я вот лепешки походные люблю. Аппетит вне дома повышается, на природе дикой! Вот что я понял.

Бросил Клюву лепешку под дерево. Тот, как всегда неумело, приземлился. Очистился и попробовал. Вроде понравилось.

— Вкусно? То-то. А ты думал, я тебе сказки рассказываю? Не гусь фаршированный еда настоящая, а то, что на костре походном сделано. Там, где придется.

Сегодня ночевать мы собрались уже в доме. На деревянном покрытии, хотя и покамест без стен. Ни валун ни дыню — печку мою чудную

— поставили рядышком.

Я пошел умываться перед сном. Снял оберег. Ветки рядом не оказалось, положил на валун. Спустился к болоту с ведром воды чистой. Облился, взбодрился — и вдруг слышу опять шум. Конечно, то могло быть что угодно — и лисица, и еж, но я человек опытный. Знаю, когда за мной следят. И следили за мной с первого дня на болоте. Кто-то подозрительный, кто-то хитрый, но, видимо, не очень опасный, раз не нападает пока.

В эту ночь хитрец был особенно неосторожен. Закончил я умывание, уже точно зная, в каком направлении он прячется. Вернулся к костру, взглянул в глаза Маришки и подтвердил свои опасения. Она чужака тоже чувствовала. А может, и видела.

Взял я аккуратно бревно опаленное, запел песню, что Лизонька пела детям перед сном. Присмотрелся к проделанному сегодня.

— Хорошо поработал, теперь посплю… — сказал я, а потом как ринулся к болоту, держа бревно пламенным концом вперед! Принялся махать им, крича всякое страшное.

В вязкой тине послышалось хлюпанье.

— Ага! — заорал я громче. — Ну и кто ты?!

Никого не нашлось. Живого, по крайней мере.

Зато нога нашлась. Кости человеческие: ступня да голень. И не лежали они в болоте, а стояли, без тела остального.

— Будь проклято все колдовство этого мира… — прошептал я, схватился за кость и вынул из липкого плена.

Ни хрящей, ни мышц — ничего, кроме костей, а связаны они были между собой только колдовством. На всякий случай я огляделся. Никого. Вернулся к костру.

— Смотри, чего нашел, — показал Клюву. — Мертвяки расхаживают… Видел такое в лесу поганом?

— У-у.

— Н-да… Не к добру. Надо быстрее дом достраивать. Говорил ведь, живность проклятая сопротивляется. Тянется ко мне, как насекомые к костру, знает, что добро я несу. А там, где добро, вот этому, — я показал мертвячью ногу, — места нет. Для колдовства и нечисти погибель я.

— У-у.

— Ну ладно. Я пошел спать, а тебе пора бы уже на ночной уклад перейти. Завидишь чего странного — буди сразу.

Совенок молчал.

— Ну тебя. Хорошо, что у меня Маришка есть.

Она-то жмурье всякое ко мне не подпустит.

Хруст.

Я вскочил, вооружившись.

— А ну, покажись!

Замахнулся. Вспомнил, что у меня в руках жмурья нога. Тьфу. Выбросил, схватил топор.

Опять что-то хрустнуло.

Чувствуя, что защиты не хватает, я потянулся к груди. Что? Где? Где оберег?

Вспомнил, что на валуне оставил. Скорее взял, накинул на себя.

Еще один хруст — прямо передо мной. На месте, где лежал оберег. Ровно по линии валун начал трещину давать, а внутри него что-то закопошилось.

— Яйцо… — сказал я и отступил, одним глазом следя за тварью, а другим ища веревку.

Глава 5. Злое оно иль доброе

— Марфа! Марфа! — закричал я, только завидев табличку Хвойной.

Ночь была поздней, и все же свет из некоторых изб просился наружу.

— Марфа! — Я остановился у костра, что разжигали в центре сходбища, вгляделся во тьму, пытаюсь вспомнить, какой из домов ее. — Марфа!

Открылась одна из дверей. Со свечой и палкой выбежала староста.

— Буря? Ты чего разорался ночью!

— Не время разговоры вести.

Она открыла было рот, чтобы ответить, но, услышав скулеж странный, утробный, замолкла.

Посмотрела на обоз и увидела на нем треснувший ровно по центру, наскоро перевязанный веревкой валун — точнее, скорлупу, почти расколовшуюся.

— Это откудова?

— Оттудова.

Марфа отошла назад, подставила свечку, изучила всю открывшуюся картину происходящего и коротко спросила:

— Значит, яйцо?

— Ага.

— Треснуло?

— Ага.

— И что там?

— Да откуда мне знать? Собирался рубить, коль дьявольщина на свет появится, а потом вспомнил про веревку и связал как мог. Не знаю, что там, но пахнет плохо. И звуки издает недобрые. И размеров немалых. И силы…

— И это ты привез в нашу деревню? Не очень умно, Буря, но ты и сам сказал, что воин царский и вы умом не блещете.

Я собирался было возмутиться, но она остановила меня жестом.

— К Шуше веди лошадку.

Добрались, разбудили бабку. Вышла она из

избы и принялась ругать нас обоих последними словами за то, что со сном разлучили, в котором она любимого, чьего имени даже не помнит, встретила. Я собирался хотя бы ее на место поставить, да вот не принято простому мужику ругаться с бабой. Да и царю тоже. Он-то просто указ отдать может — казнить, а простой мужик выслушивать должен кудахтанье это. Терпел как мог, а когда запустил воздух в легкие, чтобы ответить, она замолчала сама.

— Это чего? — спросила она, смотря нам за спину.

— Не знаем, — опередила меня Марфа.

— Яйцо?

— Ага, — ответили мы оба.

— Треснуло?

— Ага.

— Хм… Знала ведь, что нечисто все с этим «камушком». Ну, давайте открывать.

— Зачем? — спросил я. Опять послышался скулеж.

— А шо делать? Так оставишь?

— А вдруг там дракон какой?

— Да вымерли они уже, — отмахнулась бабка. — Снимай давай путы.

— Коль сожрет всех, то тебе отвечать.

— Коль сожрет всех, то не придется ни перед кем отвечать, — парировала Марфа и, вынув невесть откуда ножичек, резанула по веревкам.

Зашаталась скорлупа в обе стороны, а нечисть внутри продолжила шевелиться. Мы на это озадаченно смотрели.

— Помогай иди, чего встал, — отдала команду бабка, ткнув в меня посохом.

Подчинился. Схватил за одну сторону и потянул на себя. Не поддавалась скорлупа, потянул сильнее, споткнулся, и покатилось из обоза яйцо прямо на меня. Упало на голову, залило жижей мерзкой. Я отпрыгнул в сторону, потянулся за секирой… ах, где же ты, подруга смертоносная, когда так нужна?!

— И кем ты будешь? — обратилась бабка к черному существу размером с небольшого кабанчика. То скулило, барахталось в траве, не могло никак встать на ноги.

— А не слон ли это? Детеныш слоновий, — предположил я.

— Это что?

— Видел на картинах людей смуглых, восточных. Скотина их боевая. Размером с две избы вырастает.

— Сказки рассказываешь, — не поверила Шу-

ша. — Как может быть таких размеров?

— Клянусь Создателем! И эти у нее. — Я показал рога из-под носа. — Чтоб бодаться с врагами.

— Добрая?

— А мне почем знать?! — рявкнул я.

Нечисть к голосу моему прислушалась, замолчала на мгновение. Посмотрела в мою сторону широко расставленными глазами.

— Слышит. Она тебя слышит, — произнесла Марфа.

— Конечно, слышит. У нее уши ведь есть… где-нибудь. — Я обошел животное, нашел прорези по бокам головы с большим, будто для бодания созданным лбом.

— Ну-с… сейчас определять будем, злое оно или доброе, — сказала Шуша.

— А как?

— А я придумаю! — И бабка ушла за избу.

— Ему надо поесть. Надо что-то придумать, — принялась размышлять Марфа.

— А может, оно людей ест. Ты ему руку протяни, проверим, оттяпает или нет, — произнес я серьезно.

Она указала на меня пальцем и сделала угрожающий шаг в мою сторону.

— Воть! Сейчас понятно будет! — Шуша верну-

лась с цыпленком. — Съест — значит, зло.

Поставила она цыпленка перед нечистью и попятилась назад. Та перестала скулить, присмотрелась, послушала, понюхала. Открыла рот беззубый, из которого наружу сразу два змеиных языка попросились. Я аж отшатнулся: никогда не видел мерзости подобной! А нечисть облизнула цыпленка, боднула легонько, будто отправила туда, откуда взялся, — и потеряла к нему интерес. Продолжила скулить.

— Ну все, — захлопала бабка, пританцовывая. — Добрая скотинка адовая!

— Я не столь разборчив в делах скотоводческих, но опыт твой, баба Шуша, ничего не доказывает, — заметил я. — Сунь лучше палец ей в пасть.

С лица бабки пропала радость.

— Сам сунь! Голову сунь лысую свою!

Я потрогал макушку. Эх, и вправду плешивый стал.

— Не знаю, — произнесла Марфа, сев на корточки перед существом. — У всякой твари… детеныша мама есть.

— Я в болоте ее нашел. Глубоко в жиже. Не было там мамы никакой, и выглядело яйцо это, как пролежавшее под землей тысячи лет, — сказал я.

Вокруг понемногу начал собираться народ.

— Опять замолчала скотинка, когда ты заговорил, — заметила бабка.

— Я к тому, господа, что у всякой мамы молоко бывает для детенышей, — объяснилась Марфа. — И для ежа, и для волка. Сейчас принесу коровье.

Она убежала. И бабка убежала. Остались я, чудовище и толпа, стоявшая поодаль.

— Вернулся? Вернулся! Зло привел с собою! — заорал, выходя вперед, Серема. — Смотрите, народ, какую тварь привел! Убить ее надо! — Он занес дубинку.

— Подожди, старик, непонятно еще, — остановил его я.

— А чего это ты раскомандовался?! Царем себя возомнил? — Серема опять замахнулся, но я поймал дубинку и, сжав пальцы, превратил ее в щепки.

— Мне и самому она не люба. Но мы не знаем, что это. Быть может, кара господня, а быть может, что-то невинное, как жук навозный.

— Убить, пока не поздно! Убить ее! — продолжил тот, меня не слушая.

Вернулась бабка. Мясо чудовище попыталось съесть, так же лежа, но не смогло.

— Зубов пока нет, но мяса хочет, — подметила бабка. — Хищное.

— Курица тоже мясо ест, — не знаю зачем, защитил я создание.

Мякоть хлеба съело, но закашлялось.

— Расступитесь! — скомандовала Марфа, неся два ведра молока и тряпку.

Осторожно приблизилась к зверю. Тот, напуганный, задергался. Она выждала и попыталась накапать в двуязычную пасть молока. Оно ему сразу понравилось: оживился зверь, потянулся языками, но теперь пришел черед Марфы испугаться. Она нервно рассмеялась, но все-таки принялась его кормить, мягко поругивая за то, что пытался проглотить молочную тряпку.

Я удивленно наблюдал за действом. Ей-богу, эта женщина кормила зверя, словно новорожденного теленка, а тот сам тянулся к ней. Между ними будто крепла связь, а звонкий смех Марфы, будто колдовским заговором, успокаивал встревоженный люд. Даже Серема, и тот перестал буянить.

— Вертайтесь по домам, — сказала баба Шуша. — Вертайтесь. Завтра обсудим события эти. На совете.

Зеваки начали расходиться.

Когда одно из ведер почти опустело, Марфа взглянула на меня, будто затеяла шалость, и потянулась к редковолосой макушке зверя. По-

пыталась пригладить, но только коснулась, и в тот же миг глаза ее будто сами закрылись. Она отдернула руку — обожглась, что ли? — и упала наземь.

— Марфуша! — бабка потянулась к ней.

— Я ничего… я хорошо… — ответила та, держась за руку и глядя на тварь со смесью удивления и страха.

— Чего случилось-то? Горячая? Колючая?

— Не знаю, Шуша… — Марфа посмотрела на меня и сказала: — Забирай. Чем бы ни было создание, оно твое. Это детеныш. Вряд ли он такому отважному воину навредит. Забирай и воспитывай. При правильном подходе и медведь ручным сделаться может.

— Ну уж нет. Нет! — отрезал я, махнув рукой. — Незачем мне оно. Вам оставляю, делайте что хотите. Вижу, мяса в нем много, порежьте, когда подрастет, и ужин для всей деревни получится славный.

Шуша потянулась к посоху.

— Да шучу я, бабка! Оставьте себе как псину, пусть деревню охраняет. Я брать к себе это… чем бы оно ни было, не буду.

— Тьфу на тебя, окаянный! — ругнулась она. — А ну, забирай! Правильно Марфа говорит. У

всякой твари мать бывает!

— А при чем тут я?!

— А ты посмотри на него. Или нее. Всякий раз, когда рот свой грозный открываешь, оно замолкает. Оно тебя слушает.

— Да боится оно меня, как все тут! — Широким жестом указал я на всю деревушку. — Громкий я чрезмерно. И выгляжу угрожающе.

— Слу-ша-ет. Только тебя и слушает, — не унималась Шуша. — Нет уж. С детьми надо с момента зачатья разговаривать. Не знаю, когда там и как яйцо это появилось, да вот слышало оно тебя все эти дни, пока готовилось вылупиться, и голос твой теперь узнаёт! Считай себя его родителем.

— Ну хоть ты скажи ей! — обратился я к Марфе.

Зверь ко мне повернулся и слушает.

— Верно Шуша говорит, — прошептала староста, продолжая пальцы тереть. — Забирай зверя и уходи.

— Нет.

Я вскочил на обоз, взялся за узды и направил Маришку туда, откуда пришли, но тут же понял: она отказывается. И так и сяк морду воротит.

— Да чего это с тобой?

Слез, посмотрел в глаза жалобные, а она заржа-

ла недовольно и кивнула в сторону зверя.

— И чего предлагаешь? Чем кормить? У тебя молока нет. Да умрет он там в болотах!

Нет, видно было: не соглашается. Копытами землю буравит.

— Сговорились женщины… — пробурчал я.

Подошел к зверю. И так и сяк со всех сторон, а он на других не смотрит, только на меня. Да ведь не я его с полчаса молоком кормил!

— Забираю, будь оно все проклято, — сказал я. — Коль притронусь, будет чего?

— Не знаю, — ответила Марфа, и я недолго думая коснулся. Грубая кожа, жесткая липкая шерсть, но более ничего.

— Отмоем? — спросил я у бабки, и та побежала за ведрами с водой.

Марфа тоже ушла, а вскоре я не без усилий взял накормленного и помытого зверя на руки. Тот, разинув пасть, потянулся ко мне языками своими и лицо облепил.

Марфа принесла еще два ведра молока.

— Чего с меня? — спросил я и потянулся к кошелю. Она не ответила. Продолжала задумчиво смотреть на зверя чудного. — Марфа.

— А? — она дернулась, будто очнулась.

— Кошеля с собой нет. На болоте оставил. За

молоко позже расплачусь.

— Так бери.

— За так ничего не беру. Считай меня должником.

Я подошел к Маришке.

— Довольна? — Кобыла кивнула. — Тогда едем.

Глава 6. Ох, плохи дела

Утром я проснулся оттого, что совенок прыгал по голове. И не прогонишь!

— Да что тебе, сова, не спится…

Встал. Потянулся. После вчерашних приключений спина одеревенела.

Вдруг осознав, что зверь мне не приснился, я выбежал из недостроенного дома. Смотрю на заколдованную яблоню, к которой привязал его, и вижу оторванную веревку.

— У-у!

— Не до тебя сейчас, птица! Зверя потерял!

Пошел я по его следу. Раз есть след, значит, ходит уже. И силушки много, раз веревку оторвал.

— У-у!

Взлетел с ветки Клюв — и к обозу. К Маришке. К Маришке! Рванул и я, шлепая босыми ногами по болоту, а с него на твердую землю. Ну, коль обидел зверь лошадку мою…

Смотрю, спит как обычно. А рядом с нею часть скорлупы, из-под нее торчит черный хвост, конец которого ширится, как лопата с пучком шерсти. Ну, и веревка там же. Скорлупа слегка поднимается и опускается. Слышен храп.

Заглянул. Спят почти в обнимку.

Отошел, сел на пенек, а совенок — мне на плечо.

— Знаешь, Клюв, я собирался начать новую жизнь.

— У-у.

— Да. Без войн, без крови…

— У-у.

— В одиночестве.

— У-у.

— С Маришкой все понятно. Мы много лет дружим. Но откуда взялся ты и этот лохматый зверь?

— У-у?

— Да, да. Вы оба. Откуда вы взялись? А?

Опять вылупился и молчит.

— Ладно, идем завтракать.

На запах еды проснулся зверь. Он огляделся по сторонам, увидел меня и поплелся нерешительно. Застрял в грязи, поскользнулся на луже, споткнулся о веточку, упал в колючий куст. Чего только с ним не произошло за эти тридцать шагов ко мне. И тогда понял я, что буду звать его Чуденем. Чудной ведь. А чем тогда не Чудень?

Он подошел к жерди, на которой висел мой котелок, принюхался.

— Сейчас будет горячо, — сказал я, и тут же зверь, тронув хвостом уголек, отпрыгнул, повалился на бок и стал барахтаться, не научный пока ловко на ноги подниматься. — Я предупреждал.

— У-у.

— Сам виноват.

— У-у!

— Да что ты будешь…

Я встал с табурета, приподнял зверя, поставил на ноги. Он посмотрел на меня будто с укоризной, плюхнулся задом в землю и принялся за игрой пламенных язычков следить. Сова то с одной стороны к нему подходила, то с другой, а он с интересом ее разглядывал, но как только совсем приближалась — пугался.

— Было одно глупое создание. А теперь вас

два, — вздохнул я. — Только мы с тобой разумные остались, — посмотрел я на Маришку, а та уже проснулась и словно собака скакала вокруг дерева за бабочкой.

«Бабочка, — подумал я, — добрый знак. Побеждаю, значит, зло своим присутствием тут».

Чудень оказался непривередлив. Ел и овощи, и мясо измельченное, но больше всего молоко полюбил. А кто ж не любит свежего коровьего молока? Я и сам пригубил, да представил осуждающее лицо Марфы. Не мне дали молока. Но, вообще-то, я за него заплатил! Ну, заплачу. Так-то и мое получается. Общее! Утопил кружку заморскую в ведре, увидел взгляд Чуденя.

— Ну и подавись. Работать пора.

Работал я в этот раз не столь усердно, и все же много чего успел к вечеру. Большую часть пола закончил. Только присел перекусить, как плечи да спина заныли. Давно такого не было. Старость, что ли… В этом году только шестой десяток наступает. А дед на восьмом с быком боролся. Неужто правда, что кровушки богатырской, если и была она, все меньше и меньше в нас? Мои сыновья совсем уже обычными выглядят. Рослые, сильные, но нет в них того, что я видел в отражении лужи болотной. Ни во взгляде, ни в теле. Другие

пошли люди. А что будет после них, один Создатель знает.

Посмотрел я на живность свою. Маришка по-матерински вела Чуденя по участку: там топнет, тут боднет, хвостом махнет, поржет тихонько. Чудень вокруг нее ходит, о веревку спотыкается, крутится, пытаясь встать, — не может. Маришка лбом подталкивает, помогает.

В общем, воспитание началось нерадивой скотинки.

Клюв то исчезал в хмуром небе, то появлялся. Будто проверял, что все у нас в порядке, что никто никого не пришиб, и улетал.

Посмотрел я под ноги, в лужу болотную. Вспомнил: думу думал о том, что мужиков, близких по духу и силушке к богатырям, на земле солнцеградской не осталось. Когда Злое зло из преисподней выйдет или с неба упадет, никого, кроме меня, не останется. И коль суждено мне первому от рук его пасть, то пусть так и будет. К Лизоньке вернусь… И все равно за родину обидно. Нет по ней и десятерых с меня, шагающих по землям нашим.

— Эх! — Не совладав с досадой, я топнул по луже.

Вошла нога по колено — и застряла.

— Хм… — Я потянул обратно. Не вышла. —

Ыть! — Потянул сильнее, и нога будто поддалась, но тут же ее вновь засосало обратно. В который раз на дню я упал в лужу. Уцепился за корень, торчавший из земли, тяну — не сдается жижа поганая. Хорошо, что вглубь не тянет. — Ыть! Ыть! Ыть!

Будь проклято болото. Будьте прокляты супостаты, мечи против нас поднимающие. Будь проклято все колдовство этого…

— Да ты, тина паскудная, не понимаешь, чью ногу оттяпала. Я высушу все болото! Изничтожу всяко живущее… тут существо… Город построю на костях. Ваших…

Как-то тяжело задышалось мне. Перед глазами пелена влажная появилась. Руки задрожали. Да что же это со мной… Лизонька… происходит…

Не смог сдержать слез. Расплакался, словно девица, жениха лишившаяся. Откуда слезы, сам понять не мог, но боли такой в груди давно не ощущал. И отвращения к себе. Что со мной, Лизонька? Почему в грязи сижу да плачу?! Застучал кулачищами по жиже. Скучаю по тебе. Так и буду сидеть. Пусть волки загрызут. Не могу я бороться более с утратой твоей. Все богатства мира видел, земли, что никогда не видел, и те принадлежали мне. Много чего собрал, накопил, нашел, но не

тебя. И кажется, нет у меня больше сил.

Открыл глаза влажные. Чудень облизывает слезы позорные. Головою бодает.

— Чего тебе?

Тычет. Скулит.

— Один хочу посидеть.

Чудень смотрит на застрявшую ногу, а потом на меня.

— Ладно.

Вытер слезу, оттолкнул его лоб. Попытался встать — не получилось, а потом увидел веревку на Чудене. Взялся за нее.

— Сможешь потянуть?

Он попятился назад, и я опять стал выкарабкиваться. Не получилось. Посвистел Маришке, та мигом прискакала, цапнула веревку. Взялись втроем. А потом и вчетвером. Клюв прилетел, уцепился когтями за мое ухо и запорхал крыльями.

Вылез.

— Кыш! — прогнал я птицу. Тронул ухо расцарапанное.

Угораздило ж царюшке… Да еще и живностью всякой спасенный.

— Эту историю мы похороним на этом же месте, — погрозил я пальцем каждому участнику моего чудного спасения. — Только попробуйте

разболтать. Никому и никогда. Уяснили? — я посмотрел на Клюва и Чуденя. — Маришке я доверяю, а вы какие-то не такие.

Попытался встать. Как стрельнуло в ноге, тиной опутанной. Не понял, с чего это. А когда Чудень языком очистил ее, — заметил рану глубокую. Опасную не только поселением в ней заразы, но и потерей кровушки царской.

— Ох… — простонал я. — Плохи дела, Маришка. Плохи… Перевязать бы чем…

Потащила животная команда меня по скользкой грязи. Указал птице на тряпье, на ветвях висевшее. Принесла кружку. Указал еще раз — теперь шапку подала, глупая тварь. К третьему разу не ошиблась. Завязал как мог полыхавшую от боли ногу. Взглянул на кровавый след, оставленный мной от болота до твердой земли. Пошел мой последний час.

— Ну что, Маришка… повезешь в деревню?

Залез на обоз, принялся постромки к лошадке прилаживать… Вроде один из четырех узлов затянул, но мир перед глазами заплясал, расплылся. Уселся я, обессиленный, и последнее, что увидел, — Клюва, севшего на мою еле вздымающуюся грудь. Клюнул меня в нос, один раз, второй… третий… Не осталось сил отогнать глупую птицу.

Глава 7. Собиратель земель солнцеградских

В моем Солнцеграде жил народ праздный. Любили мы всяческие увеселения. И скачки, и борьбу в песке, и стрельбу из лука, но более всего — бои на мечах, турниры, как у рыцарей иноземных. Конечно, с тупым лезвием и броней плотнее обычного, — мы ж не варвары какие. Стоит ли говорить, что побеждал обычно я? Но не потому, что мне соперники поддавались, это было бы худшим оскорблением. Нет. Народ простой рукоплескал мне за владение сталью и за храбрость, которую я раз за разом доказывал…

Лизонька же не любила турниры. Мечи, луки и кровь на дух не выносила. Она любила званые вечера. И не за возможность посплетничать о прегрешениях, и не из-за нарядов роскошных — платья она предпочитала скромные, строгие, но и в них притягивала взгляды. Званые вечера Лизонька любила потому, что пользу царская корона извлечь могла из них не меньшую, чем из битв. Она талантом своим знатных купцов на разговор выводила, гостей из стран дальних. А коль попадались чьи-то жены, так все секреты мужей их, словно на холсте, краской расписанные, мне доставались.

И ночью одной, вместо того чтобы обнять и приласкать женушку, я спросил, в чем же секрет ее. Какими словами она очаровывает всех этих хитрецов, и даже тех, что речи нашей не знают? Она же ответила, что к каждому сердцу свой ключик.

Но это и я знал. Одному ковры дари, другому — блестяшки разные, третьему и лести хватит о победах его, четвертый землицу на воздел попросит, а пятый — в

жены сыну кого-нибудь из приближенных к трону. Но в моменты те, когда ключиком откроешь сердечко, начинается базар всамделишный. Торгуется каждый. А у нее, у Лизоньки, все всегда без копейки потерянной получается. Всегда только на пользу.

— Не расскажешь?

Она помолчала, а затем ответила, что колдовством владеет древним. По женской крови переданным. И меня она так же охомутала. Ключик подобрала к сердцу — и вертит мною как хочет. На миг поверил я ей, а она расхохоталась над дураком. И ответила, что расскажет, в чем был секрет, когда я умру и подле нее окажусь.

— Подле тебя? Ну, скажешь тоже. Я старше тебя на десять лет и весь в шрамах. Воюю что ни день. Вот поймаю шальную стрелу — и все. Мне суждено погибнуть раньше твоего, царица. Долго тебе еще без меня тут жить. И внуков, и правнуков увидишь. Лиза? Чего молчишь?

— Чего мне на земле этой без тебя делать?

— А чего мне без тебя? — возмутился я.

— Воевать дальше, словно и не было меня.

Покрывало слетело, когда я резко привстал. Одежды на мне не оказалось совсем.

Огляделся. Незнакомая изба. Вся изнутри травою высушенной, грибами да корешками извешана. И запах стоит пронизывающий все мое естество. Знакомый запах.

В окошко залетали закатные лучи и прорезали тьму.

— Укройся, не здоров ты еще, — произнесла Шуша, выходя из-за печи.

Я быстро спрятал срамные места. Попытался встать, но боль в ноге стрельнула так, что голова аж лопнуть готова была. Посмотрел: забинтована до колена, и в разных местах кровь пробивается.

— Хворь противная в рану проникла. Долго еще на ноги не встанешь.

— Да как так, бабка? Я всего лишь в лужу наступил.

— Что бы ты ни сделал, итог таков.

— Ты разве, пока я без сознания был, не успела тело мое разглядеть?

— И чего там было такого?

— Шрамы сосчитала? Все равно что на воротах в Солнцеград. Ты меня не знаешь, травница. Раны на мне заживают, будто проклят я жить вечно. — Сказав это, вспомнил я об обереге своем, колдовство всякое отпугивающем. Потянулся к груди. Огляделся.

Шуша взяла его с печи и бросила ко мне.

— Ох, ты-то проклят великое множество раз, царюшка, — произнесла она заговорщически.

— Кто? Какой еще царюшка? — состроил я глупую гримасу.

— Знаю я, кто ты. Царь Владислав Непобедимый. Собиратель земель солнцеградских. Первый из храбрейших.

— Как узнала?

— Как ты и сказал: по телу твоему, исписанному шрамами. Никто б таким не выжил. Никто, кроме известного своим вересковым неумираньем.

Я накинул на себя рубаху. Теперь уже свежую, стираную.

— Мало ли у кого шрамы есть.

— Да вот твои выглядят так, будто многие пы-

тались зло тебе причинить сталью заостренной, но ни у кого не получалось. Будто проклятие на тебе смолоду висит. Такие долго не живут. А ты жив. Стало быть, что-то с тобою не так. Висит ведь проклятье?

— Может, и висит, но дело это не твое.

— А еще вспомнила ладонь с судьбой, идущей хребтом горы — то вверх, то вниз. Кто ж еще, кроме царя земли нашей, такими шрамами и судьбой обременен будет… Вот и сложила все.

— Умна ты больно оказалась, — пробубнил я.

— А не окажись — все равно б услышала имя, которое ты бормотал. Лизонька. Царица Елизавета Ясная — это я сразу поняла. Когда ж ее не стало?.. — задумалась она.

— Восемь лет, — ответил я сразу.

Шуша испила чего-то из кружки. Кивнула сама себе.

— Кто еще знает?

— Никто. — Эту же кружку она протянула мне. — Пей. Коль быстрей исцелиться желаешь.

Не решался, затем закрыл глаза и разом опрокинул в себя зеленый, густой, будто соки покалечившего меня болота, напиток. Вкус оказался неожиданно приятным.

— А староста? Марфа-болтунья ваша.

— Никто, — более твердо повторила она.

— Почему схоронила секрет?

— Пока не знаю. Мне показалось, раз ты сам о таком молчишь, значит, что-то есть в этом молчании.

— Есть. Я пытаюсь новую жизнь начать, Шуша. Без царского… сияния, — нашел я слово.

— Но эта ноша, похоже, с тобою останется навсегда. — Она указала на мои окровавленные ладони. Когда я подносил их к оберегу, кровь пропадала. Как только выпускал его из рук — возвращалась. — Я попыталась отмыть, не получилось. Еще одно проклятье. И довольно созвучное.

— С чем же?

— С тем, как Владислава в удаленных от Солнцеграда местах кличут.

— И как…

— Кровавым, — ответила она сразу.

— Не называй меня так. Кровушка эта от колдуньи досталась, хитрой навроде твоего. Но мне не привыкать под колдовские чары попадать. И под проклятия. И под стрелы да мечи. Живу как-то.

— Вот и живи. Сколько хочешь смертью грози, но коль почувствую, что беды на нас притягиваешь, сдам тебя, царь, вмиг. Так и знай.

Я просто кивнул.

— А где…

— Слова потом будут. Сейчас нужно голову твою скружить, чтоб лечению не мешал.

— Это как? — отпрянул я.

— Есть у меня метод действенный… — Она погрозила мне ухватом, будто бы собиралась то ли язык, то ли сердце вынуть, а потом сунула его в печь, достала чан с крышкой и поставила на табурет перед моей лежанкой. — Снимешь крышку — пар пойдет, а ты его вдохнешь полной грудью, сколько можешь.

— И чего будет? — спросил я, недоверчиво глядя на чан.

— Уснешь на денек-другой, я на глаз подобрала под тушу твою количество травки сероцвета.

— Чего? Сорняка этого?

— Агась. Стакан целый. Забористо должно получиться.

— Пф, — усмехнулся я. — Стакан сорняка, которым мы свиней кормим? И на меня-то? Смеешься надо мной, бабка. Да я однажды на спор с заморским колдуном испил десять чаш его пьянящего напитка. И ничего. Он проиграл и головы лишился.

— Ну, коль не подействует, тогда буш сидеть да

от боли стонать несколько солнц.

— Видимо, буду, — сказал я уверенно, а затем схватил крышку, убрал и, завидев дым, сразу вдохнул его, да так, что в чане, кроме обгоревшей травы, ничего не осталось.

— На меня сарай такой травы нужен. Закрыть меня в нем и поджечь для верности, чтоб вдохнул все.

— Быть может, и нужен… — Она посмотрела на меня задумчиво, а потом щелкнула пальцами перед лицом. То ли один раз, то ли три. Одной рукой или всеми четырьмя. Улыбнулась. Хрюкнула пятачком своим. — Пока спать будешь, сделаю все, иначе не дашь. Боль будет нестерпимая, пока гноя хвори нестерп… рану прочей… буду… Или умрешь. Понима?..

— Чего? Помолчи пока, бабка. Лизонька, а чего это мы в деревушке забыли?

— …через три дня. — Бабка показала мне по три пальца на трех руках. Или четырех. Или не указывала вовсе.

— Не будет указывать царю, что делать, какая-то…

Когда я проснулся, за окном смеркалось, но заката уже не было. Да и не могло быть, ведь я слышал тихий стук дождика. Приподнялся — в избе никого. Нашел одежду на лавке. Ногу мне теперь уже туго подвязали чистым тряпьем. С ранами я был знаком не понаслышке, да и помнил свою не только глубиной, но и ядовитого болота участием, поэтому удивился, что боли не чувствую. Ничего не чувствую, и только пальцы слушаются. Ткнул в рану и понял: либо она чем-то обработана, что жизни ногу временно лишает, либо что-то дурманит мой разум да боль притупляет.

Как бы то ни было, я встал, держась за посох, рядом с лежанкой оставленный.

Подошел к окну, смотрящему на сходбище. Там, как обычно, простолюд рядом ошивался. Посмотрел в противоположное, маленькое окошко и увидел огородец, а за ним поляну, где Марфа с Чуденем играла, будто с дурашливым козликом: зверь пытается ее боднуть, а она уворачивается с хохотом. Дальше, за оградой, Маришка траву щипала, по-матерински иногда на Чуденя поглядывая.

Отворил я дверцу и кое-как в нее пролез. Игра сразу прекратилась. Посмотрел я на Марфу, а она

рукой прядь волос с блестящего от пота лица убрала за ухо; сошла с лица и улыбка. Чудень смотрел на нас по очереди, будто пытаясь понять, чего между человеческими существами происходит.

— Смотри, кто у нас проснулся. Беги к мамочке, — сказала Марфа, и зверь побежал в мою сторону.

— Не мамочка я. И не папочка. Хозяин я странного создания, и то не по желанию собственному, а по вашему, по бабьему принуждению.

— А он так не думает, мамочка.

Чудень забегал вокруг меня, затем, увидев рану, замер, подошел ближе и принюхался. Скорчил рожу, попятился, посмотрел на меня вопрошающе и заскулил.

— Не боись. Не болит, — отрезал я. — Ничего не чувствую. У бабки зелья забористые оказались.

— А может, это колдовство ее такое? Может, лучше отрубить ногу, да и голову Шуше, на всякий случай? — вмешалась Марфа.

Я собирался ей ответить так же остро, но на миг призадумался: а вдруг и правда колдовство? А чего ж тогда делать? Да я бы ровно так, как она говорит, и сделал: и от конечности бы избавился, и от знахарки.

— Может, и зверя твоего недобрая судьба ждет?

Явно ведь какой-то чудной он. Хотя, коль так подумать, из яйца появился, а стало быть, животное. Самое обычное. Ничего колдовского нет в нем. Нравом как щенок, а родился как цыпленок. Ну как, похож он на цыпленка?

Я посмотрел на Чуденя, а затем на нее. Совсем голову мою запутала.

— Не пугайся, Буря. Эти зелья природные. Они из травы делаются да ягод всяких. И корнеплодов. Все это земля родненькая дает, — пояснила она. — И кого же, коль не богатыря, ей на ноги поднимать, так ведь?

— Так… — нахмурился я.

— Да вот не заслужил ты ничем подобного отношения к себе, — поставив руки на бока, произнесла Марфа.

«Да я царь твой, женщина!» — подумал я, но вслух ответил:

— За лечение свое монетой заплачу! Вот, — полез было за кошельком, но вновь не оказалось его. — Тьфу! Опять забыл.

— Долг твой перед деревушкой моей копится, Буря. То там, то тут в долги лезешь. Смотри, молва пойдет о богатыре, за слово свое не отвечающем да долг забывающем.

— Да как ты смеешь! — Я заковылял к ней на

одной ноге да посохе. Посмотрел в глаза ее хитрые и понял, что вновь играет в игры свои. Крутит мной как хочет, ящерка. — Все обиду копишь, женщина. За отказ мой дела твои решать.

— Коплю, — кивнула она. — Да дела не мои, а народа доброго, здесь живущего. И не понимаю, как же прославленный воин, посвятивший себя пролитию крови вражеской, не хочет во благо люда простого умения свои в ход пустить!

Она ушла со двора, а я за нею еле поспевал на сходбище.

— Сказал же тебе, женщина, что закончил я с войной. Ничьей крови лить больше не буду!

— А что ж так? Сердце уродилось в груди богатырской?

— А-а-х! — Сжал кулак. — Пока сюда драконы не явятся, меня не беспокой! Богатыри вымерли! Поняла? — рявкнул я на нее перед всеми жителями, собравшимися на шум. — И Злое зло тоже пока что-то не видится! — Я развел руками и огляделся по сторонам. — Так что не будет в руках этих меча и щита. Только лопата, топор да молот!

— Вот теперь понятно стало. Ну, забуду обиду, — сказала она легко. — Прав ты.

Я посмотрел на нее с прищуром. Уж знал, что скажет сейчас чего-то колкое, и она сказала:

— Да и чего нам твоя помощь теперь? Хромой да бледный. В лучшем случае будешь за плату коров пасти да за свиньями убирать. Эх, такого богатыря потеряли…

— Да никакой я не богатырь! А коль обижает вас кто, в царстве нашем налажен способ решения напастей любых. Челобитную пишите на имя царя нашего! Он-то молодец, всяку проблему решит!

— Не решит уже, — ответила она. — Никакой проблемы он больше не решит.

— Почему это? — вначале удивился я ее ответу и взгляду, такому же пристальному, как у Лизоньки. Она поняла. Или знала с самого начала. Конечно, ничего царюшка больше не решит, ведь вот он пред ней — в болотной грязи да с ранами гнойными.

Марфа развернулась и ушла.

А потом подумал я страшную мысль: вдруг новость какая злая до деревни дошла. Пока спал во бреду, вдруг умер Еремей мой, а я один не знаю?

— Почему… — повторил я.

— Горе нам! Горе! — завопил Серема. — Дошла и до нас весть из Солнцеграда. Сгиб царюшка наш любимый Владислав!

— Как это сгиб? — удивился я.

— В последней битве, в пылу сражения не заметил раны своей, что по возвращении в столицу уже успела дать всходы губительнаи! Нет больше царюшки Владислава Непобедимого… — зарыдал Серема, глядя в костер, и слезы его, отражавшие пламя, текли по щекам и пропадали в седой бородке.

— Хороший был царь, — сказал кто-то в толпе, быстро собравшейся на плач Серемин. Кто-то поддержал старика, а кто-то легонько ругнул царя.

— О мертвых иль хорошо говорить принято, иль молчать, — сказала травница Шуша, выходя к толпе с мешком травы сборной на спине. Посмотрела на меня и добавила: — Только Создателю всего решать, какую жизнь прожил и что получит за нее в день воздаяния погибший. Тучи густые идут с западу, сильным ветром ведомые. Вертайтесь по домам да печи растопите, чем тут стоять да слезы лить и мертвого поругивать. Холодно и мокро будет ночью.

Народ начал расходиться, и я заковылял к Шушиной избе. Огляделся у самой двери. Один Серема стоял у костра, до последнего сражавшегося с дождиком, и о чем-то думал. Наверное, о царюшке славном.

— Как твоя нога? — спросила Шуша, закидывая

в печь дрова.

— Чувствую, боль возвращается.

— Агась… сегодня ночью будет тебе нелегко. Зелье онемелости помногу использовать нельзя. Боль снимает, но и тело слабеет, ход для болезней прочих открывая. Три дня и три ночи применяла. Какой бы крепкий ни был ты, больше нельзя.

— Не хочу учить тебя делу твоему, но рану на ноге зашить бы надо. Такая сама по себе не заживет, — сказал я.

— А я уже. Конским волосом. Твоя красавица поделилась.

Бабка выглянула в окно. Маришка пряталась от дождя под деревом. В отличие от других боевых коней — дерзких, храбрых, но пугливых к грому да молниям, она всегда была спокойна и в наших с ней общих делах руководствовалась разумом. Животным, но таким, что впору человеку учиться. Всю жизнь она в любви моей прожила. Да так, что Лизонька порой в шутку ревновала.

Когда грянул очередной раскат грома, в заднюю дверь застучали, послышался знакомый утробный скулеж. Шуша запустила Чуденя, и тот, словно жил тут не первый год, в аккурат примостился к печи, где теперь тряпье для него заготовлено было.

— Да уж, странное создание ты приволок, — сказала она. — Хотя скорее это они с кобылой — тебя.

— Это как?

Я вдруг осознал, что совсем не помню путь до Хвойной. Помню, как застрял в болоте, как с помощью животных выбрался, и порез помню, и будто бы на обоз я пытался забраться. А больше ничего.

— На обозе, как мешок с зерном. Кобыла вела, а зверь помогал.

— Чудень, — сам не знаю, зачем поправил ее. — Чуденем кличу.

— Ему подходит, — кивнула Шуша, а потом указала на стену, где на гвозде висела та самая жмурья нога. — А еще вот это приволок. Забава его теперь.

— А ты внимательно изучила *забаву* эту? — я привстал тревожно.

— Ага. Колдовство. Ничего об этом не знаю, но псина твоя резвится с нею. И так и сяк обсасывает.

Чудень, успевший уснуть, задергал лапами, будто сон видел.

— Кто это, по-твоему?

— Как кто? Человек. Костяшки-то человечьи.

Нога большая на вид, думается, мужская, а кому принадлежала при жизни, не знаю, уж прости.

— Да не она. Чудень кто? Или что?

— Откуда ж мне знать. Ест много, растет быстро. И силушки в нем хоть отбавляй, и характера бойкого. Словно бычок. Но умен, как псина после нескольких лет жизни. Хотя ему всего-то пару дней от роду. Непростой он. Это сразу понятно.

После очередного, особенно сильного грома Чудень вскочил, да так, что макушкой ударил стенную полку с кухонной утварью. Оттудова упал чан, стукнул его по голове и с лязгом покатился по полу.

Чудень запрыгал со страху, чуть не сбил Шушу и запрятался под моей лежанкой.

— Дурья башка… — прошептала бабка, но не по-злому. Показала хлебушек. Чудень нерешительно вылез, высунул змеиный язык, аккуратно забрал угощение из ее ладони и зачавкал.

Я кое-как сполз с кровати, раненую ногу поставил ровно, а целую согнул. Посмотрел в его широко расставленные глаза.

«Страх, гнев и радость не имеют иноземного голосья, — говаривал отец. — Всех людей делают равными».

Я положил руку на небольшой горб Чуденя и

похлопал.

— Не бойся. Гром — все равно что враг, вооруженный только боевыми барабанами. Шуму много, а на деле ничего, кроме песенок.

Не знаю, понял ли меня Чудень, но быстро успокоился от моего касания.

Шуша приставила лесенку к печи, залезла за нее с подушкой. Легла, укрылась покрывалом.

— Ты, как я поняла, хозяйство завел у болота, — сказала она сверху.

— Завел.

— Не лучшее место выбрал, царь.

— Не царь я более, — отрезал я. — А место как место. Я сотни верст по кругу от Солнцеграда от гнили да колдовства очистил. Знаю дело свое. Там, правда, людской дух нужен. Много духа. Людей много. Чем больше, тем лучше и быстрее. Но ничего. Я во всем всегда за десятерых был. Год-два, все сделаю. По-светлому. Не узнаете болото свое.

— Хорошо… это хорошо. — Она громко зевнула. — Но как ты определил, что ты на светлой стороне?

Я открыл рот, чтоб ответить, но верного слова не нашлось. А где еще мне быть? Кто, коль не я, нес и несет все эти годы свет на зачарованные земли? И не просто приказы из златых хором

отдает. Я нес меч да щит в первом ряду. Всегда. В любой битве, и против нечестивых держав, и против колдовских отродий. Бабка, может, и хороша в знахарстве, но в самой жизни ничего не понимает, коль задает такие глупые вопросы. Да и живет она в деревушке, которую построили там, где зверье всякое ходило, где колдуны да ведьмы простолюд изводили. Где разбойники в волков оборачивались, а раскрасавицы — в лис подлых. Где огромные крылатые чудища пламя извергали. А теперьче? Тишина да спокойствие. Так что слава Солнцеграду и роду моему! Кролики да коровы во дворах, скакуны на дорогах. Даже лисы, и те опасаются кур воровать. Вот и все зверье.

Ну и этот — чудной.

— Говорят, ты мне жизнь спас, с Маришкой на пару, — прошептал я ему.

Чудень молча посмотрел на меня.

— Ладно… — выдохнул я. — Будешь мне в хозяйстве помогать. Но коль узнаю, что злой ты зверь на самом деле, что колдовством ведом, уж прости, жалеть не стану. Не потерплю его ни в каком виде. Будь проклято все… — Чудень зевнул, и я за ним. — Ну, ты понял.

Глава 8. Еремей Пламенное Сердце

Обухом топора я постучал несколько раз по углу, где были скреплены бревна. Вроде сцепилось все как надо. И по размеру ворота подходили забору: немногим выше, с колышками на концах.

Посмотрел на мощный частокол и прореху для ворот. Эх, завершу наконец стену, усложню жизнь злу всякому, что удумает добраться до меня. Это была хорошая новость, а плохая — что нога все заживать не хотела. Месяц прошел, а все хромал. Швы сняли, гнилья никакого не осталось, шрам в размере уступал моим боевым… И все равно ходить как прежде не получалось.

Тьфу. Усмехнулся. А ведь расскажи эту историю

братьям по оружию — засмеют. Сотня сражений не смогла ничего мне сделать, и вот — захромал, строя домик в лесу. Придется легенду выдумывать о змее болотном. Иль чего еще.

Передо мной упала мышь-полевка, а на ограждение сел Клюв и гордо сказал:

— У-у!

Я поднял грызуна за хвост.

— Ты, видимо, так сжалиться надо мной решил? Настолько выгляжу слабым?

Сова не ответила.

— Чудень! — Я огляделся по сторонам. — Чудень!

Зверь выпрыгнул из кустов. Я бросил ему мышь, и тот ее разом проглотил.

— Это тебе от Клюва.

Когда я тяжело поднялся с бревна, нога вновь дернулась — будто иглой уколотая.

Как вообще это могло произойти? Посмотрел я зло в сторону лужи, в которую ногой завалился. Этого я так оставить не мог. И в деле военном известен был мстительностью врагам. Никому не простил ни малых, ни больших побед.

Начал копаться в месте, куда нога провалилась. Да, теперь сложнее давалась работа, и все же силы в руках да спине было много, земля боло-

тистая легко поддавалась лопате, хоть и злила липкостью своей.

Сунул руку в лужу, нащупал — да, действительно, что-то острое торчало. Будто камень битый. Продолжил вширь да вглубь идти. Ухватился, потянул. Руку пронзила боль. Взглянул — ровный порез, будто осколок стекла. Капли крови падали в мутную жижу и мгновенно пропадали. И руку порезал, и ногу. Ух разозлила же лужица!

Через четверть часа завершил я раскопки, покрепче схватил находку да и вынул, уже точно зная, что увижу. Меч подлый! Черный, ржавый, с лезвием будто зубастым, сразу показался мне необычным. Может, и был металлом, но не сталью. На рукояти пестрели древние письмена, колдовские руны. А еще необычность в нем таилась колдовская. Это я сразу почувствовал. Он будто просился в руки ради темных дел. Просился на охоту за душами. Крови желал.

Я приложил к нему оберег, и тут же из места касания потянулся дым. Они боролись между собой. Темное и светлое.

Рядом стоял Чудень, а на его массивной спине — Клюв. Они тоже смотрели на мою находку.

— Что будем делать с этим? — спросил я.

— У-у, — ответил Клюв, тревожно нахохлив-

шись.

— А ты что думаешь?

Чудень с азартом покрутился на месте.

— Будь проклято все колдовство этого мира, — произнес я и швырнул меч вглубь, в единственное место, где островком оставались густые камыши. Чудень, видимо, решив, что мы вновь играем в «бросаю-принеси», ринулся туда, но я остановил его. — Нет! Пусть дальше гниет. В нем зло скрыто.

Вечером решили ставить ворота. Дело было нелегкое. Привязали к двум верхним углам веревки, перекинули через свод, забитый от одной стены к другой. При должном старании ворота должны были войти легко и точно меж бревен. С одной стороны ворота поднимал я, а с другой веревки тянули Маришка и Чудень, мне помогая.

Посмотрел на зверя и кобылу. Кто в зубах, кто на привязи. Готовы были все. Клюв за делом наблюдал да мошек отгонял.

— На счет три скажу — тяни! — отдал я указание. И Чудень потянул. Ворота дернулись.

— Горите, чертовы пятки… — процедил я и схватился за дерево. Начали поднимать. Может, старость, а может, из-за ноги нерабочей, но поднять ворота никак не получалось. Замерли на

пузе моем. — Давай! Давай!

Сквозь потуги свои вижу: Маришка стоит, траву жует. Ох умная! Все делает как надо — точного указа ждет!

— Маришка, тяни!

И пошло дело. И вошли ворота как надо в раму массивную. Забил я железные скобы, и соединилось мое оборонительное сооружение. Теперь можно будет спокойнее дом строить.

Попытался открыть-закрыть — шло туго, но измерения мои были ни при чем. Земля была бугристой, местами жидкой и все еще гуляла, а стало быть, вновь лопатой надо поработать и подровнять, и так много раз, пока твердой окончательно не сделается.

— Уровняем, неси лопату, — сказал я.

Чудень услужливо побежал вперед, погрохотал чем-то во временной хижине и вынес мне лопату. Потом увидел любимую жмурью костяную ногу и ею увлекся.

Вернувшись к воротам и приоткрыв их, я увидел у тропы, в окружении дружины, сына. Еремей Пламенное Сердце на коне моем боевом сидел и смотрел на меня. Спешившись, он передал блестящий шлем, мой шлем, Мише Гучину — моему бывшему верному охранителю — и направился

ко мне.

— Чудень, прячься, — тихо велел я и услышал, как за воротами зверь издал возмущенный рык, но побежал вглубь участка.

Может, из-за царских доспехов, а может, под бременем трона Еремей будто вымахал за эти полтора месяца. Скала. Сын мой. Молодой царь Солнцеграда. Да, не моего он богатырского сложения, и все же воин что надо.

Потрепав, приобняв заржавшую от радости Маришку, он произнес:

— Будь здоров, отец.

Подошел ближе и остановился в нескольких шагах.

— Царь, — сказал я, кивнув. Понимал, что царю простолюдин должен поклониться, но боялся, что хромоту мою заметит. Так и стоял, сжимая древко лопаты как опору.

— Вижу твой встревоженный взгляд, но хочу заверить тебя сразу, что в царстве все хорошо. Происшествий никаких нет.

— Царь не обязан отчитываться перед крестьянином.

Он усмехнулся, будто над затянувшейся шуткой. Будто считал, что я и сам не верю в свои слова. Будто ждал, что я вот-вот вернусь на трон, а

ему скажу: «Молодец, сын, прошел отцовскую испыть!» Но ведь я знал своего сына так же хорошо, как доспехи, что он носил. Еремей желал трона давно, но желал праведно, без козней. Учился всему, рвался на все совещания и требовал, чтобы и его мысли за важным столом услышаны были. Он надеялся получить власть по достоинству, за заслуги, которых не хватало, или после смерти отца. Но получил — как подарок. И все же чувствовал я, что он не корону мне возвращать пришел.

— Крестьянин? — переспросил он, взглянув оценивающе на ворота и острог, отделивший мою территорию от заколдованного леса и ядовитого болота. — И вправду ты решил тут поселиться. Стройку затеял большую.

— С какого времени Владислав Непобедимый слова на ветер бросать начал? Может, я упустил чего?

— Прости, отец. — Он опустил глаза. — Мне все еще тяжело поверить, что ты решился на это. Покажешь удел свой?

— Кто я, чтоб царя за воротами оставлять. Смотри.

Я открыл ворота, насколько мог, пока те не встряли в рытвины, и мы оба вошли. Он окинул

взглядом мою землицу и будущий дом с завершенным деревянным основанием и полом, на котором соорудил я временное жилище. Больше никакой травы, кустов, подлесков нигде не росло, но, как и задумывалось, два крепких дерева служили опорами в углах острога. Одна проблема оставалась, и на нее уставился Еремей, поднимаясь по ступенькам.

— А дерево зачем в центре дома?

— Это яблоня.

— Не срубишь?

— Не могу, — ответил я спокойно.

— Дык я сейчас отправлю дружинников. Они его мигом!

— Не получится, сын. Заколдованное. Ни топор, ни пламя не берет. Все пробовал.

Он подошел поближе. Постучал пальцами по коре, нахмурился. Кивнул, будто различил нечистое нечто в стволе.

— И что делать будешь?

— Пусть в доме растет, — пожал я плечами.

О последней попытке победить — подкопом лишить яблоню воды — я молчал, ведь теперь в корнях под деревом жил и прятался прямо сейчас Чудень.

— Всякому лесу солнце нужно. Думается, когда

закрою крышей, завянет, — соврал я. Что-что, а яблоне этой точно солнце не было нужно. Скорее уж мрак.

— Это ты хорошо придумал, — кивнул сын и, покрутившись на месте, оценил мой весь труд еще раз. Топнул царскими сапогами по полу и опять кивнул, видимо, звуком плотным довольный. — И как же это ты сам умудрился? То есть в силе твоей никто усомниться не сможет, но тут ведь и умения нужны. А ты на памяти моей только делом военным и был занят. Это ведь не шатер временный. — Он замолчал на мгновение. — Прости, коль…

— Дед твой учил делу строительному, — перебил я. — Кое-что пришлось наверстывать. Да и не совсем сам. Тут рядом, в деревушке, закупаюсь необходимым. — О живности своей я умолчал, хотя Клюв, и тот хорошо вокруг меня насекомых отлавливал ночью. Крепкий сон — залог хорошей дневной работы.

— Да, мы как раз оттуда. Из Хвойной. Поговаривают, что в лесах этих богатырь завелся всамделишный. Бурею назвался. Это надо быть либо глупцом, либо первым храбрецом Солнцеграда, чтобы взять себе это прозвище… — Он взглянул мне в глаза. — Или быть тем самым

Бурей.

— Я больше не Буря никакой. По крайней мере, не тот Буря, о котором ты подумал, — возразил я. — Просто надо было как-то назваться. Жители сразу поняли, что не местный я, и невзлюбили. Сглупил. Первое, что вспомнил, произнес. Лучше б Алешей-дурачком каким-нибудь назвался.

Еремей усмехнулся, присел у котелка, поднял крышку, сделал глубокий вдох. Улыбнулся. Понравился ему запах моей похлебки. Кому ж не понравится суп с крольчатиной?

— Нужны ль монеты? — спросил он.

— У меня и так долг в десять серебряных перед царем и его Чеканным двором. Постараюсь вернуть, как только появится возможность.

Сын долго смотрел на меня, а потом произнес:

— Перестань, отец. Скажи мне хоть прямо сейчас, что ты хочешь вернуться, и я верну все как было. Верну трон, корону и коня. Для этих людей, — он махнул рукой на ворота, — ты все еще царь. Для всех нас! Три десятка человек хранят твой секрет…

— Хватит, — отрезал я. — Мое царствие подошло к концу. Мой отец погиб, когда мне было двадцать пять, и мне пришлось занять трон. Тебе же двадцать семь. Ты уже старше меня того. И

лучше во всем. Нравом лучше и мудрее. Я передал тебе царствие в мире. Я воспитал тебя так, чтобы ты продолжил мое дело: держал люд наш в счастливом положении и оберегал его от любых невзгод. И я в тебе не сомневаюсь.

— Отец. — Он поклонился мне.

Я посмотрел на Клюва, сидевшего на яблоне. Он смотрел на меня и на моего сына.

— Ты пришел меня просто проведать? Думается, дел у тебя много более важных.

— Не просто. Хочу сообщить, что готовлю военный поход.

— На кого? — спросил я, еле сдержав удивление. Ведь передал ему царство со спокойными границами и договорами доверительными.

— Южные горы. На землях тех обитают варвары. Они держат в страхе все земли, вплоть до моря.

— И ты здесь для того, чтобы взять меня в военачальники?

— Я был бы счастлив, но сдается мне, ответ я уже получил.

— Ты прав. Потому что больше ничью кровь я проливать не буду. Над могилой твоей матери я обещал сделать эти земли безопасными и, как мне казалось, выполнил обещание, — произнес

я строго.

— Ты его выполнил.

— Так зачем же мой царь, меньше двух месяцев назад завершивший тяжелый поход на морозный север, вновь собирает войско, вместо того чтобы дать ему окрепнуть? — спросил я, еле сдерживая подступивший гнев.

— Прознав о нашей победе, князья ближайших земель пришли на поклон. К тебе на поклон. Но тебя не нашли в здравии. Однако от намерений они не отказались. Многие князья стали нашими подданными.

— Твоими.

— Нашими! И силы их военные теперь принадлежат нам. По подсчетам, наших войск, готовых к бою, две тысячи. К ним прибавились еще две от новых подданных. И еще столько же я смогу набрать рекрутов из деревень. Шесть тысяч — большое войско.

— Я только в прошлом году делал набор. Это ведь юноши. Я готовил их в малых сражениях, учил военному делу месяцами. А ты собрался в поход, набрав в войско треть юнцов?

— Они будут в последних рядах. Пусть смотрят и опыт перенимают.

— Так, значит, тыл будут защищать юнцы?

Полагаю, военный совет ты распустил, раз тобой такая стратегия выбрана?

— Отец. Мы воюем не с драконами, не с колдовством и даже не с северным холодом. Это дикари в шкурах зверей. У них копья да камни!

Я помолчал. Мы оба успокоились. А затем я сказал:

— Коль пришел за советом, то он таков: изучи своего врага. Будь мудрее. Я пролил много крови и ни разу не проиграл, потому что вперед острия держал щит.

— Прекрасный совет опытного военачальника. Жаль, что таких не осталось.

— Я отговаривать тебя не буду, Еремей Пламенное Сердце. Не имею права. Каждый царь пишет свою историю. Принимает свои решения.

— И завоевывает свои победы, — добавил он с дерзостью в голосе, которую в былые времена не позволил бы при мне.

— И поражения тоже этим путем приходят, — завершил я.

Еремей развернулся и, громыхая царскими латами, направился к воротам. Остановившись там, он произнес:

— До сего дня слух был, что царюшка наш погиб. Я вернусь и разошлю весть во все наши

земли. Завтра буду коронован и к вечеру схороню великого царя Солнцеграда, Владислава Непобедимого. В самом центре площади я поставлю ему памятник. Из золота. Хочешь посетить?

Я ничего не ответил. Когда сам подошел к воротам, Еремей уже снова сидел на коне, надевал шлем. Сдержался я при нем, но чувства нахлынули сразу, как ускакали воины мои, отборные, храбрейшие. Заскучал и по царскому доспеху, и по секирушке, и по коню любимому. По битвам заскучал. Но не по короне. Не по шелковому одеялу, не по теплой бане. Нет уж, нет. Та книга закончилась.

Да и правда в том, что, будь я на его месте… не знаю. Наверное, решился бы на поход. Любой. Искал бы врагов везде — и на небе, и под землей. Там, где были они и не было их. Не знал я покоя в годы царствования. Точно понимал сроки всякого следующего похода и направление. И втайне надеялся, что придет с той стороны весточка о нежелании нам подчиниться. И потом намеренно писал обидное письмо тамошнему царю, князю, султану. Пытался оскорбить, уязвить и вынудить на злой ответ.

Может, поэтому, когда закончились вокруг враги, почувствовал я, где-то внутри, что нет

больше у царя задач, его будоражащих. Только мир да покой. А коль мир да покой, то хотя бы вот так — окинул я взглядом участок свой, где еще с полсотни задач меня ожидало. Не будоражащих, но таких, что и скучать времени не будет.

— Чудень, выходи.

Зверь вылез. Принюхался, посмотрел на ворота.

— Сын мой. Отважный, умелый, но глупый иногда.

Чудень гавкнул.

— Все что-то доказать мне пытается.

Я подошел к котелку, перемешал содержимое и разлил нам обоим. Вынул вареную кроличью ножку и бросил под яблоню. Клюв забрал свой ужин.

— А я еще глупее был, — сказал я тихо себе под нос.

Глава 9. Горите, чертовы пятки

Спалось мне двояко. С одной стороны, сладко было от осознания победы очередной. С другой — ран на теле прибавилось немало, одна стрела в плече чего стоила. Ах хитрая, пролезла меж пластин. В остальном был цел и готов еще хоть три раза в бой вступить до вечера.

Моя царица ворвалась в лекарскую палату, остальные же при виде ее сбежали. Не успел я ничего сказать. Как ребенок был отруган, но в гневе своем она была прекрасна. Может, лекарства голову дурманили, но хотелось мне ее обнять. Не решился. Злее станет пуще прежнего.

Я смотрел, как она плачет. Мне было радостно понимать, что любимая льет за меня слезы, и горестно от каждой ее слезинки, но ничего поделать с натурой своей я не мог. А как еще страну собирать нашу, коль не на поле брани?

Поднялся к Лизоньке, но сил не хватило. Подлая стрела.

— Кое-кто из воевод сказал мне, что ранение у тебя из-за того, что не носишь тяжелый щит. Размахиваешь топором своим.

— Секирой. Не понимаешь ты в военном деле ничего. С ним биться невозможно. Все равно что цепями связать себя.

— А зачем царю биться? Вот скажи, зачем там в поле оружием размахиваешь?

— Как это?

— У тебя что, воинов нет, чтобы вместо тебя кровь проливали? Ты ведь можешь команды отдавать в шатре своем.

— Да коль не я, то кто им примером будет?! — возмутился я. — Я первый проливаю кровь за Солнцеград. Я проливаю кровь за каждого из воинов. Чтобы они проливали кровь за Солнцеград. Чтобы

понимали, что не оставлю я их. А коль погибнут, что о семьях позабочусь. Это здесь я для них всех царь, но там, когда стоим плечом к плечу, я брат им. А они братья мне.

— И сколько других царей с тебя пример берут?

— Нисколько, — гордо ответил я.

— Вот именно.

— Вот именно! Один я такой, — улыбнулся я. — И смотри — войны начинаются и заканчиваются, а с ними и десяток битв, а я все жив и здоров!

— Здоров, значит? — она ткнула пальцем в рану. Я скривился: больно было и смешно. — Да пойди стрела немногим правее — проткнула бы грудь!

— Правее-левее. В нашем деле другое решает. Либо живой, либо мертвый, и все тут. Смотри, сердце мое, живой я все еще, давай тому радоваться. Многие ведь полегли. Я тут, рядом с тобой.

— А почему ты здесь?

— В лекарской палате? Так я ранен.

— У нас есть придворный лекарь! — Она ударила меня кулаком по груди, в мо-

мент, когда я собирался рассмеяться. Сбилось дыхание, и я закашлялся. — Знаю я, что ответишь. — Она вытерла слезы. — Вновь пример подаешь. Воин на поле брани и воин в лекарской палате.

Я смог лишь кивнуть.

Мы немного помолчали, и, переведя дух, я произнес:

— Ты так мне и не сказала тогда, после вечера званого, как умудряешься без меча добиваться доброго для нас исхода в переговорах. Расскажи же, в чем твой секрет? Чего не умею делать я, но умеешь ты?

Она встала и направилась к выходу.

— Лизонька…

Повернувшись ко мне, моя любовь произнесла:

— Просыпайся. За тобой следят.

Открыв глаза, я сразу прислушался. В хижине никого, кроме меня, не было. Выглянул в окошко. Ночь. Яркая луна освещала участок. И никого живого.

Толкнул скрипучую дверь. Маришка спала у стены, Клюв — в ветвях яблони. Чучело, а не сова. Подошел к корням дерева.

— Чудень, вставай, — прошептал я. Зверь в ответ лишь повернулся. — Вставай… Чую неладное.

Зверь заскулил, а когда мы оба услышали шорох сухих листьев за избушкой, он открыл оба глаза. Стал вылезать из норы, расталкивая корни яблони.

— Кажется, за хижиной кто-то, — тихо сказал я, указав глазами на свой временный дом.

Затем отправил его в обход с одной стороны, а сам пошел с другой. Увидев на полу крупную крепкую ветку, я нагнулся за ней. Шикнул рычащему Чуденю, но тот меня не услышал. Он что-то учуял, а может, увидел.

— У-у!

Я поднял глаза на яблоню. Клюв проснулся и взлетел, а кто-то из-за избы побежал к воротам.

Я ринулся вперед, забыв о ноге, и та сразу предала меня, подогнувшись. Чудень утробно залаял и бросился следом за беглецом.

— Стоять! — скомандовал я, и зверь нехотя остановился.

Он смотрел то на меня, то на убегающего и

прыгал на месте, мечтая рвануть в погоню. Но погоню начал хромающий его хозяин.

— Принеси оружие! — сказал я.

Беглец уже открыл ворота — совсем немного, чтобы выскользнуть. Остались следы, по которым я и пошел вперед. Вели они к болоту. Скрыться от меня было невозможно — разве что вплавь, но кто бы решился сигануть в топь?

Никто. Только твари болотные. Сказочные. И этот.

Движения больше не было, и звуков тоже. Серебряная луна освещала жижу. Хитрец мог скрыться только за одним-единственным, последним деревом до воды. Туда и вел след. Один след, одного человека, за одним деревом.

Я остановился. Задумался. А почему след один? Почему нога одна?

Чудень нагнал меня, таща оружие. Я выкинул ветку и потянул за ним руку. Единственным, что на строительстве моем сошло бы за оружие, был топор. Или лопата. Ну, может, молоток. И пила, наверное. Но принес Чудень любимую свою игрушку — ногу костяную. Я закатил глаза, глубоко вдохнул, выдохнул.

— К воротам, — дал я указание. Чудень заскулил и подчинился.

Я занес над головой ногу.

— У-у! — над головой пролетел Клюв и сел на дерево.

— М-м? — спросил я, сверля глазами дерево. Подразумевалось «Он там?»

— У-у? — спросил Клюв, но что он подразумевал, я не знал.

— М-м? — а теперь я имел в виду «Он за деревом?».

Клюв по-человечьи зашагал к стволу, скрылся за ним и ответил:

— У-у.

Щелк. Щелк.

Вышел с другой стороны, держал в клюве какое-то насекомое. Съел.

— Эй! — крикнул я. — Я знаю, что ты за деревом! И я знаю, что ты следишь за мной с первого дня, как я тут появился! Я охотник опытный и знаю, что поведение у тебя всегда одинаковое! Это все время был ты! И думаю, тебе известно, кто я. Я прославленный воин Буря! Богатырь!

— У-у?!

— Неважно, — отмахнулся я от довода Клюва. — В роду, может, и были у меня богатыри, значит, и во мне кровь имеется. Выходи по-доброму, иначе пришибу секирой! — Я посмотрел на «секиру»

и вспомнил, что она не секира, а костяная нога. Костяная нога…

Я посмотрел на след в грязи. Медленно приложил к нему ногу, поднажал, убрал. Следы совпали. Мертвяк?

Я поднял глаза на дерево, а из-за него уже выглядывала голова. Черепушка, светлая от лунных лучей. И смотрела на меня.

Я освятил грудь свою костяной ногой и занес ее. Теперь он смотрел на нее. Я пошатал ею, и черепушка зашевелилась. Ага-а. Все стало понятно.

— Давай, выходи на свет…

Жмур выпрыгнул в грязь на одной ноге.

— Горите, чертовы пятки… — прошептал я, не веря своим глазам.

Это был настоящий жмур. Без мяса. Без ничего. Только кости, между которыми можно было заметить одну пустоту, будто невидимой нитью цеплялись все костяшки друг к другу. Колдовство. Он видел и слышал меня, не имея ни глаз, ни ушей.

— Говорить можешь? — спросил я. Он покачал головой. — Языка нашего не знаешь иль вообще не говоришь? — Он будто подумал и нерешительно опять покачал головой. — Но меня понимаешь. — Он кивнул. — Твоя нога? — Он

кивнул. Стало быть, обратно хочешь? — Кивнул. — Хорошо… Давай. Медленно скачи ко мне. Попытаешься надурить — пришибу твоей же ногой.

Жмур поскакал ближе.

— На, бери. — Я протянул ногу, а он руки. А потом я его пришиб.

Жмур разлетелся костяшками по грязи.

— Будь проклято все колдовство этого мира, — произнес я победно и бросил ногу.

Впервые пришлось вступить в бой с такой нечистью. Раньше только детишек таким вот пугали.

— Не так страшен черт… — улыбнулся я.

Клюв слетел с дерева, сел на черепушку, клюнул пару раз.

— Мертв? — спросил я.

— У-у.

— То-то. Конечно, мертв. Теперь заживем спокойно. Без лишних глаз. — Я направился к воротам. — Ты понял шутку про глаза? У него-то их и так не было.

— У-у?

Я развернулся. Вижу — Клюв по грязи на черепушке катается, а к той навстречу другая белая косточка ползет. Позвонок. За ним змеей идут

остальные позвонки. Один к другому соединяются, и ребра, что крылья, по бокам, в аккурат будто на отмеренном пальцами расстоянии. Костяшки пальцев в ладони, ладони в руки, а руки в плечи — и к жмуру. И так все тело вновь собралось.

— У-у?

Клюв, все еще сидевший на черепушке, вдруг оказался на лбу стоячего жмура и клюнул его.

— Живой, — еле выдавил я.

Рот жмура открылся и закрылся. Я, не в силах сдвинуться от увиденного, просто замер. Всякое колдовство я видел, всяких созданий, но чтоб такое — чтобы жмур, да еще и вот так, словно капли в лужу, словно бревна в избу, собрался из костяшек… Такое — впервые. Ухватился я за оберег и смотрел, как он руки надевает на плечи. Последней встала на место забава Чуденя, найденная нами костяная нога, с хрустом паскудным. Костяшки пальцев на ней словно для проверки зашевелились.

Удовлетворенно кивнул жмур, а потом пустые глазницы свои на меня поднял и сделал ко мне шаг.

В тот же миг невесть откуда взявшийся Чудень боднул его так, что он опять разбился на косточки. Радостный зверь запрыгал по ним.

Остановился, пригляделся, как черепушка и челюсть соединяются и туда же зубы запрыгивают. Схватил Чудень черепушку зубами и побежал весело по болоту, а за ним, с вытянутыми руками, вновь собравшийся, но безголовый жмур.

— Горите, чертовы пятки…

Глава 10. Мурка

Я сидел на пеньке, толстом, дубовом, с легким вырезом для моих широких и массивных форм. Точнее, я сидел на перьях диких уток, собранных в подушку, которая лежала между мной и моим «табуретом для раздумий», и думал над происходящим, глядя в угол участка. Там, в наскоро собранной за ночь клетке, сидел Мурка. Он же жмур, мертвяк и кадавр.

Он сидел ровно как я: на своем маленьком пеньке, сгорбившись и подперев кистью подбородок, — коль на миг забыть, что там ничего, кроме челюсти, не было. Я высвободил указательный палец и почесал бороду. Мурка сделал то же самое, но палец его отвалился и упал под ноги.

Он попытался было его поднять, но вместо этого пнул костяшку из клетки. Радостный Чудень подхватил находку.

— Отдай, — строго сказал я и выставил руку. Чудень, заскулив, передал мне слюнявую костяшку. — Хм… — Насчитал три косточки. Взялся за свой палец и попытался через грубую толстую кожу да мясцо нащупать, сколько у меня там костей. Вроде столько же. Удовлетворенно кивнул.

— У-у, — произнес Клюв и сел на плечо.

— Смотри, — сказал я. Взял ножик и провел им меж косточек пальца Мурки. Коль держались бы на чем-то, хоть на невидимых нитях, то должны были раздвоиться, но этого не произошло. Как не происходило и со всеми соединениями костей Мурки. — Это называется колдовство, — объяснил я Клюву, глядя в его округлившиеся разноцветные глаза.

А может, они всегда были такие. А может, он сам заколдован. А может, все тут заколдованное или заколдован я и все страшилища бытийные резвятся у меня в голове? И ждать мне вечно поцелуя царевны… или хотя бы слезы. Или чего там еще бывает. Не знаю. Принцесс на сотню верст сегодня не сыскать. Да и не нужна мне ни одна раскрасавица, кроме Лизоньки моей. И коль по-

явится принцесса, не стоит ожидать, что придет она на болото да постучится в мои пока еще не открывающиеся как надо ворота.

В ворота постучались.

— Кто пришел?! — спросил я, опираясь на топор и вставая.

— Староста Хвойного, — послышался женский голос.

— Марфа? Открыто.

Ворота приоткрылись, затем еще немного, и еще. Тяжело дыша, Марфа в последний раз налегла на створку плечом и застонала.

— Для тебя я староста, — произнесла она обиженно. — Марфа Васильевна, коль умеешь по-уважительному с женщиной речи вести. Но в этом я сомневаюсь. Что у тебя с воротами?

Тут же на нее налетел Чудень, пытаясь лизнуть раздвоенным языком.

— А! Нет-нет-нет, у меня на тебя аллергия. Стой в двух шагах от меня! — завопила она, будто уворачиваясь от пчелки. Остановленный незнакомым словом, Чудень заскулил. — Все. Ближе не подходи. Но я очень тебя люблю!

Теперь он радостно залаял и хвостом похлопал себя по бокам. На мои появления он так никогда не откликался. Разозлила опять староста.

— Чего пришла?

— Вот, об этом я и говорю, — подметила она. — Грубиян. Культуры тебе, Буря, не хватает. И грамотности наверняка.

Да чего она мелет! Я и читать, и писать умею!

— Впрочем, все вояки в этом смысле на одно лицо. — Она присела перед Чуденем. — Я тебе кое-что принесла, но ты наверняка это уже учуял.

Зверь закивал. Марфа снова скрылась за воротами и вернулась с двумя ведрами молока. Тут уже и Маришка к ней подошла. Небось жаловаться на меня будет, что работать старушку заставляю поверх сил.

— Зря вы к ней лезете. А может, она колдунья!

— Коль я колдунья, тогда ты завитунья.

— А это что?

— Не знаю. Просто в рифму пришлось… А-а-а! — завизжала она, увидев клетку с мертвяком. — Это что?!

— Это? — Я указал на него топором.

Марфа сделала шаг ближе.

— Это. Что? Это жмур! Мертвяк! Кости!

— Ага. Он самый. Ходил тут вокруг, успехи стройки моей высматривал.

— Что делают у тебя кости мертвого человека? Ты его где-то выкопал? Как ты его так собрал по

косточкам? Или ты его обглодал?

Я сделал к ней шаг. Она испуганно огляделась по сторонам, не нашла ничего для защиты. Сняла сапожок и замахнулась в мою сторону.

— Клюв, — окликнул я и подбросил палец Мурки.

Совенок подхватил его и бросил на землю перед клеткой. Палец ожил и как червь пополз к хозяину. Марфа снова взвизгнула. Мурка проснулся.

— Живой! Буря, смотри, он живой!

— Ага.

Марфа попятилась назад. Уперлась в ворота, сползла и там же села наземь.

— Староста, ты вроде бы умная. Грамоте обучена небось. Как думаешь, чего тут происходит? Подскажи мне, некультурному и тупому.

Не отвечая, она продолжала смотреть на Мурку. Тот выдернул одну руку и, держа ее в другой, чесал себе спину. Под дребезг костей Марфа наконец тихо промолвила:

— Так не врал люд? Действительно жмурье появилось у нас.

— Чего? — спросил я и сел перед ней. — Марфа. — Она продолжала на него смотреть. — Марфа!

— А?

— Что значит «не врал люд»? Уже видели таких?

— Я нет, но другие говорили, что видели по ночам их. Но я не поверила. Для этого-то ты и нужен был мне! — Она ударила меня кулаком по груди.

— Я?

— Хоть ты, хоть кто другой! Воин нужен был, который разберется, что за нечистая сила в лесах наших появилась. — Посмотрела она на меня зло и забарабанила кулаками по груди. — А ты все отказываешься люд спасать!

Из-под рубахи вылез оберег, подаренный Лизонькой. Марфа встала.

— Сам носишь оберег против колдовства — и боишься на помощь к нам прийти! Тоже мне богатырь.

— Да не богатырь я! Сотню раз повторил! Не богатырь! Я крупный просто… — усмехнулся я. — Телом хорошо сложен. И красив.

— Об этом пусть невестушки твои судят, — скривилась она, посмотрела на мертвяка. — Тьфу.

— Да оставь ты Мурку в покое. Безвредный он.

— Мурку? Еще и имя дал.

— Ну да. Жмур. Мурка. Подходит же.

— Да ты убивать таких должен взмахом… — Она посмотрела по сторонам. — У тебя хоть оружие

есть?

Я показал топор, но она не впечатлилась:

— Тьфу и на тебя.

— Да хватит уже. Не знал же я, что жмурье у вас по ночам разгуливает. Думал, волки, медведи, змеи… чего там еще бывает. Пауки какие-нибудь.

— Пауки? — переспросила она и бросила в меня сапог. Тот ударился о мое плечо и натиска не выдержал — упал в грязь. — Знаешь что, Буря? Ты нам поможешь. В счет уплаты долга.

— Какого?

— За молоко. За лечение. За доброту людей моих.

— Вот. — Я показал ей три оставшихся серебряных монеты. — За все разом.

— Ан нет. Нет. Ты приходил к нам с разными нуждами, и мы к тебе тоже за разной оплатой. Не все монетой решается. Разберись с этим всем. — Она указала на Мурку.

Тот с интересом смотрел, как Клюв шагает к нему, заходит в клетку, клюет палец на ноге, а затем садится на черепушку.

— У-у.

Черепушка упала, но Мурка поймал ее и прикрутил обратно.

— А как я это сделаю? Оно-то не говорит!

— Но видит и слышит.

— Ага.

— И понимает речь нашу?

— Все понимают речь нашу! — ответил я пылко.

— Да ты патриот, я вижу, — съязвила она, надела сапог и пошла к клетке.

— Патр… Партр… кто? — Я пошел за ней.

— Ну, как тебя? Мертвяк. — Она закатила глаза. — Мурка. Понимаешь меня?

Она щелкнула перед ним пальцами. Он закивал.

— Ты такой один?

Он склонил черепушку. Она уточнила:

— Вот такой весь… э-э… мертвый. Из костей. Ты. Один. Такой? Или еще есть? Мертвые. Совсем.

Он закивал. Понятнее все равно не стало.

— Другие есть? Еще живое жмурье есть?

Закивал.

— Ты добрый?

Он пожал плечами. Приставил руку к черепушке, почесал затылок и опять пожал плечами.

— Убить нас хочешь?

Покачал головой.

— А другие хотят убивать людей?

Закивал уже быстро.

— Вот! Об этом я и говорю, — сказала она, посмотрев на меня. — Этот, может, и не самый злой, но есть и другие. Злее. Я правильно говорю? — Мурка посмотрел на нее, на меня, а потом кивнул. — Детей едят? — Кивнул. — Деревни жечь хотят? — Кивнул. — Колдовство темное добру предпочитают? — Кивнул. — Вот. Доказано. Нуждаемся во спасении. Что делать будешь, прославленный воин и борец с нечистою силой?

— Спасать, видимо, — развел я руками.

— Прекрасно! А как же обет твой больше за оружие не браться, крови чужой не лить?

— А ты на Мурку посмотри. Нет в нем кровушки совсем. Неживой он. Хоть и не мертвый. А людей убивать я больше не буду.

Мурка оглядел всего себя, почесал подбородок и кивнул.

— Знаешь, куды идти? — спросил я его. Он подумал и опять кивнул. — Решено, завтра выходим в военный поход. Наверняка они думают, что люд мы деревенский, боязливый, и не ждут от нас разительного и прямого удара в сердце. Сплотим все силы, как заповедали нам богатыри! Ударим же по супостату, пока он этого не ожидает! — произнес я речь вдохновительную.

Ох, не хватало мне таких мгновений. Когда сердце пылает, когда коленки дрожат, но не со страху, а в ожидании сражения. И пущай внимала речи моей пламенной только женщина, лошадь, зверь чудной, глупая сова да мертвяк живой, все равно получилось как надо. А затем женщина, как всегда, все испортила:

— А почему завтра? Сейчас идем в поход.

— Во-первых, всяк поход с умом подготовлен должен быть. Во-вторых, ты-то тут при чем?

— Как это?

— Ты женщина. Женщинам не место в военном походе.

— А кто ж… — Она подумала. — А кто ж готовить вам будет?

— Враки все это, — отмахнулся я. — Да каждый мужик сам себе и поймает мясцо, и приготовит, и съест. Да и зачем тебе это, коль даже нашего Мурку боишься?

— А вот и не боюсь. Просто не видела никогда! Но в поход хочу!

— Хорошо. Мурка, открой рот.

Челюсть со скрипом открылась.

— Сунь палец ему в рот. Тогда возьму.

— Это еще зачем?

— Храбрость твою увидеть хочу. Отряд — та-

кое дело. Всегда надобно знать, кто спину твою прикрывает, трус или храбрец. Суй палец в рот мертвяка, тогда беру!

Марфа пыталась прожечь во мне дыру глазами своими зелеными, но в этот раз я не поддался.

— Решено. Не беру.

— Сделаю! — Она медленно протиснула руку меж прутьев. Закрыв глаза, прикоснулась к дырявым зубам Мурки, поморщилась и сунула палец в его рот. — Бе-е-е-е. — Открыла глаза. Удивилась сама собственной храбрости, просияла и завопила: — Да! Вот, любуйся храбрости! Ну что, доволен, богат…

Клюв, видимо, чего-то запредвидев, клюнул черепушку в макушку, и челюсть сомкнулась. Марфа завизжала, дернула рукой, а та вместе с черепушкой отошла. Староста завопила, побегала немного, пока челюсти не разжались. Черепушка покатилась по земле, и радостный Чудень тут же схватил ее в пасть. Я валился со смеху. Ох, давно же со мной такого веселья не приключалось. Ох уж женщины эти. Ничего вне хозяйства не понимают!

— Верни… верни… — еле выдавил я, указывая Чуденю на черепушку и остальное тело. Зверь заскулил, но подчинился.

— Смешно тебе? — зло спросила Марфа, рассматривая палец. — Бери меня в поход! Я прошла проверку. Сам видел.

— Проверка была не в пальце да пасти, а в страхе. Посмотри на себя. Побледнела вся! Возвращайся, Марфуша, в Хвойное, там тебе место. А я сделаю дело доброе для вас, так уж и быть. И не в долге дело, а в том, что мужик правильный по-другому и не поступил бы.

Она разочарованно посмотрела на меня, затем на всех остальных, остановила взгляд на Мурке и, едва кивнув, будто самой себе, ушла.

Глава 11. Большой военный поход

В военный поход собрались на следующий день. Отряд наш был странноват, но какой у меня выбор? Люд деревенский спасать надо, а крепких мужчин я там не заметил. Все молодые тянулись к Солнцеграду, в царево войско.

— Значится, действовать будем так, — начал я. — Надо нам обязанности распределить. Клюв, на тебе разведка. Лети высоко и в оба глаза гляди. Чего странного увидишь — сразу сообщай.

Клюв удивленно посмотрел на меня с головы Маришки. Клюнул ее в ухо. Той это не понравилось.

— Клюв?

— У-у.

А может, и не удивленно. Просто глаза всегда были такие — вытаращенные, будто он понять не мог, где находится.

— Ты хоть что-нибудь понял из того, что я сказал?

— У-у.

Махнул на него. Перешел к более надежному члену отряда:

— Чудень, унюхаешь кого — сразу подаешь знак. Ты постоянно в бой рвешься, но так в военной науке нельзя. Я тут главный, и пока не скажу, ни на кого не нападаешь. Первей всего надо обстановку понимать. Смотреть глазами, — я указал на глупую птицу, — и унюхивать носами, — указал на чудного зверя. — Чудень?

Тот, скосив глаза, пытался раздвоенным языком поковыряться в обеих ноздрях одновременно.

— Понятно. Мурка. — Тот, игравший с жукомоленем на земле, вскочил на ноги. Затрещали костяшки. Я оглядел его всего. — На тебя надежды немного. Ты наш враг. Знай я, каким ты был человеком по жизни, до того как тебя… ну… ты понял… пока Создателю душу не отдал… да вроде и не отдал пока. Живой вроде… А где ж тогда… — Мурка глазами безглазыми пытался вернуться к

жуку. — Мурка! — Он выпрямился. — Душа есть у тебя?

Почесал подбородок. Пожал плечами.

— В общем, привяжу-ка я тебя на всякий случай. — Я полез в обоз, достал веревку, связал в колечко. — За что бы… — поднес к голове, попытался надеть на шею.

— У-у!

— Чего? Да я просто… место ищу! Не буду я его арканить, не боись. Отменил рабство отец мой мудрейший. — Попытался привязать за ногу, да веревка меж ступней и лодыжкой прошла. — Хм… Не то. А коль я меж глаз и ушей пущу? Там все равно у него пусто.

Мурка посмотрел на меня, склонив черепушку набок.

— Ладно. Обещай не сбегать!

Он кивнул. Я протянул руку, он пожал, я дернул и снял руку с плеча.

— Оставлю при себе. Для верности. Хочешь назад?

Он закивал.

— Тогда веди в гнездо свое колдовское. К другим таким же. Но к злым.

Мурка на третьем же шаге потерял ногу. Та застряла в грязи.

— Там болото. Утопишь нас. Наверное, нам в другую сторону? В лес заколдованный? — подсказал я. Он подумал, согласился, и мы пошли за ним.

На повороте я напоследок оглянулся на землю свою — острог да ворота массивные. Эх, сделаю хорошее дело для простолюда бестолкового, и долг закрою, и зло растопчу, а потом вернусь и достроюсь все. Будут и покои большие, в которые пролезать не придется, и потолок высокий — больше ни одной шишки не набью. И… и… и еще чего-нибудь себе внушительное построю. Не знаю чего, но оно будет величавым.

После первой же версты вспомнил, каково это — в военные походы ходить. Ах, приятное чувство. Со лба пот стекает, бьет ветерок, а ты ему лицо подставляешь, вдыхаешь полной грудью воздух наш травянистый. И сил больше становится. Ведь поход военный — дело такое: дни да месяцы в дороге, испытания да лишения всякие, холод пронизывающий да жара плавящая, хвори гадкие да мысли тревожные, трусость разумная да храбрость безрассудная. Много чего в военном походе в человеке выявляется. То, чего он сам о себе не знал. Говорят, слава и богатство раскрывают нутро, но нет, военный поход — вот где истина

выпуклою становится.

— Конечно, поход — дело мужское, — усмехнулся я, глядя на Клюва. Тот копался когтями в гриве Маришки, что было ей приятно. — Женщинам тут не место. В убитных трудах.

Я посмотрел на Чуденя. Тот бежал от куста к кусту как угорелый. Завидит белку — на дерево за ней пытается залезть. Как мальчишка в отряде, норовит показать, чего стоит, сноровкой своей и бойким нравом щеголяет. Такие на полпути загибаются иль под первую же стрелу попадают. Нет. В походах участвует муж терпеливый, способный и день и ночь в одинаковом такте ногами перебирать да меч и щит высоко держать, а не волочить за собой. Коль ты их недостоин, то и не сможешь удержать, перейдут они к другому и его будут защищать. И это все в латах, кольчуге и шлеме. В грязи да снегу, на холм иль с него.

— А когда до сечи дойдем, что там баба делать будет, а? — спросил я у шедшего впереди Мурки. Он повернулся. — Вот! Как ты, смотреть будет на событие кровопролитное, а может, и плакать по душам загубленным. Своим и чужим. А там нельзя так. Действовать надо! — Я постучал по голове указательным пальцем. — Головой думать. А что женщины могут в такие моменты? Ни-че-го.

Порядок наводить в доме да одежды стирать — вот их задача. — Поднялось настроение у меня от сказанного. — А знаете что? У всякого похода название должно быть. Такое, чтоб ух! Услышит крестьянин — и сразу запомнит. Например… — я подумал, — Большой военный поход. Что скажешь, Маришка?

Та будто кивнула.

— И мне нравится. — Я окинул всех взглядом. — Так что вышли мы всем отрядом в Большой военный поход.

Так и шли, пока на луг не вышли с высокой золотистой травой. Такой высокой, что выше меня. Сразу показался он мне подозрительным: вокруг ветерок, иногда ветви деревьев в пляс идут, а здесь ни травинки не шелохнется. Колдовство, не иначе. Нюх у меня на дела такие.

— Слетай, птица, скажи, чего увидишь, — сказал я. Клюв на удивление послушался, полетал, вернулся да доложил:

— У-у.

— Точно отсюда? — спросил у Мурки. Он кивнул. — А может, в обход?

Он пожал плечами, а я посмотрел внимательно в траву. Ничего не видно. Густота и тишина. Такое… как бы даже манящее спокойствие. Прилечь

хочется в травушке, отдохнуть, песнь душевную затянуть.

— Решено. В обход идем. По уму все делать надо.

Но едва я развернулся — услышал речь, мягкую, чистую, словно музыку, ветром принесенную:

— Гордая гора…

Остановился. Обернулся. Прислушался. Ничего. Только стрекозы да цикады. И птички чирикают. Показалось.

Сделал еще шаг.

— Звонкая река…

Я нахмурился. Пошел ближе к лугу. Маришка замерла, возмутилась. Смотрю, все зверье остановилось, да и Мурка не спешит заходить вглубь.

— Есть кто тут? — спросил я. Тишина.

— Ты неси меня, неси…

— На другие берега, — завершил я. — Не шути так… — предостерег я то существо, что пряталось в густой траве. Достал топор из-за пояса. — Да будет тебе известно, со мной никто такие шутки не шутит.

— Для других камень, для меня яблочко. Люблю над тобой шутить, — сказало оно голосом Лизоньки и вновь запело: — Гордая гора, звонкая река, ты неси меня, неси на другие берега…

Я сделал шаг назад. Испугался. Что бы ни было — душу увело. Так непреложно, так истинно, будто в голове моей пел ее голос. Любимой.

— Погуляй со мной.

Уколола. В душу. Так, что выдохнул, словно в последний раз.

Я тяжело задышал, вытер с лица пот. Враг стоял ровно передо мной. Казалось, сотня моих ударов ему нипочем. Я усмехнулся, крепче сжал деревянный меч и вновь обрушился на чучело, заменявшее мне противника. Бил справа, слева, искоса, сверху плашмя, колол, словно иглой, в сердце. Убил бы, будь вместо дощечки грудь человека. Еще и еще. Нырнул под его плечо, вдарил локтем в затылок. Сделал обманный выпад, дождался воображаемого броска, уклонился и подсек мечом единственную ногу.

Лизонька вышла из-за пышно цветущих розовых кустов. Похлопала мне, а я по-

клонился ей на манер гостей заморских.

— Теперь я понимаю, почему вас кличут Непобедимым.

— Я простой воин, госпожа, — ответил я, подмигнув.

— Простой воин не будет упражняться с раннего утра, оставив холодной постель своей супруги.

— Простите. Вероятно, я не такой уж и простой. Я лучший.

— Всего-то? Тогда простите, что отвлекла. — Лизонька развернулась.

— Разве может быть человек всего-то лучшим? — спросил я вслед.

— Их много. В каждом царстве, в каждом государстве есть кто-нибудь лучший. А вы, быть может, еще какой? — замерла она, выжидая.

— Я особенный. — Я отошел в сторону, взял ведро воды, поднял и глотнул прямо оттуда, а остальную вылил на себя. Помотал головой во все стороны, как псина, вылезшая из речки. — Ух…

— И чем же вы особенный? Тем, как ведете себя перед своей царицей? — Она подошла ко мне. Легкий ветерок принес

вместе с ней запах цветов.

— Я умею делать так. — Я подбросил ведро и поймал его лезвием деревянного меча.

— Ой. — Она отмахнулась. — Забавами этими меня не удивить.

— А этими? — Я бросил ведро так, что оно наделось, словно шлем, на голову чучела, а сам за это время подхватил с земли лук и выстрелил. Стрела припечатала ведро прямо ко лбу моего врага.

— Все кичитесь монетами, которые у дам не в ходу.

— Мне казалось, удальство дамами особенно ценится. Как же вас удивить?

— Прогуляйтесь со мной, только и всего. — Она указала мне на цветущий сад.

— Глупец. — Я ударил себя древком лука по лбу. — Внимания хотите. Это я могу.

Но только мы шагнули в сад, как за спиной раздался оклик. Я остановился и обернулся. Это был начальник царской охраны.

— Южную стену наконец укрепили! Все собрались, государь, и ждут вас на осмотр и празднование!

— Пусть еще подождут немного.

— Работа шла три года. Мы расстроим столичный совет этим ожиданием.

— Да. Знаю. Иди.

Я отпустил его, но и руку Лизоньки отпустил.

— Прости. Это и правда важное событие. Больше ни у кого не будет шанса взять нас с юга. Все меня ждут. А коль со мной придешь и ты…

— Там соберутся люди войны, — перебила она. — Ты знаешь, как я их…

— Это ближайшие мои соратники, — теперь перебил я.

— И это о многом говорит, — мягко улыбнулась она. — Не хочу отвлекать вас от военных разговоров. Но я была бы рада попадать чаще в центр твоего внимания.

— Прости. — Я взял ее за руки и поцеловал их по очереди. — Мы готовимся к новому походу. Он очень важен.

— Так же важен, как предыдущий? — Теперь она освободилась от меня. — Но не такой важный, как следующий?

Я открыл рот, чтобы ответить, но не

нашел слов.

— Тебя нет со мной сегодня. Нет в этом месяце. Тебя нет со мной давно.

— Прости, родная. Обещаю, что эту ночь я проведу с тобой. И завтрашний день.

Я отступил, уже видя у дверей дворца ожидающих меня представителей совета.

— Боюсь, стакан с обещаниями давно переполнен. Прошу тебя, погуляй со мной хоть раз. — Она сделала шаг ко мне, а я развернулся и ушел, произнеся опять:

— Прости, надо бежать.

Или не ушел. Остановился, схватил меч и продолжил рубить, рубить, рубить врагов! Кишки пускай! Головы с плеч!

Бил и бил, пока не открыл глаза. Я стоял в высоченной траве, сжимая топор дрожащими руками. С щек моих стекали слезы. Колени подогнулись — и я упал на них, опустил голову и заплакал, как дитя малое.

— Погуляй со мной.

Я помотал головой.

— Хоть раз.

Закрыл уши. Сделал тяжелый вдох. А когда открыл глаза, из травы ко мне тянулись руки, *ее* руки, я узнал бы их из тысяч других. Подавшись навстречу, я сжал их и почувствовал родное тепло. Потянул к себе, чтобы обнять Лизоньку, поцеловать, попросить прощения за всю боль, за невыполненные обещания, за то, что не пошел с ней, когда звала. Ни разу не пошел. Но ведь я ради царства. Ради людей. Все ради вещей, что важнее нас с ней.

Ах, руки, руки любимой Лизоньки. Еще руки. И еще. Их стало шесть, а затем восемь, и все тянулись ко мне, брали за пальцы, за плечи, сжимали, тянули.

— У-у!

Клюв появился над головой. Крыльями захлестал так, что ветер отвел стоявшую перед лицом траву, и увидел я десятки глаз, маленьких да красных. А руки, все эти руки, тянулись к одному телу, нечеловечьему.

Я вырвался, схватил топор, замахнулся. Не решился ударить, трус, по рукам таким знакомым да любимым. Сбежал прочь, туда, откуда,

видимо, прийти успел. Услышал лай Чуденя — и бросился на этот зов, пока не вылетел с луга заколдованного.

— Любишь — не любишь, — неслось в спину.

— Хватит! — зарычал я.

— Никогда не разлюбишь!

— Ты не она!

— Ты неси меня, река…

— Что ты такое?! — закричал я, выхватил огниво — и поджег ближнюю траву.

Луг вспыхнул мгновенно, и донесся до нас рев твари. Взлетели птицы в небо, кинулись спасаться белки да мыши. Попятился и мой отряд, а я стоял и смотрел, как горит то, что Лизонькой моей притворялось. Не отворачивался. Вдыхал запах паленого.

— Будь проклято все колдовство этого мира. — Наконец обернулся я на отряд свой чудной и сказал: — Пойдем в обход.

Глава 12. Соловейко

Взобравшись на холм, я увидел вдалеке гору, высокую, до боли знакомую, и вспомнил битву, что когда-то на ней развернулась. Обычной эта гора лишь казалась — там, на вершине ее, начиналась когда-то иная страна. Целая долина, прорезавшая облака. Тысячу лет назад оттуда впервые прилетели драконы.

Там заканчивалось царство Солнцеграда. Саму гору мы прозвали Ромашкой — вначале из-за события, что произошло наверху, а затем имя прижилось. Почти четыре десятка лет тому назад мы покинули ту вершину и на картах обозначили Ромашку западным краем наших земель.

Неспокойным местом были и гора, и долина.

Жаловались здесь на разбойников, на нечисть всякую, и не раз слал я сюда отрядцы на помощь. За кровь невинную отправлял на кол, за заигрывание с колдовством — на костер. Вроде моей была земля, а вроде и не до конца — колючая, строптивая, хотя войско сюда за все сорок лет водить не приходилось. Бед поистине серьезных с Ромашки не приходило. И думал я, что, наверное, так и должно быть после того, что мы сотворили на ее вершине.

Долго смотрел я с тревогой на гору. Что нас ждет впереди?

— Мурка, мы, часом, не туда взбираемся? — спросил я, указав на Ромашку пальцем.

Жмур кивнул.

— Хм… а чего там сейчас? — Он пожал плечами. — Но ты же оттудова пришел? — Он опять кивнул. Все это выглядело подозрительно. Я посмотрел вправо. — Яроваркин, что дум… — Остановился.

Нет тут никакого Яроваркина, приближенного моего военного советчика. А ведь во всех походах рядом был, у правого плеча. Пока стрелу не поймал шальную. Коль не стоял бы подле меня — мне б досталась. Много раз такое было, много везения встретил я по жизни, а с ним и много лишений

всяких. Будто жил, чтобы страдать да мучиться от горя чужого. Обретать, чтобы терять.

Ни Миши Гучина, ни сыновей. Никого нет рядом. А живы ли сыновья после похода на южных дикарей? Может, и нет. Нет на них проклятья моего. Каждая битва последней статься может.

Вот бы сейчас и мне кого-нибудь с мудрым советом, а не самому решать, глядя на гору проклятую. Ну, нет советчика, хоть кого-то ж должен был взамен взять, дурень! Чего мне путного достанется от мертвяка, странного зверя да глупой совы? Хорошо, что Маришка рядом. Выслушает. Поймет.

Похлопал кобылу по спине, почесал, подумал.

— Лады. Взбираться будем на Ромашку целый завтрашний день. А сейчас переночуем у подножья.

Добрались, как и рассчитывал, к сумеркам. Заметил тропу, змеей на вершину поднимающуюся. Ох и долгим же будет восхождение. Хоть колени мои все еще крепки да гибки, но обоз и вся эта живность замедлит ход. А про хромоту мою лучше вообще молчать. Видимо, никогда полностью не излечусь от ранения, проклятым древним мечом оставленного.

Заночевать у самой тропы не получилось: с

десяток человек, издалека напоминавших разбойников, встали здесь лагерем. Решили мы занять скалу поодаль, там еще пещера неглубокая раньше была, но и к ней предстояло идти через просматриваемый участок. Прежде чем выдвигаться, выждали мы часок в подлеске — вдруг все же разбойники соберут лагерь и пойдут наверх?

Темнело. По привычке я потянулся к поясу, чтоб достать окодаль. Не оказалось трубы с собой. Конечно, ведь никакой я не царь более и не полководец, нет мне необходимости издалека врагов высматривать. Вышел болотный строитель в поход, называется. Горько усмехнулся над собой.

— Ладно, больше ждать нельзя, иль тут застрянем. Зато чуток стемнело. Коль тихо пойдем, не заметят нас.

— Ай… — послышалось выше, из-за деревьев, и миг спустя, стуча по листьям и траве, к нам скатился валун и сбил котелок с нашей похлебкой.

— Чудень! — сразу отдал я команду: слишком близко, чтоб долго решать.

А зверь мой, вместо того чтоб наброситься на врага, радостно запрыгнул в кусты, будто только того и ждал. Даже залаять успел.

— Хватит, хватит. Все… Да иду я, иду.

С поднятыми руками, в одной из которых палка

походная, к нам вышла Марфа. Сзади ее по-доброму подталкивал лбом Чудень.

— Виновата, — опустила она глаза.

— Знал ведь, что так не оставишь, — пробурчал я. — И похлебку погубила. Сразу ущерб военной кампании…

— Я…

— Нет. — отрезал я. — Вертайся обратно в деревушку свою. Нет места женщинам в походе военном.

— Да какой еще военный… — собиралась возмутиться она, но я перебил ее:

— Тихо ты…

— Да я…

— Нет.

— Просто…

— Нет! Ночуем вон там, на скале, а к рассвету мы… — Я посмотрел на свой отряд. Все зачем-то окружили Марфу. Я поманил ее пальцем: — Иди сюда. — Она засеменила ко мне, а я занял ее место. — Мы, — я указал на свой отряд, — пойдем дальше. А ты вернешься… — Чудень опять принялся радостно толкать ее головой. Клюв запрыгнул ей на плечо. — Вот и выявились предатели… Все втроем и вернетесь. А мы с Маришкой… — я посмотрел на кобылу, а та своими

бесконечно глубокими глазами посмотрела на меня, уткнулась мне в плечо лбом и встала меж мной и предателями.

Я выдохнул, собрал вещи.

— Утром уйдешь. Многих схоронил я в походах, но то были мужчины, а ты… — Посмотрел я на нее, всю такую стройную, городскую, неправильную для этих мест, ну хоть палку походную додумалась взять в путешествие. — Ведьма со своим посохом.

Она проследила мой взгляд, посмотрела на палку — крючковатую, с красивым рисунком, похожую на колдовской атрибут. Закатила глаза.

— А, ну да, ведьме — ведьмино. Спасибо. А богатырю — богатырево. — Она указала на пустой котелок в моих руках. — Ой, простите, поваренку.

— У-у! — произнес Клюв и, готов поклясться, в этих вечно удивленных разноцветных глазах я увидел смех.

— Уходим. Пещера ждет.

— Какая пещера?

Мы обошли истоптанную площадку у тропы. Запрятали обоз и со всем необходимым для лагеря взобрались по уступам на пятьдесят шагов. Пещера была на месте, но на подступах к ней мы

остановились, услышав мычание.

— Прекрасно, привел нас к медвежьему логову, — прошипела Марфа.

— Тихо… Коль зверь какой, зарублю не глядя. А коль не зверь…

— Кто еще мычать да хрипеть будет? — перебила она.

Я покачал головой. Посмотрел на Чуденя. Не додумался я его бою полноценному обучить. Да как? Ему ж месяц от роду. С другой стороны, уже во какой стал: был старосте до колен, а теперь мне. А нравом все равно что развеселый барашек. Велю убить куропатку — не-а, резвится с жертвой, добрая и глупая душа. Коль мясцо даю — ест, но смотреть, как убиваю кого да разделываю, не хочет. Убегает в нору свою.

Так что, коль до боя дойдет, придется самому дела делать убийные.

— А как же обет? — спросила Марфа, когда я занес оружие и выпрыгнул к входу в пещеру. — Буря… Буря? — Она вышла за мной, а потом и остальной отряд.

В пещере никого не было. И вообще теперь это походило скорее на грот. А в центре — гроб каменный, без крышки, да подношения всякие: монетки, еда, цветы, барахло блестящее.

— И куда ты нас привел?

— Раньше это место пещерой было. Самой простой. Мы здесь град пережидали небольшим отрядом однажды, а в другой раз засаду готовили на главную дорогу…

— М-м-м! М-м-м!

— Не мычи, — гаркнул я на Чуденя.

— Это не он…

— М-м-м!

Клюв залетел вглубь и сел на главное подношение.

— М-м-м! М-м-м?!

Подошел я ближе и смотрю — в гробу мужичок лысый, пузатый да связанный лежит. Ко рту еще и дощечка привязана со словами.

— Здесь человек… — проронил я.

— Живой? — спросила Марфа, подходя. Он закивал.

— Сейчас прочитаю, — сказал я. — Не-е-е… о-ты-ы-ы-вяя…

— «Не отывязывать». С ошибкой написали, — прочитала Марфа, закатывая глаза.

— Не отвязывать, — повторил я и оценивающе посмотрел на бедолагу. — Хм…

— И чего делать будем? Теперь хочется отвязать.

— Почему это? — спросил я.

Мужичок, расширив глаза, замычал еще сильнее и забился в гробнице.

— Ну, интересно же, чего такого может быть, раз табличку написали.

Мужичок закивал.

— Не спеши-ка, староста. А чего это он тут?

Я огляделся. Свечи прогорели только наполовину. Подошел к стенам, увидел рисунки всякие зверья: волки, медведи, гигантские орлы. Под ногами аккуратно сложены кости. А нет, весь пол из них сделан. Будто все подготовлено под жертвоприношение.

— Черт бы их… — выругался я. Понял, что произошло. — Вновь… Вновь! Вот дурень! — Я шмякнул себя ладонью по лбу. — Как же я так…

— Что? — спросила Марфа.

— Это вот сейчас я должен был понять…

— Да что случилось, Буря?

— Это все. — Я указал на гробницу и на весь грот. — Судьба вновь толкает меня к приключениям. Опять проклятие в жизнь мою лезет, приманивает. И все это через тебя. Как же я не понял?

— Что через меня?

— Нет. Не бывать такому! Я согласился помочь

Хвойному, тебе помочь, — я ткнул пальцем в Марфу, — и все. Ни в какие другие передряги я лезть не собираюсь. А тут все выглядит именно так, будто под меня уготовано. Дураков нет! Уходим.

— А как же человек? — Она указала на мужичка. Он дернул бровями: дал понять, что тоже задумался над этим вопросом.

— А пусть сам себя спасает.

— М-м-м??? М-м-м!!!

— Знаю я, чем такое оборачивается. Спасешь его, а он скажет: отведите меня вон туда! — Я указал на долину.

— Куда? — Все посмотрели в указанную сторону.

— Да куда-нибудь! Скажет, что детей у него с десяток и ждут они кормильца своего. — Связанный замотал головой. — А я с сердцем своим, гнева Создателя страшащимся, поддамся на уговоры. А там окажется, что на деревню его разбойники нападают и нужен им защитник какой-нибудь для главной битвы. И как хорошо, что я весь такой нашелся.

В этот миг радостный Чудень залез на гроб и перекусил путы. Вместе с ними спала и табличка «Не отвязывать».

— Спаси-и-ибо! Спаси-и-ибо! Спасли меня! —

вдруг запел мужичок.

— Да тихо ты! — гаркнула на него Марфа, но поздно. Там, внизу, послышался крик да грохот камней. Десяток разбойников взбирался уже к нам.

— Ой, спасли меня-я-я! Спасите ж еще ра-а-аз! Молю-ю-ю! У них мечи-и-и! — не унимался развязанный певец. — Погу-у-убят нас!

Я вновь сжал топор, отвел всех за спину и приготовился к бою. Молодчики повылезали, как ящерицы, со всех сторон. Закрыли проход вдесятером.

— Ого, смотрите, чего сделали, подношение наше высвободили, — произнес вышедший вперед. По виду и взглядам я понял, что не ошибся: разбойнички-негодяи, все как один. Главарь оценил меня сверху донизу и, слегка поубавив пыл, спросил: — А чего вы это тут забыли такой чудной компанией?

Оглянулся я на своих. Компания и правда чудная. Но, коль на то пошло, не компания мы, а отряд. Чудной отряд.

— Грибы собираем, — ответила Марфа, выглянув из-за моего плеча.

Ее слову он не доверился и посмотрел на меня.

— Собираем, — подтвердил я, зная, что лицо

мое совсем о другом говорит.

— А я уж было решил, что вы тоже на Ромашку взбираться собрались. Пришли подношение сделать на алтарь.

— Зачем это?

— Дык страхолюд… — он тревожно усмехнулся, оглянувшись на дружков, будто каждый знает, о чем он толкует.

— Какой еще страхолюд?

— Нечисть, что нападает на всех, у кого дела на Ромашке. Оставляешь подношение, — он указал на того, что мы освободили, — и он тебя не тронет. Им занят будет, а вы быстренько хоп — и уже на горе. А быстренько у нас уже не получится, ведь вы освободили наше подношение.

— Этот? — Я кивнул на мужичка.

— Ага, песельник.

— Радимом Соловейко меня зва-а-ать, — пропел тот.

— Ага. Нашли его в деревне Сыромушкино, верстах в десяти отсюда. Привязался к нам, говорит, тоже на Ромашку ему надо, и пользу обещал. Мы вот по доброте душевной взяли его, а он песни свои поет не замолкая. И это б ничего, ведь играть на гуслях умеет, будто колдует, а не струнки перебирает, но стихи-то какие ужасные! И рифмы

никакой! Хоть играй молча, да не может ведь! И говорить не может как человек нормальный. Все время поет!

— Это как? — удивился я.

— Сколько раз говорил, про-о-оклят я! — пропел он.

— Как бы ни было, подошли мы к горе, видим дощечку, что страхолюдина подношение ждет, важно, чтоб живое было. Чтоб сам прибил. Что-то мы как-то понадеялись, что скотинку какую украдем, оленя изловим, но ничего не попалось по дороге. А чего делать? Надо ж вопрос важный решать. Мы собирались там на горе поживиться! Подумали и решили песельника отдать. Извинились, связали, забрали гусли, — один из заднего ряду показал инструмент песенный, — и вот уложили в аккурат, ждем криков всяких страшных, но песельных, а услышали другие голоса. Ваши.

— А ничего, что он, вообще-то, живая душа? Человек! — опять задерзила Марфа.

Кажись, расстановки сил она не понимала. Каким бы воином я ни был, с топором, да без доспехов, против десяти разбойников не сдюжу, а коль сдюжу, то вряд ли все в отряде уцелеют. Старосту-то не жалко, а коль Маришку загубят негодяи? С горя помру в тот же день.

— Так-с… Давайте вопрос решать, бояре, — взял я разговор под контроль царский. — Этот певун, каким бы противным ни был, больше не подношение.

— Прекрасно, — закивал главный. — Тогда давай кого-нибудь вместо него. Лошадку твою?

— Моих оставьте при мне, — произнес я, сжав зубы.

— Как это? Ты лишил нас подношения. Отдай что-нибудь взамен. Это что у тебя за живность такая? — он с интересом посмотрел на оскалившегося Чуденя. — Отдай мне его хотя бы.

Один из разбойников шепнул главарю что-то, и тот, расплывшись в хитрой улыбке, по-новому решил:

— И женщину эту тоже отдай. Зверь подношением будет, а она — за ваши жизни. Думается, честно это, учитывая сложное положение, в котором вы оказались. — Главарь окинул взглядом грот, откуда ходу для нас не было.

Я посмотрел на Марфу. Не пойди она за нами, все намного проще было бы. Она же мой взгляд расценила по-своему и пнула меня в ногу, благо не в раненую.

— О чем задумался?! — рявкнула она, а те рассмеялись.

— О своем, — ответил. — Не-а, друже. Плохой уговор.

— А что нам тогда делать? Сову мы себе не возьмем. Она у тебя самая обычная, ни в кого не оборачивается, голосом человечьим не говорит, золотце взмахом крыла не разбрасывает. Да еще и глупая.

Клюв клевал стену, на которой вырезаны были черви могильные.

— Изловите кабана. Тот ночью хорошо ловится. А мой отрядец ни во что не верит, и в страхолюдину вашу тоже. Зря народ губите. Медведям да волкам подношения оставляете. Давайте расходиться. Мы взберемся на гору с утра и без подношений.

— Ты уж прости, старик, ночь наступила уже, да и лень пробрала нас, не будем охоту на зверей затевать. Легче уж вас погубить. Все вопросы разом решатся. От надоедливого певуна избавимся, тебя в гробницу, зверя твоего съедим сейчас, а кобылу — уже на горе. Старая она. А женщину… — Он посмотрел на нее, взглядом приценившись. — Может, женщину и оставим, коль готовить умеет.

Марфа бойко шагнула в его сторону, но я остановил ее.

— Угрозами бросаться ты право имеешь в положении своем. Но допустил ошибку.

— Какую же? — усмехнулся тот.

— Меня ты можешь погубить и подношением сделать. Съесть можешь и зверя моего. Певуна я и сам пришиб бы, уж больно рифмы не хватает голосу его. Да и женщину эту я б сам тебе предложил, болтает без умолку, — согласился я. — Все ты можешь, да вот зря на кобылу мою пасть разинул. За то умрешь.

Я показал разбойникам топор, и те, кажется, обрадовались тому, что между нами наметилось. Ох, дал ведь клятву ни во что не ввязываться да люд больше не губить. Придется, видимо, еще раз взяться за работу скверную. Благо хорош я в ней как никто другой.

— Отойдите-ка назад… — сказал я своим. Они отошли, кроме Чуденя. — И ты тоже.

Зверь оскалился, зарычал на негодяйскую шайку, но все равно попятился.

— Окружай его, хлопцы! — прозвучала команда главного, и те принялись обходить меня, мечи да ножи вынимая.

Ох, вот бы мне сейчас секирушку мою, с трех замахов схоронил бы всех.

Начался танец наш кровавый. Отбивался я ото

всех топором, но сам замахиваться не успевал. К стене каменной прижали негодяи, но тут команда моя сбоку в нападение неожиданное пошла. Полетели камни да подношения от певуна Соловейки, ваза, которую я присмотрел, разбилась о голову одного разбойника, другого боднул Чудень, третьего схватил за штанину и повалил, а Марфа-староста, грамоте и культуре обученная, как замахала палкою своей, как застучала по головам немытым вражеским! Да и Клюв с кого-то шапку снять успел и другому на голову бросить.

Дела сразу лучше пошли, но замахнулся главарь и длинным мечом своим резанул по рубахе моей. Защипало грудь. Проступила кровушка. Ну, разозлили, змеюки. Сорвал с себя рубаху, признав, наконец, что придется по-настоящему биться, но ни разу не успел ударить: остановились все.

— Это что за чертовщина… — указал на мою грудь главарь и попятился назад.

На свету лунном блеснули руны серебряные — проклятие мое и дар непрошеный. То, что скрывал ото всех всегда, кроме родни моей.

— Это он… — произнес кто сзади. — Это ж тот самый…

Да, знали все легенду о том, что ходит в отряде царском воин с печатью рунической на груди,

что оставляет воин этот после себя только смерть. И что имя ему Буря.

Пробежал испуганный ропот по смутью разбойному. Попятились трусы из пещеры.

— А может, не он?! Да вот нас сколько! Загубим! — нашелся один храбрый.

Остальные замерли, не решаясь продолжить.

— Подходи тогда первый! — прорычал я ему и бросил наземь рубаху.

Та подняла пыль, ее вдохнул Чудень. Затрясся вдруг, чихнул — и испустил газы. И если газы получились, как у бычка нормального, то от чиха из ноздрей да рта тучка огненная повалила да звук раздался, будто из драконьих сказаний. Тут уж храбрецов в пещере не осталось. Сбежали со скалы со штанинами горящими.

Посмотрел я на Чуденя и спросил невесть у кого:

— Может, дракон все-таки?

— Не-а, — ответила Марфа.

— Откуда знаешь?

— В книжках читала ученых.

Чудень чихнул еще раз. Мы все вздрогнули. Огня уже не было, и газов тоже.

— Так, новое правило. Коль чихнуть удумал, хвостом ко мне, а пастью в обратную сторону.

Понятно?

Чудень не ответил. Нашел под ногами запекшуюся репу из подношений и съел.

— Мурка! — вдруг вспомнил я о проводнике нашем. — Где Мурка?!

Черепушка показалась из глубины грота, за ней и весь жмур. В руке держал он новую руку взамен той, что я отобрал. Присоединил к плечу. Заработала, но пальцев не хватало. Пошел дальше искать.

— Мертвя-я-як? — пропел Соловейко дрожащим голосом и указал на члена моего отряда.

— Не боись. Он наш, — ответила Марфа.

— Чу-у-удный материал для песенки новой. Что-о-о делать будем? — пропел Соловейко, словно стал уже одним из нас. Поднял с земли гусли, подул и протер рукавом.

— Ты делай что вздумается, а мы тут переночуем, — ответил я, глядя, как разбойники по тропе на гору взбираются да в нашу сторону поглядывают.

Повезло. Вновь слово сдержал. Ничьей кровушки не пролил, никого не убил.

Глава 13. Идемте все на гору

— Погуляй со мной. Хоть раз…

Вздрогнув, я открыл глаза. Передо мной развилось пламя костра, а из-за него с интересом разглядывали меня зеленые глаза. Марфа быстро отвернулась. Я привстал, огляделся. Была глубокая ночь. Все остальные спали.

— Я говорил во сне?

— Да. Ты говорил о женщине. Это твоя жена?

— Мертва она, — бросил я, зная наперед, о чем спросит эта женщина. — Да, любил. Скучаю, но отпустил уже. И ни с кем о ней не говорю.

Я подбросил дровишек в костер вместо ответа.

— Знаешь, в моих местах говаривали, что сон — это другой мир. Мир духов. И за ночь мы можем

прожить там целые жизни. А когда просыпаемся, духи стирают наши воспоминания. И на следующую ночь мы вновь…

— Насколько я помню, ты староста Хвойной, а там наш люд, страна наша. Про какие «твои» места говоришь? — посмотрел я на нее с подозрением.

— Разные. Много путешествовала с рождения. Так уж получилось.

— И теперь ты вновь путешествуешь. Зачем? — спросил я. Она не ответила. — Зачем пошла за нами? Почему тебе в Хвойной не сиделось? Грамоту знаешь, бабам ненужную. Откуда ты взялась такая?

— Какая? — вспыхнул вдруг ее взгляд.

— Другая!

— Отец мой знахарем был. Много знал о мире. Грамоте обучил и другим наукам. Складывать, вычитать. Бумагу читать да в картах понимать.

— И зачем девочке это знать? Такое мужику только и пригодится.

— Маму мою мерзавцы убили. Отец страшился за меня и в мир не отпускал. И…

— И правильно делал, — вставил я, а она мысль свою не продолжила. Вместо этого сказала:

— Глупый ты, Буря. Ничем тебе уже не помочь.

Ни с лысиной твоей, ни с умом.

— Так ты проясни, недостароста. Говоришь, много путешествовала, значит, мир видела уже.

— Есть у мира и знаний о нем свойство такое: чем больше увидишь, тем больше вопросов возникает. Больше видеть и больше знать хочется об этом всем. А ты, как оказалось, хоть много и видел, но сам ничего не знаешь!

На ее голос все проснулись.

— Как это не знаю? Все знаю!

— А чего ж меч не взял, раз в поход военный собрался? Разве так поступают знающие мир этот опасный?! Разве от врагов прячутся в пещерах воины славные?! Ничего ты не знаешь! Недовоин, что битве возню в огороде предпочитает.

Я вскочил на ноги и указал вверх, на гору.

— Вон там гора, Ромашкою зовут! Знаешь почему? Много лет назад мое… наше войско в сражение вступило на ней с могучим врагом из страны драконов, что как раз за горой начинается! Скольких людей потеряли! Полторы тысячи! Только мы. А враг — втрое больше! А перед тем как начать, переговоры вели. И поле было между нами, ромашкой усеянное. Не договорились: мы о том, что гора эта теперь наша, они — о том, что их. Как кончился бой, оглянулся я на поле. Ничего

не осталось! Одна ромашка! — Я показал один палец. — Один цветок на все поле! А вокруг него — тела братьев моих по оружию да врагов! Вот так Ромашкой гору прозвали. Я это сделал! Я дал ей имя! Стоявший *впереди* всех! И Бурею меня там наверху прозвали. Убившего больше всех! — Я постучал по оберегу на груди.

Марфа уставилась на руны, светившиеся серебром из прорези на рубахе. Я спрятал их, отвернулся. Вспомнил отца и эту битву, первую большую битву свою. Когда отец на двадцатилетие взял меня в поход и позволил драться плечом к плечу. Раненый тогда отравленным клинком, мучился он следующие пять лет. Сгорбился, взялся за палку и к сорока пяти слег. Через год мучений постельных умер: ни врачевание, ни знахарство не спасло. А теперь и меня в Солнцеграде хоронят с той же историей: храбрый, но глупый царюшка да рана, на первый взгляд безобидная. Будь проклято все колдовство этого мира.

Успокоившись, я продолжил:

— Много битв было в жизни моей. И похорон много. Намахался я, женщина, мечом. Коль счету обучена, можешь посчитать шрамы на теле моем. Собьешься. Все я видел на поле брани. Все делал, разве что женщин да детей не коснулся.

— А ведьмы не в счет?

— А ведьмы не в счет! Не человеческие они отродья. Последняя вот прокляла, — показал вечно окропленные кровью руки. — Век не смою. Так что не упрекай меня за то, что больше не ношу стали. Я здесь, только чтоб тебе помочь и людям твоим. Увижу врага — и на месте пойму, что делать с ним. Такой поход у нас.

Ничего на это не ответила Марфа. Зато Соловейко, прочистив горло, тихо запел:

— Прости-и-ите за невнимательность мою, а о каком похо-о-оде речь ведете?

— Большом. Большом военном походе. Название такое я дал. У всякого похода название должно быть.

— Глупое название, — буркнула под нос Марфа.

— Временное оно! Когда мысль придет светлая, тогда и будет название под стать. А сейчас давайте дальше спать.

Все уснули, а вот сам я так и не смог. Проклятый заколдованный луг воспоминания о Лизоньке пробудил, о том, каким дураком я был рядом с нею. Сколько раз променял ее тепло на лежанки в походах этих.

«Останься хотя бы сегодня».

Ничего Марфа не понимает.

Посмотрел на нее. Прижала к себе Клюва и спала, а у ног ее Чудень примостился. Один Мурка в гроте кости перебирал: искал для себя лучшую руку. Вот бы и мне так — выбрать тело новое, без чар да проклятий. Или сердце другое, без переживаний этих.

Почесал невольно грудь, рунами опечатанную. Увидел на деревьях ворон. Поднял камушек, а те, обученные уже, улетели.

Утром сели вокруг костра на перекус. Еды должно было хватить на подъем, а там уже как-нибудь разберемся. Живность горы любит. Чего-нибудь да поймаем.

— Да уж… много видал я всякого, но тако-ое… — пропел Соловейко, глядя на Мурку. — Что за чары-ы-ы такие наложили?

Жмур потянулся к хлебу, сунул в рот, проглотил. Мякиш в аккурат меж ребер проскользнул, на землю упал, а там уже Клюв дело доделал.

— Мурка. Завтра к ночи на горе окажемся, — обратился я к жмуру громко, как к тугоухому. Указал на Ромашку. Он кивнул. — Затем уже прямо к логову вашему мертвячьему. Оно ведь где-то там? — Опять кивнул. — Сколько дней надо? Три?

Мурка показал пальцы и кивнул.

— Два?

Жмур посмотрел на кисть. Пальца не хватало. Он плавал в миске зверя.

— Чудень, верни палец.

Заскулил тот, но вернул. Жмур поставил его на место, и получилось три пальца — три дня, стало быть.

— Это ты с такого далека пришел?

Мурка подумал и закивал.

— И зачем? Людей губить? Детей воровать? Дома жечь?

Опять подумал и еще сильнее закивал. Черепушка упала. Певун вскрикнул. Жмур вернул ее на место.

— Это все по приказу какого-нибудь князя тьмы-ы-ы, воеводы зла-а-а? — спросил Соловейко, увлекшись историей.

Мурка бойко закивал, указав на певуна.

— Тьфу. Знал ведь. Знал, не дадут покоя. Не дадут мирной жизни хлебнуть, — пробормотал я. — Смеется Судьба надо мной. Все в истории втягивает.

— «Смеется судьба-а-а надо мно-о-ой…» — пропел тонким голосом Соловейко. Аж выпрямился, схватился за гусли, забегали глаза по земле да

небу. — Ох, идет музыка! Ох, собираются стихи! «Смее-е-е-тся судьба надо мно-о-о-ой! Над богатыре-ем…»

— Нет, — отрезал я, прижав ладонью струны гуслей. — Ненавижу песенки. И певунов тоже не люблю.

Встал кое-как — заныла нога. Отряхнул одежды, потянулся, расправил плечи.

Марфа сидела поодаль и с утра слова не произнесла. Отламывала кусочки хлеба, что-то ела сама, чем-то Маришку кормила. А крошки под ними жадно подбирали подлые вороны.

— Идемте все в гору, — отдал я приказ.

— Ах, иде-е-е-емте все в гору, с хра-а-абрым…

— Нет.

Загрузив поклажу на обоз, повел я Маришку к тропе. Не пытался больше кривить душой перед самим собой, вид делать, будто взберусь легко на Ромашку. И не в шестом десятке тут было дело… нога беспокоила.

Подошел я к табличке-указателю, приставил палец и начал читать:

— По… мо… ли…

— Написано: «Богу помолись, глупец, что на гору собрался, — влезла Марфа. — И чтоб целым уйти, страхолюдину подкорми живым создани-

ем». Ты подкормил?

— Не-а.

— А коль появится?

Я посмотрел на свой чудной отряд. Кого б отдал, коль нужда возникнет? Эх, песельник, чего тебе в гробу не лежалось с таким-то голосом да без рифмы…

— Да я сам как страхолюдина, — ответил я. — Да и кого я там не видел? Со всеми уже боролся. Всяку тварь погубить успел! Доживи драконы до моих времен, и тем бы надавал тумаков.

— Ну конечно…

Марфа пошла вперед, а за ней и мы начали свое восхождение на Ромашку.

Глава 14. Не по указу, но по делу

Шли мы довольно бодро. Тропа была хоженая, широкая: люд явно ее приспособил и для обозов. Разве что крутоват местами подъем, но тут мы с Чуденем помогали Маришке и к обеду оказались достаточно высоко.

Впереди ожидала более ровная часть пути, с высокими деревьями. Я всегда задавался вопросом, откуда берутся горы, где одна сторона лесами величавыми облагорожена, а вторая будто и неживая. Старцы говаривали: это потому, что с одной стороны Солнцебог встает, а с другой уже отворачивается и милости лишает своей. Теперче ясно, что Солнцебога никакого нет, а светило над нами — просто подарок от Создателя. Поэтому

тайна гор тайною и осталась.

Только вошли в лес, как прилетел Клюв. В когтях держал он кошель. Песенник обрадовался:

— О-о-ох польза, польза от птицы есть!

Забегал вокруг него Чудень: словно ждал, когда певун схватится за штуку эту свою, звуки издающую.

— Де-е-енюжки-деньжата…

— Нет.

Соловейко гусли убрал, а Чудень заскулил, но затем вдруг оживился, побежал вперед и вернулся с сапогом.

— Не к добру, — произнес я с нехорошим предчувствием в сердце. Тень от деревьев, будто наперегонки взбиравшихся на гору, накрыла нас. — Замедлим ход и будем смотреть во все глаза. Певун, не поднимай шума ни инструментом своим, ни голосом, не то усажу тебя на него и как на санках отправлю вниз.

— Понял ва-а-аш наказ… — заунывно пропел он.

— Клюв, смотри. Чудень, принюхивайся. Марф… — Мы встретились глазами и разом отвернулись.

Выше нашли шляпу одного из разбойников, смешную, с перышком гусиным, и нож нашли

окровавленный.

— Быть может, одни разбойники грабят других? — поделился я мыслью. — Коль не на единственной дороге, то где ж грабить?

К обеду мы с Маришкой замедлились — не столько из-за ее усталости, сколько из-за моей ноги. Нужно было привал сделать. Перекусить остатками еды да отдохнуть. Последней каплей стал истошный крик, пронесшийся над нами, распугавший птиц и мелкое зверье. Мы как раз вышли на скалистую часть, без леса, и решили остановиться. Там открылся красивый вид — на земли, оставленные за спиной.

Тянулись леса, мной от колдовства очищенные, а за ними долина, в конце которой, будь у меня с собой окодаль, может, и разглядел бы Солнцеград — дом родной, величавый, надежный, что скала. И народ там живет городской, не простолюд всякий. Грамотный, культурою окутанный и благодарный царюшке мудрому и благородному.

А затем вспомнил я, что не царь я больше, а такой же простолюдин в изодранной рубахе. И живу я во-о-н на том болоте, да и нет там у меня пока ни дома, ни огорода. И кровати нет, и подданных. Нет коня боевого, доспехов блестящих и секирушки нет, одним только видом страх

вселяющей в сердца врагов. Никакого оружия нет. А есть изба временная, острог с воротами, не открывающимися как надо, да живность чудная и бестолковая. Кроме Маришки.

Ух, ничего, построю еще дом себе! Ух, будет он…

— На, — сбила Марфа гордый полет мыслей царских.

Посмотрел на нее, а затем на протянутую руку с горбушкой.

— Сами ешьте. До ночи подниматься будем.

— А тебе силы не нужны? Отставать начинаешь. — Она посмотрела в мои глаза. Не выдержал взгляда, отвернулся. — Могу ногу перевязать, коль чего случилось. А может, усадим тебя на обоз и все вместе толкнем. Нам ты еще нужен для целей скрытных.

— Каких таких скрытных?

— Чтоб было кого страхолюдине скормить, когда появится. Тебя ему на неделю хватит.

— Все шутки шутишь. Сами ешьте, — повторил я и сел на валун.

Ветерок ударил в лицо, обласкал седую бороду, раздул рубаху. Вспомнил я, как люблю природу родную. Там выше, за горой, уже чужая будет, неправильная какая-то, а потому насладиться

надо этими видами в последний раз. Вдруг не вернусь уже домой? Убьют крестьянина, очень на царюшку покойного похожего.

Марфа на другой валун присела. Пнула камешек, и тот колесом укатил вниз, пока в дерево с треском не ударился. Три вороны с него полетели вверх.

— Вороны… — произнес я. — По ним мы понимаем, насколько земли колдовством отравлены. Близ Солнцеграда ни одной нет. В деревушке твоей видел. А на болоте моем на каждом дереве сидят, смеются над потугами моими жизнь спокойную начать. Гадят на голову и плечи, бесхозные вещи воруют, проклятые птицы. И за нами от самого дома следуют. И всегда три. Будто учет ведут, пока не доберемся до… куды бы мы ни шли. И убьем там… не знаю, кого собрались убивать.

Марфа пожала плечами, ловко ухватила палку, уперлась ею в камень и встала.

— Ты где так палкой своей управляться научилась? Видел я, как по головам разбойников барабанила.

— Я ведь сказала: отец как мог оберегал. Коечему и обучил.

Она пошла ко всем, а я бросил ей вопрос сле-

дом:

— А старостой как стала?

Марфа обернулась.

— В Хвойной поселилась. Местные прознали, что в грамоте разбираюсь. Дед Серема даже подумывать начал жениться на мне.

— Дык он же дед!

— Это он сейчас дед, а лет двадцать назад как ты был, — она посмотрела на меня оценивающе. — Правда, ростом по пояс тебе и шириной с твою руку, и все же подумал староста вторую жену взять — молоденькую девицу. Какой шум поднялся… и смех за спиной. Я, конечно, согласия не дала, да и супруга его вразумила, однако в помощницы его я все же напросилась. В делах расчетных польза от меня была. Казну считала и урожай, читала указы царские и отвечала на них от его лица. Он поначалу кружил подле меня, но когда потерял детей своих и жену, добрейшую ко мне, — отдал разум. Стало ясно, что Хвойной новый староста нужен. Выбирали из мужей разных. Никак договориться не могли. То подерутся, то козни строят за спиной, и так целый месяц. Все устали от распрей, и собрала я их однажды на совет перед всеми жителями. Давай примирять медом да питьем услащать. Грызню тушить.

Задобрились все, и вдруг озарение им пришло: раз Марфа способности такие к общению имеет и грамотой одна на десять верст владеет, почему б ее не взять в старосты? Спьяну порешили — единогласно. Наутро-то поняли, что наделали, и схватились за головы: что соседние деревушки скажут? Засмеют же. А царь Владислав? Разгневается, что женщину в старосты взяли, что мужей на тридцать хозяйств не нашлось. И приходят ко мне, видят, что на должности своей я за ночь много проблем деревенских решила: порядок навела в расчетах, даже встретить успела порученного царя, рассказать об успехах в весенних сборах. Да и вообще, все в Хвойной меня любили, за веселый нрав, хитрость житейскую и красу мою необычную…

Тут Марфа прервала рассказ и зыркнула на меня: поведусь ли на игры ее? А я не повелся. Ни на чью красу больше не поведусь. Сколько бы ни пытались после смерти Лизоньки женить меня, ни на кого не посмотрел. И в эти, другие, ненашенские переливающиеся, красивые глаза я тоже не посмотрю. И на ухмылки, да брови игривые, да курносый нос, — ни на что.

— И чем закончилось?

— Порешили, что для царя-батюшки и подруч-

ных его Серема старостой останется. А встречи захотят — хворает, не может уважить. Но помощница — другое дело. Вот и обернулась я старостой не по указу, но по делу.

— Послушай тебя, так хитрость твоя житейская пригодилась, — заметил я.

— Ты это о чем?

— Будь я царем и услышь этот рассказ, решил бы, что все это провернула ты сама, деревней заправлять захотев. И старосту с ума свела, и женушку его отравила, и каждого мужчину, на старостование способного, охмелила, охмурила.

— А может, и так! — ухмыльнулась она и спряталась за обозом. Я пригнулся — нет ее ног за колесами. Поднимаюсь, а она уже среди поклажи сидит. — А может, и нет. Коль виноватого ищешь, взгляни во-о-н туда. — Она указала на край долины.

— А там что?

— А столица наша да царюшка твой. За которого ты головы рубить шел вражеские. За которого землю от «скверны» очищал.

Она спрыгнула наземь, обошла обоз. Я за ней.

— Нет больше его.

— Его нет, а указы есть.

— Он то-тут при чем?

— Не я Серему нашего разума лишила, а царь. — Она поправила уздечку Маришки, погладила ее по загривку. И вновь куда-то юркнула, я — опять за ней. — Не он ли воевал с кем ни попадя? Земли под рукою своей собирал? Было дело?

— Было! — возмутился я.

Не догнать. Пошел в обратную сторону. Сменила она голос на мужской и заговорила:

— Но это ж ради людей простых! Вот, смотри, сколько земель очистил. От столицы до этой горы. И так во все стороны.

Обошел — не нашел. Снова в обозе сидит. Смотрит на меня так, как Лизонька смотрела, когда провинность мою знала.

— А сколько людей погубил царь твой? — Она встала, подошла ко мне и взялась за бортик. — Об этом не думал? Коль только из одной Семериной семьи пятерых молодцев где-то на поле брани схоронить пришлось?

Долго искал, что ответить. Что она понимает в делах царских, в делах военных? Что знает о том, как тяжела корона, как трон неудобен, когда слушаешь донесения со всех сторон? Когда царство целое ждет твоих решений? Пусть думает что хочет, но я всегда пытался делать все как надо. По уму. Для народу.

— Уже неважно. Нет больше Владислава Непобедимого. Сгинул он, — сказал я.

— И поделом Кровавому, — кивнула она и спрыгнула с обоза — Да вот беда… Когда покидала деревню, приходили царские поручные. Говорят, сын его, новый царь Еремей Победоносный, так он себя прозвал, войско собирает в поход новый. Увели двух мальчишек лет шестнадцати от роду. Царя нет, а дело живет. Так получается.

Ушла она вперед и, оказавшись выше на дороге, крикнула:

— Может, и ты, Буря, сгодишься в его отряд? Вижу, еще молод да удал, а души губить тебе все еще хочется. По глазам вижу!

Глава 15. Как хочется жи-и-ить

Мы вновь шли через лес. Дорога испортилась: то сплошная грязь, то широкие трещины, оставленные весенними дождями. Я пытался вспомнить эти места, ведь сорок лет назад мы поднялись на Ромашку, пролили там кровь, дали ей имя…

После той битвы мы верили, что враг с этих гор больше никогда не явится. А теперь явился, да такой, какого не ожидали. Не человек. И даже не дракон. Жмурово войско, коль Мурка не врет. Я посмотрел на него и в который раз спросил на всякий случай:

— Эй, Мурка. Ты ведешь нас к таким же, как ты? К мертвякам?

Он закивал.

— Они злые и пытаются убить людей. Так ведь?

Мурка подумал, посмотрел на Марфу.

— Чего? — спросила она. — Злые вы иль как?

Он кивнул, ступил в грязь и опять остался без ноги. Принялся ее выдергивать.

— Коль они все такими там будут, управимся мигом, — усмехнулся я.

— Ты уж попытайся. Эти жмуры измучили… — Марфа вдруг замолчала. Она шла впереди, а потому раньше нас увидела преграду — дерево, поваленное на дорогу.

Я слез с обоза, держа в руках топор.

— Это плохо. Чего делать будем? Долго провозишься, дровосек.

— Топор не для этого взял… — ответил я, внимательно вглядываясь в деревья вокруг. — И ствол тут не дурной. Подозрительно все это выглядит. Будто для того, чтобы путников останавливать.

Я подошел ближе и ровно по центру ствола увидел насечки. Кто-то уже пытался прорубить себе путь, и, видимо, для него это закончилось плохо, ведь рядом, на торчащей веточке, висел его амулет на серебряной цепочке. Я снял его, посмотрел и нашел выведенные руны. Читать и

понимать их не умел, но уж больно на мои походили. Быть может, защитные? Вот только вряд ли они защитят от…

Опять истошный человеческий крик раздался снизу, с левой стороны от дороги. Чудень медленно побрел к густым высоким кустам, гортанно рыча.

— Чудень, нет, — произнес я осторожно. — Все уходим в лес. — Я указал наверх. — Чудень, ко мне.

Он нехотя подчинился. Я подпер камнем обоз и освободил Маришку от упряжи.

— Быстро уходим с дороги.

Мы нырнули в заросли и через сухие ветви, листву, паутину да кочки начали подниматься по склону.

— Жить, жить, жить. Как хочется мне жи-и-и-ть, — запел под нос Соловейко.

— Меньше пой, больше ногами двигай! — велел я и тут же услышал истошный рев: будто ярость медведя смешали с бешенством больших диких кошек востока.

Через мгновение нечто вырвалось из леса на дорогу и разломало обоз в щепки. Мы все замерли, видя сквозь кусты лишь очертания серой высокой твари.

— Помереть решили?! — закричала Марфа.

Я оглянулся, но не нашел ее рядом.

— Дубень, лезь на дерево!

Посмотрел выше — и вижу, как она лезет на дуб, да так, словно на деревьях выросла. Я рванул туда же, остальные — за мной. Первым хватанул Чуденя, велел:

— Наверх, быстро!

Чудень, обнажив когти, на диво легко начал карабкаться к Марфе. Следующий был певун — тяжело дыша, будто пытаясь всосать весь воздух горы, он добрался до меня и повалился на колени. В тот же миг страхолюдина ринулась к нам. Это существо стояло на двух ногах, серая лохматая шерсть окутывала его полностью, маленькими черными глазками оно смотрело на нас, а длинные, словно ножи, когти легко могли растерзать нас в клочья.

— Ты ведь не врал, когда говорил, что всяку тварь погубить успел? — спросила сверху Марфа.

— Всяку, — проронил я. — Но такую вижу впервые. Вверх!!!

Схватил Соловейко и почти забросил на ветку, затем наконец полез сам. Вижу — а тварь-то отвернулась, интерес ко мне потеряла. Куда смотрит-то?

Ох, Маришка…

Застряла уздечка кобылы в ветках немного в стороне. Пыталась рывками освободиться, но не могла. Разгребая с пути когтищами все, что мешалось, тварь направилась к ней. Не спешила, будто понимала: не денется никуда добыча.

— Это ша-а-анс! Сбеж-и-им, пока не смотрит на нас! — крикнул Соловейко.

— Лучше сам погибну, чем отдам Маришку на съедение! — ответил я, спрыгнул и закричал: — Эй, тварюга! Вот она я — пища твоя! Иди сюда!

Поднял булыжник, бросил в нее, попал в сгорбленную, перетекавшую мышцами спину. Такое дело страхолюдине не понравилось. Развернулась ко мне. Присела на задние лапы. Знал я позу такую — всяк дикий зверь перед броском ее принимает. Этот еще и оскалился, а морда будто человеческая, хоть и не видел я там ни мысли разумной. Нет, тварь это, с которой мне нужно сразиться.

Обошел ее кругом, встал перед лошадкой своей, резанул уздечку — и сбежала Маришка выше в гору. Но страхолюдине она уже интересна не была.

— Иди сюда! — закричал я.

Сорвалась с места гадина зубастая и ринулась ко мне с ревом оглушающим. Я же сжал покрепче

оружие. Ух, пытался избежать я пролития крови в походе этом. Видит Создатель, пытался…

Остановилась страхолюдина на полпути. Посмотрела вбок на того, кого опять забыл я. Мурка ковылял в нашу сторону. Споткнулся о ветки, слетела черепушка и под ноги твари покатилась. Подошло к нему тело костлявое, подняло черепушку, посадило на позвоночник и посмотрело на страхолюдину, затылок гладкий почесав. Страхолюдина подняла лапу и вдарила по Мурке. Разлетелся на костяшки, будто и не было его. Опять села тварь на задние лапы, готовясь броситься на меня. Я приготовился еще раз. Остановилась. Подняла передние лапы — повылезали из-под них косточки. Выкатилась из кустов круглая черепушка и давай заново в Мурку собираться. Страхолюдина терпеливо дождалась — и другой лапой в обратную сторону кости отправила.

В третий раз приготовился я к бою. Оскалил зубы, чтоб от твари в злобности не отставать.

— Да чтоб тебя, Мурка! — ругнулся на него, отступая немного.

Тот собрался в третий раз. Прошел меж нами. Поднял с земли шишку, рассмотрел с интересом детским и протянул страхолюдине. Решила та

более не резвиться и схватила Мурку за туловище. Начала трясти, словно псина — игрушку тряпичную, уму животному не поддающуюся. Полетели косточки во все стороны.

— Оставь Мурку! — велел я, стоя уже гораздо выше.

Страхолюдина выбросила то, что осталось от жмура, и шагнула ко мне. Я тут же вдарил в дерево гнилое, что упасть пыталось многие годы, да никак не могло. Зато после топора моего рухнуло: набрал ствол мощи, стукнул страхолюдину и накрыл собой. Зверь заревел! Когтями заскреб по стволу, пытаясь вылезти, но я несколькими ударами еще одно деревце повалил на первое, и еще одно. Два небольших помогли третьему зверюгу удержать. Подскочил я, взобрался с криком на ствол прямо над нею, занес топор… а она вдруг замерла, успокоилась, будто смирилась с участью своей.

— Убе-е-ейте же! Убейте страхолюдину-у-у! — то ли запел, то ли завопил певун с дерева.

Нельзя тварь такую оставлять живой, подумал я и еще раз занес топор. А она смотрит на меня, а затем глаза ее окрас меняют и вовсе закрываются. И через мгновенье уже слышу, как сопит она. Все равно… нельзя такой доверять. Притворяется,

знаю ведь. Как отвернусь, так вскочит.

Рядом Мурка, вновь собранный, встал. С земли ту самую шишку поднял, подошел к твари, постучал по груди, будто будит ее, но ничего не вышло. Пожав плечами, вставил шишку в лапы, на которых когтей больше не было. Как у хищника обычного, вернулись туда, откуда вылезли. Точно спит.

— Ах! — закричал я на зверюгу, всем сердцем убить желая, но дал клятву ведь не лить кровь. А у нее она точно есть.

Спрыгнул с бревна. Услышал за спиной вопль Марфы.

— Бу-у-уря-я-я! Спасайте! — позвал Соловейко. — Ма-а-арфу спасайте!

Подбежал я к нашему дереву — лежит Марфа без сознания, под ней несколько веток сломанных, а на лбу кровь видна. Благо дышит хоть.

— Сказа-а-ала, что попытается помочь вам, вни-и-из полезла, ветка под ней сломалась, и упа-а-ала она с высоты!

— Тоже мне помощница! Марфа, Марфа!

Посмотрел я на тварь — так и лежит, будто убиенная. Закинул непутевую старосту на плечо, и всей компанией побежали мы в гору не оглядываясь. Быть может, со страху, да и из желания

жить не останавливались мы. Перебирали ногами как могли, и вскоре вновь оказались на тропе нашей, а там Маришка травку жует, и на голове ее Клюв сидит.

— Ну и где ты был? — отчитал я совенка. — Коль спросишь меня о том же, знай, мы в лесу умирать собирались.

— У-у!

— Ты должен был лететь впереди да высматривать всякое!

— У-у?

— Потом поговорим! А сейчас деру.

Уложил Марфу на кобылу — и пошли мы по тропинке, оглядываясь назад.

— Ну и зве-е-ерь… — пропел певун. — Хотите иль нет, господин Буря, но обязан я из пережитого сегодня песнь сотворить. Как богатырь зверя лесного одолел. Как сгубил тва-а-арь окаянную.

— Не сгубил я ее. Небось спит еще.

— Всяку песнь не грех приукрасить. Жи-и-ил в Солнцеграде храбре-е-ец удалой. Одна-а-ажды…

— Никаких песенок.

Глава 16. Ромашка

Совсем поздней ночью мы оказались на Ромашке. Наверху нашли алтарь и сестричку-табличку, а на ней текст тот же: про страхолюдину и про подношения.

— Предлага-а-аю, когда будете домой возвращаться, все же что-нибудь оставить тва-а-ари, — пропел Соловейко. — Корзинку грибо-о-ов хотя бы.

Собирался я крепким словом ответить, но замер: почувствовал, как изнутри другое просится. Открыл рот, а оттуда смешинка вывалилась, а за ней — и хохот легкий, который меня самого удивил.

— Пожалуй, дело говоришь, певун. — Я огля-

делся. Вдалеке что-то на деревушку похожее проглядывало, но путь туда занял бы не меньше часа. — Здесь лагерем встанем, а утром пойдем смотреть, что за народ живет на землях ничейных.

— Почему-у-у ничейных? Вы ведь победи-и-или.

— Да. Но больше мы сюда не возвращались.

— Тогда за что-о-о же воевали? За что кровь…

— Хватит разговоров пустых.

Разожгли огонь и спать улеглись. Все, кроме меня. Боль была, словно прижигал раскаленным ногу. Да и не мог я позволить себе уснуть — думал. Чего теперь на горе этой ждать? Какие люди тут живут, какие твари обитают? А оставить сторожем некого. Птица у нас неправильная. Только Мурка не спит, и то потому, что более не надобно ему. И вообще, все это из-за него. Вот сорвать бы черепушку его да пнуть с горы в самый низ, чтоб потерялась навсегда.

Слепая ярость от положения нашего настигла… Поймал ее на подступах и вернул в глубину нутра. Вспомнил, что без мертвяка чудовище лесное растерзало бы и меня, и остальных. Время выиграл он на то, чтобы план в голове моей созрел.

Мурка у дороги сидел да в лужицу глядел. По-

дошел я к нему. Он посмотрел на меня глазами без глаз и продолжил отражением своим любоваться. Потом вдруг оживился и пальцем в лужу указывает.

— Что?

Я смотрю, ничего не вижу. А он опять указывает. И так и сяк головой верчу. Ничего. Сел рядом с ним — и вот тогда понял, что на луну показывает. На отражение ее. Гляжу в небо — да, вылезло из-за туч светило ночное.

— Луна?

Мурка кивнул.

— На голову твою похожа. Круглая и светлая.

Он взялся обеими руками за черепушку, снял с плеч и принялся со всех сторон ее изучать.

— Значится, будет война! — объявил Андрей Землекоп, вдарив кулаком по столу.

— А шо по границам? А коль камовский царевич придет? — возразил Велимир Чернобров. — Кто будет южные границы

защищать?

— А ты и защищай!

— А ты мне не тычь!

И началось.

Знал ведь, знал, что все так и будет. Всякий раз, собирая совет, чтобы решать, в какую сторону вести солнцеградову сталь, я видел одну и ту же картину: князья мерятся нравами да острием меча, никогда ни в чем не могут найти единения. Но всякий раз, когда мне хотелось развалить этот бестолковый совет, я вспоминал отцовские слова о том, что совет есть опора царя. Что там — в спорах — рождается истина. Что я должен просто слушать и отделять зерна от плевел. Иначе ослепну и от прихоти своей буду решения за все царство принимать.

Но как тут что отделишь? Как вообще тут услышишь кого-нибудь? Где зерна-то искать? Два десятка человек клянутся именем царя, что разделают друг друга, как праздничного барашка. И к мечам чуть что тянутся. В отцовские времена за этим столом сидели потомки богатырей, мудрецы, а что сейчас?

Я обернулся и посмотрел на большую картину, откуда глядела в ответ моя родня: два младших брата и родители. Никого не осталось. Я был один на один с супостатом, с советом и со всем миром. Ну, почти один.

— Хватит! — громогласно велел я, а затем соврал: — Я вас всех послушал и приму решение сегодня.

Все знали, что рано или поздно я это произнесу, а потому никто не удивился. Все всегда заканчивалось так.

— Возвращайтесь к своим делам, я дальше буду думу эту думать.

Когда последний член совета покинул зал, остался я с четырьмя дружинниками. Два за моей спиной и два у входа.

— Вы тоже оставьте меня, — приказал я и, когда остался совсем один, признался будто сам себе, но не себе: — Если не тратой времени, то как назвать этот совет? Шутовством?

После щелчка картина, словно дверь, отворилась. За ней в потаенном уголке сидела моя царица.

— Ты зря недооцениваешь их. Совет го-

ряч, ревнив, но верен тебе.

— И польза от них только на поле боя. Не будь меня, они бы разорвали друг друга. А заодно и все наше царство.

— Ты действительно так думаешь? — Она обошла меня и села рядом.

— Я думаю, что в делах государственных я всему голова. Не потому, что умнее каждого, но потому, что вижу всю картину. — Я снял с рукава царскую застежку и пальцем пульнул ее через весь стол, туда, где квадратным полотном лежала карта наших земель. Земель, завоеванных предыдущими царями, моими дедами, но дело их я продолжил. — А эти только о своих владениях думают.

— Это говорит больше о тебе, чем о них.

— О чем ты?

— О том, что окружил себя теми, кто только воевать горазд. Сам виноват. И в совете у тебя те, кто единодушно руку поднимут, если ты завтра новую войну…

— Перестань, — перебил ее я, но только потому, что осознал: каждое слово Лизоньки — правда. Давно ведь собрал

такой совет, который бы меня устроил. А сегодня вдруг перестал устраивать. — Прости. Устал я от всего этого.

— И что же решит наш царь? Как договоришься с красногорцами?

— Воевать буду, — ответил я, разводя руками. — Мой дед говаривал: если сомневаешься, вынь меч, и все станет ясным.

Улыбка с лица Лизоньки на мгновение пропала, а затем будто с усилием вернулась.

— Мой любимый дядюшка торгует с красногорцами.

— Князю Богдану Дальнодуму придется решать, с кем он более дружен. С язычниками иль с нами.

— Само собой, с нами.

— Что-то не видно. А не собирается ль он, часом, свою дочь за ихнего царя выдать?

Она промолчала.

— И как он объяснит это всем нам? За что душу крещеную дочери своей продал этим дикарям?

— Они не дикари.

— Зачем рога тогда носят животных?

Зачем вокруг костров пляшут, кровью скота измазанные? Видел я праздники ихние. Ничего доброго в этом нет. Дикий пляс лишенных любви Создателя.

— Они просто другие. — Она развела руками. — Это те же люди, что и мы. Но праздники у них свои и еда своя. Ты, например, любишь стряпню из грибов, а им она противна. Петуха почитают, а ты из него суп требуешь каждый вечер. Подай ты им его на стол — оскорбишь так, что век не забудут.

Я открыл рот, чтобы ответить, но ничего не нашлось на языке. Лизонька продолжила:

— А пальцев у них столько же, сколько и у тебя, царь Солнцеграда.

Я невольно сосчитал пальцы на руке. Все десять были на месте.

— А чего воюют с народами рядом? То с гор спустятся своих, то, наоборот, выше поднимутся. Там обнажают мечи свои костяные, тут…

— А чем ты занимаешься? — не выдержав, перебила она.

— Ты нас не сравнивай! Они дьяволу ду-

шу продали! С колдовством повязались, а мы, — я указал пальцем на картину, — чисты. Чисты кровью. И чистоту эту на все земли распространяем. Так что мой меч, — я указал на карту, — меч Создателя.

Я встал из-за стола и направился к выходу.

— Не воюй, царь, — произнесла она мне вслед. — Мой дядя всю жизнь с ними бок о бок живет. Обидится.

— А еще он мне предложил тебя, — ответил я. — Тебя и верность свою до скончания времен. Вот и проверим цену слова князя Дальнодума!

— Буря…

Я быстро открыл глаза, огляделся по сторонам. Все спали. Только Мурка стоял у кручи и встречал рассветное солнце, покрывшее все небо оранжевыми лучами.

— Буря… — Марфа слабо приподняла руку, привлекая мое внимание. Я быстро приблизился к

ней. — Что случилось? Мы были в лесу…

— На нас чудовище лесное напало. Ты пыталась мне помочь, но сорвалась с дерева. Я взял его хитростью, изловил и успокоил. Мы с Муркой.

— Лесовик…

— А?

— Чудовище… страхолюдина… это лесовик. Я читала о нем в детстве. Во сне я вернулась в детство, увидела его на картинках, в древности их было много, и нескольких даже получилось изловить и зарисовать… Цари держали их для потехи и иногда бросали к ним в клетки неугодных. Это он. Это точно…

— Может, и он. Ты пока лежи. — Я протянул ей бурдюк с водой, и она отпила. — Еды у нас нет совсем. Она была в обозе. Есть еще часок-другой. Спи.

Не послушалась. Села. Притронулась к шишке на голове и застонала. Протянула руки к костру, затем встала, тяжело вздохнув, и вдруг пошатнулась. Я успел ее поймать. Посмотрели друг другу в глаза. Быстро отпустил и пробормотал, прочистив горло:

— Не хочешь спать, хоть посиди.

Опять не послушалась. Перешагнула через Чуденя, подошла к спавшей Маришке, приложила

руку к голове.

— Ну и кто из вас меня нес? На твоем плече или на ее спине? Вряд ли хромым ты бы справился.

— Она, — соврал я. Сказался на кобыле поход нежданный — устала, так что бо́льшую часть пути пришлось самому.

— Старая она у тебя. Долго не проживет. Хвори копятся.

— Как и во всех нас, — ответил я. — Когда у меня родился первый сын, один из старых воинов, друзей отца, подарил мне жеребенка. Кобылу. Мне показалось, что это какая-то шутка. Не меч, не щит, не скакуна, а Маришку. Сказал, что отец мой покойный так завещал — первую же родившуюся подарить, а так сталось, что она в ту же ночь родилась. Решил я, что неспроста все это. С того времени много пользы от Маришки мне было. Любил я всех скакунов своих, но только она всегда родной была… И все равно не понял я мудрости отцовской. Тайны подарка этого. А может, и не было ни мудрости, ни тайн. Подарок как подарок, да вот родней нее нет у меня никого.

Я пригнулся, поцеловал кобылу в бок, а затем шутливо сказал Марфе:

— И хоть собиралась ты меня зверю оставить на растерзание, заметь же, что мы тебя спасли. И

не использовали для отвлечения его внимания.

— Это для тебя же хорошо, богатырюшка. Вот вернулись бы с Большого военного подхода твоего, название дельное которому ты еще не придумал, — в Хвойной обругали бы вас жители. За то, что богатырь старосту не уберег.

— Конечно. Старосту из чистого злата, — подхватил я.

— А то.

— Не уберег хитрицу, примирительницу… кем еще ты себя назвала?

— Красавицей, — хитро улыбнулась она.

— И это… — кашлянул я. — Тоже. Да.

Сбежал. Ух, хитрая женщина! Опять в игры играет. Смеется надо мной. Ну, я ей еще покажу. Да я…

Замер.

Солнце уже выше поднялось и поле осветило. То самое, где побоище наше состоялось. Где несколько тысяч воинов истоптали ромашку, кровью залили своей да телами покрыли. Все до одной последней ромашки, которую я сорвал, перед тем как покинуть это Создателем забытое место.

— Буря…

Я вздрогнул.

— Чего увидел? — Марфа подошла ко мне и посмотрела на открывшуюся долину, за которой Горная, драконья, страна начиналась.

Там, далеко, вечные снега покрывали еще более высокие горы. Оттуда, по преданиям, драконы когда-то и прилетели да земли наши пламенем отметили. Затем поднялся люд и ответил врагу, да так, что истребили всех до последнего и за гнездами ихними явились в горы эти. Не осталось ни одного гнезда. Всех сгубили.

Люди, которым полюбились горы, тут и остались и через сотни лет другими сделались. Не одичали, не околдованы были, просто стали иным народом, и пришло тогда время решать, кому эта граничная гора достанется. В битве она досталась нам. Жаль только, что не нужна она была никому. Спустились — и больше тут не появлялись. И на вопрос, ради чего бились, ради чего полторы тысячи братьев полегло, никто так и не ответил. И отец мой, главный виновник, тоже. Говорят, осознание это, а не стрела ядовитая, его погубило. Но как от войн он меня ни отговаривал, слова его я не принимал близко к сердцу. Казалось мне, что сломлен он. Ждал я смерти его, на картах военных свои планы высматривая. Любил, не хотел терять, но ждал, пока испустит

дух, чтобы затем добиться того, для чего его духа уже не хватало. И все же на Ромашку я больше не смотрел. Достаточно крови мы тут пролили.

— Деревня? — спросила Марфа.

Но смотрел я не на деревушку, видневшуюся вдалеке, рекой с мостом разделенную. Нет. Смотрел я под ноги и на версту вперед, ведь поле это вновь ромашкой цветущей покрылось. Хотя казалось мне, что на этой земле больше ничего и никогда…

— Ничего, — запоздало ответил я.

— В этом месте вы… — собиралась она задать вопрос, но я перебил ее:

— Да, в этом. Пора идти.

Я подошел ко всем, потушил угли и своих будить начал.

— Надо с дороги уйти. Мы устали и голодны. А некоторые и ранены. — Я посмотрел сурово на Марфу. Спорить не стала. Виновата. — Через поле пойдем к деревне и выясним, какой там люд живет. Если не добрый…

— До-о-обрый, добрый, — пропел Соловейко.

— Откуда знаешь?

— Так я ж отсю-у-удашний, — ответил он, виновато отводя глаза. — Много лет в странствиях бы-ы-ыл заморских, теперче домо-о-ой возвраща-

юсь. Поэтому за разбойниками и у-у-у-увязался. О-о-о-очень спешил в родные места, да так, что чуть подношением страхолюдине не сделался…

— А чего молчал?

— Есть у меня стыдная исто-и-ирия… — Он взял гусли и с тихим грустным перебором по струнам начал сказ о судьбе своей нелегкой. — Давны-ы-ым давно…

— Вот и покажешь нам родные места, — перебил я. — Желательно молча.

Пошли ровно по полю. Шагали все вместе, но вскоре начал я отставать. Вначале подумал опять про годы свои, потом решил, что не в усталости дело, а в ноге, но наконец осознал. Просто в ромашку я ступать не хочу, ни один цветок топтать. Так красиво все вокруг…

Смотрел я на уходящих вперед и злился на себя, а потом и застрял вовсе. Куда ни ступишь — всюду желтые солнышки, белые лепесточки. Окружили. Огляделся: куда ж наступить, чтоб не испортить ничего? Как обойти? Да никак. Поднял ногу свою исполинскую, хотел со злостью опустить на цветы — повисла в воздухе. Не смог. Затряслись колени, перехватило дыхание.

«Что ж такое-то. Соберись, Владислав Непобедимый».

— Бу-у-у-ря-я-я-я! — закричала издалека Марфа.

А я вспомнил вдруг, как прощался каждый раз с Лизонькой. Как провожала поначалу в слезах, как просила меч Солнцеграда не обнажать. А потом изменилась любимая. Другой стала. Молча провожала. Однажды я ей напомнил, что раньше она всегда просила меня остаться. Не уходить в очередной поход. А она ответила, что смирилась: быть ей всегда второй.

Ведь первая моя любовь — навеки война.

— Бу-у-у-ря-я-я-я! — позвали меня снова. — Буря! Что с тобой?

— Война, — сказал я, сжимая обеими руками грудь. — Моя первая любовь… война. Прости, Лизонька. За дядю своего. Прости, — сказал я, глядя в глаза любимой, а когда уже прояснилось, увидел перед собой Марфу.

Больше ничего не сказал. Всеми силами сдержал слезы, запрятал глубже.

Дошли мы до деревеньки не спеша. На входе остановились, увидев валун с меня ростом, а на нем слова на родном языке.

— Этого не помню, — сказал я, всматриваясь в буквы. Приложил руку. — Новое что-то.

— А это ж плита-а памятная об участниках и би-итве давней, — пропел Соловейко. — Прост-

и-и, что подслушал, но ведь и ты проливал здесь кро-овь в тот ужасный день?

— Проливал, — ответил я, читая имя своего отца, его воевод, дядей своих, свое и братьев младших.

— И с царем знаком был? — не унимался певун. — Милорадом Заступником?

— Был.

— А сына его почившего, Владисла-а-ава Кровавого, знавал?

— Не был он кровавым, — возмутился я чрезмерно и, чтобы отвести подозрения, продолжил врать: — бок о бок юнцами воевали мы.

— Но разве не был непобеди-и-имым?

— Был.

— И воином, и стратегом был непревзойде-е-енным?

— В тот день еще не был, после — стал.

— Тогда… — Соловейко задумчиво замолчал, — Не предполагает ли одно-о-о другое? То, что он был непобедимым воином и стратегом, и то, что во-о-ойны многие затевал? А раз непобедимым, значит, лилась не его кро-о-овь, а чужая?

— А что, теперь всякий, кто меч в дело пустил, кровавым становится? — не выдержал я.

— Тот, кто войны начинает, тот и кровавый, —

отозвалась с обидой Марфа.

Собирался ей ответить, но не нашлось правильного словца. Да и чего отрицать. Конечно, был я Кровавым, но и Непобедимым меня звали, и Храбрейшим тоже. Все прозвания эти мне подходили. Да и вообще, чего это она на меня нападает — она староста в деревне, которую я утвердил на том месте. Это я расширением границ занимался и деревушки рассаживал, как капусту.

— Не серчай, Буря-а-а, — пропел Соловейко. — Вот умер он, и я о нем песнь задумал. До-о-о-обрым ли, злым, все же был великим человеком. Мно-о-о-ого разного сделал и в скрижалях летописных останется навсегда-а-а-а легендою. Вот и хочу понять, каким человеком был на самом деле. Разное ведь рассказывают. А встретить того-о-о-о, кто с ним плечом к плечу стоя-а-а-ал, — это большая удача что для летописца, что для песенных дел мастера-а-а-а-а.

— Коль хочешь знать, каким был наш великий царь, иди в Солнцеград. Послушай истории о нем от тех, кто с ним разное видел, а не только войну.

— Но то после-е-е-едние времена, а я вот склонен счита-а-а-ать, что человек получается таким,

каки-и-и-им получается, из-за событий, в юношестве прожитых. А ты, получается, зна-а-а-л его совсем юным, коль не вре-о-о-ошь, — произнес певун с прищуром.

— Не веришь мне? Знал его я. Непобежденный воин? Да, таким и был. Двенадцать войн затеял — в каждой победил. Землю от тысячелетнего колдовского ига избавил, найдя каждую из девяти ведьм. Кем еще он был? Мудрым правителем! — Тут вспомнил я, сколько решений принял, отмеренных совестью рода своего святого. Как даровал и простолюду, и знати все, чего хотят, и в меру. Как иногда мечу кошель предпочитал в переговорах с граничащими царствами. А кто еще я? — И отец он был хороший! — Вспомнил своих трех сыновей, вспомнил, что каждый первый красавец да воин, умен да ловок. И каждый — самый желанный жених. — И муж…

Нет, сил не хватило сказать, каким мужем я был. Верным был. Любящим был. А еще глупым и невнимательным. Вроде не слепец, да не видел того, что только после смерти Лизоньки очевидным стало. Вроде мягким был к ней, да настолько ли, чтобы сегодня считать себя мужем правильным? Чтобы примеру отца соответствовать?

— Буря? А чего это ты слезу проронил?

— Ничего, — отрезал я, отвернувшись, и вытер предательницу, а потом соврал еще раз: — Друзьями мы были. Хорошо друг друга знавали. И человек он был что надо. И свечение вокруг него сияло с детства до смерти, будто он был солнцем народа своего. Пусть таким и запомнят, а не… — указал я на камень памятный, где не было имени моего настоящего, но было ставшее здесь легендою прозвище Буря. — Не…

И ушел вперед.

Глава 17. Зеркальное

Так и направился к деревушке, носившей, судя по табличке, название «Зеркальное». Зеркальной она и оказалась, делимая рекой да мостом каменным ровно посередине. С обеих сторон по три десятка хижин взбирались на одинаковые холмы, где на верхушках восседали два самых богатых и самых похожих друг на друга дома.

— О, дела, — почесал я затылок. — Не было ничего, а теперь есть. Только мост этот древний и помню. Сражались мы на нем с супостатом, вновь и вновь волнами из мечей сталкиваясь, пока не захватили его. И кровушки столько здесь пролили, что реку эту Кровавою назвали.

Закончил я мрачный рассказ, который слушал

весь мой отряд. Челюсть Мурки отвалилась — может, от самой истории, а может, потому, что ни на чем не держалась.

— Что-то как-то скучно у вас с этим, — скривилась Марфа.

— Как это скучно? Да тут такая битва была! Столько великих воинов сделалось в тот день! И столько же пало…

— Да я не о битве, а о названиях. Кровавый царь, мост Кровавый, и река, дайте-ка подумать, тоже Кровавая. Совсем без воображения. Вот как смотрю, так и называю. — Она оглядела половинки деревни. — Конечно, и место это Зеркальным назвали, потому что похожи обе стороны друг на друга.

— А как твоя-а-а-а деревушка называется? — спросил Соловейко.

— Хвойное.

— Поэтично, — кивнул он со знанием дела.

— А знаешь почему? Потому что я ее переименовала. Раньше называлась Лесное. — Она скорчила рожу и голосом стариковским произнесла: — Ох, как же нам деревню назвать, которая в лесу находится? Лесное! Прекрасно… Глупый люд.

Марфа обошла всех нас и, гулко топая, зашагала навстречу местным жителям, повылезавшим на

шум. Я собирался за ней, но остановился, оглядел наш чудной отряд.

— Таким составом нам к люду нельзя…

— Каки-и-и-им? — спросил Соловейка.

— С певуном.

— Да как так… как… да я ж… отсюдашний… как… А что мне де-е-е-елать? Как мне бы-ы-ыть?

— Да шучу я. С Чуденем нельзя и с Муркой.

Мурка снял черепушку, почистил и надел обратно на плечи, а зверь как раз зарыл свои дела в землю. Понюхал, кивнул проделанной работе и вернулся к нам. Марфа тем временем уже входила в какую-то избу.

— Самое время выпить. И выспаться. Вы-ы-ыспаться и вы-ы-ыпить! — запел радостно Соловейко и побрел за ней.

Зайдя глубже в лес, я выбрал дерево побольше. Протянул вокруг него веревку, приставил к стволу Мурку и принялся завязывать. Смотрю в его пустые глазницы, а он на меня. Или сквозь меня.

— Не смотри на меня так. Мы весь этот путь из-за тебя затеяли. Нет к тебе доверия. Ты людям зла хочешь. Так ведь?

Мурка подумал и кивнул.

— Вот. Погубить крестьян задумал. Так?

Мурка без думания кивнул сразу.

— Точно?

Мурка кивнул основательно.

— Вот поэтому и придется тебя связать. Так что ты не обижайся. Хотя чему там обижаться… — Я пригляделся. Вроде было в его голове совсем пусто. А коль пусто, то и нет там никаких мыслей. Да и сердца нет за ребрами. Так что и чувств, получается, нет никаких. Просто кости, связанные колдовством.

— Все! — произнес я, затянув узел. — Крепко?

Мурка кивнул.

— Эт хорошо.

Я отвлекся: услышал где-то с холма болтовню людскую. Ползком, без шуму вылез из кустов, и Клюв, делам хитрым обученный, сел на плечо. Увидели мы крестьян — те забрасывали ведра в колодец. Вытащили, посмеялись чему-то своему и ушли.

— Вроде люд нормальный… Обычный, — прошептал я. — Что думаешь, Клюв?

— У-у, — ответил тот.

— Если злыдни какие, то нет уже Марфы на земле. Ну ладно, теперь найдем ее… Да чтоб тебя!

Смотрю на Клюва, а тот уже уселся на черепушке Мурки. Сам Мурка сидит на травушке и с божьей коровкой играет как ни в чем не бывало.

Подхожу к дереву — а веревка с самыми хитрыми военными узлами на месте висит, шесть раз вокруг ствола обмотанная.

— Эй, Мурка! Поди-ка сюда.

Мурка спустился с холма. Упал, развалился на костяшки, а я терпеливо дождался, пока обратно соберется.

— Я тебя привязывал?

Он кивнул.

— А зачем тогда развязался?

Он пожал плечами.

— Совсем труд людской не уважаешь! Как ты вообще… Так. Мурка. Ты помнишь, что ты часть моего отряда?

Он кивнул.

— И мы вышли в Большой военный поход.

Он покачал головой.

— Да это временное название!

Кивнул.

— В общем, ты должен быть мне верным. Ты дал клятву.

Он склонил голову.

— Не-а. Было. Клюв, подтверди.

— У-у?

— Да чтоб вас. А ну, Мурка, дай клятву верности! — приказал я. Он кивнул. — Вот! Теперь ты

должен беспрекословно выполнять мои команды. Ты останешься у дерева. Понял? Вот тут. — Я указал на дерево. — Чудень, будешь его охранять.

Зверь заскулил.

— Надо. Если Мурка потеряется, то все было зря. Значит, не найдем мы мертвячье логово. А мы же хотим его найти и уничтожить?

Чудень закивал и запрыгал кругами. Я подумал, что он сам выглядит как псина из преисподней, особенно если чихнет. Да, этих двоих лучше никому не показывать.

— Вот и все. Клюв, если будет чего неладно, летишь сразу… — Я посмотрел в его стеклянные разноцветные глаза и махнул рукой. — Ну тебя. С ветки не падаешь — уже хорошо. Маришка, только на тебя надежда. Вверяю тебе наш отряд. Если чего — скачи ко мне. Договорились?

Маришка кивнула. Я посмотрел на солнце, лениво поднимавшееся над горой.

— Вам — зверям и адовым отродьям — отдыха не надо, а если надо, то поле, кусты да деревья есть. А нам, людям… — Я подумал о царском ложе. Каким же болваном надо быть, чтобы к шестому десятку от такого матраса отказаться. Иноземный. Османскай! Эх… — Думается, сегодняшний день проведем тут, в Зеркальном. Почивать бу-

дем да раны залечивать. А завтра с утреца в путь пустимся. Жрать чего сами добудете?

Чудень поднял заднюю лапу и справил нужду малую на ногу Мурки. Тот на это с интересом посмотрел.

— Чудень, не грызи Муркины кости просто так. Коль убежит, заберешь черепушку и к дереву обратно приманишь.

Все с планом моим согласились, и вскоре вошел я в деревушку — на левой стороне, там же, где и Марфа. В конце концов, мы воевали с этого берега, а те — с другого.

Местный простолюд проводил меня взглядами. Ничего странного я в них не увидел.

— «Ты-ра-к-тир Пы-ы-ы-чел-ка» — прочитал я вывеску.

Нормальные люди харчевнями именуют такие места. Или корчмами.

Я вошел, а там, конечно, поутру никого толком не было, лишь несколько мужиков оценили мой вид и вернулись к болтовне. Я стал оглядываться. Изнутри помещение оказалось довольно просторным, по лестнице можно было подняться на второй этаж к трем одинаковым дверям. Вот там-то я и переночую.

Подошел к стойке, а там рожа знакомая — му-

жичок с усами, лихо закрученными, и ростом мне по пояс.

— Ты?! — раззявил я рот.

— Я?! — опешил он.

— Ты! — утвердился я во мнении.

Голос тот же. Прищур хитрецкий тоже.

— Я! — согласился он. — А что я?

— Ты что тут делаешь?! Ты ж медовщик из Хвойного! Как тебя? Петя… у-у-усатый!

— Я? Не-а. Нетушки. Я никакой не медовщик. Я постояльщик.

— А это кто?

— Тот, кто двором постоялым заведует. Комнаты сдаю. — Он указал на второй этаж.

— А там написано «трактир». Тогда ты трактирщик.

— А я и то и се, — ответил он.

— А звать тя как? — не поверил я хитрецу.

— Петей, — пожал он плечами.

— Чего-чего?! Того, из Хвойного, тоже Петей звали! Шутки шутишь! Ты как раньше нас сюда подоспел? — схватил я за шиворот вруна и к себе потянул, а он как завопит:

— Спасайте, братцы! Побивают почем зря!

Встали мужики из-за стола и к нам направились.

— Бу-у-уря? — В трактир вначале вошел музыкальный инструмент, а затем и Соловейка.

— Буря! — рявкнула Марфа, высунув голову со второго этажа.

— Посмотри на него! Ваш медовщик! Петя! — Я снова потянул его через стойку и показал ей.

— Я не виноват, что отец одно имя всем нам дал! — возмутился Петя.

— Братья?

— Братья.

Отпустил я его. Народ успокоился и вернулся за стол. Марфа, пригрозив мне пальцем, громко хлопнула одной из дверей, а певун сел рядом. Я спросил:

— Почему каждого — Петей?

— Отец поклялся, коль сын родится, Петей назвать в честь первого старосты нашей деревни, а родилась тройня. Почесал репу и решил, раз слово дал, то держать надо. Вот и появились на свет божий Петя первый, Петя второй и третий, тоже Петя.

— Три Пети? А ты какой из них? — спросил я.

— Я второй! — удивился он. — Слепой, что ли, богатырь? — махнул на меня рукой. — Ну ладно, вижу, ты уже дед. — Он показал на своем лице воображаемую бороду. Я потрогал свою — белую,

густую. На месте. Ух, отрезал бы голову наглецу.

— Меня Бурей звать.

— Имя под стать грозному виду.

— И де-е-ел он натворил столько же-е-е, — пропел Соловейко, привлекая внимание утренних посетителей трактира. — Да бу-у-удет вам известно, что пред вами стоит воин, горе-е-е этой давший назв…

— Замолчи, — отрезал я. — Был воином при царе Владиславе… — посмотрел на мужиков, оценил хмурый вид и решил, что не нравится им царь, да и припугнуть будет хорошо, — Кровавом. Свое отвоевал и теперь жизнь мирную веду. Я ныне никто. Лучше приветствуйте своего. — Я кивнул на певуна, а тот, вместо того чтобы возгордиться, вдруг скорчил испуганную гримасу.

— Замолчи-и-и, — теперь отрезал он, растянув наглый приказ в тонком девичьем припеве. — Ой, прости, Буря. Я путешественни-и-и-ик. Просто путешественни-и-и-ик. Наслышан о Зеркальном. Об истории вашей. Пришел посмотреть, не врут ли лю-у-уди.

— О какой это истории? — усмехнулся Петя.

— Вашей. И о лю-у-у-удях добрых!

— Добрых? — переспросил он, подавшись вперед.

Все пять посетителей «Пчелки» нервно зашептались.

— И о богатырях в-а-а-аших, наконец!

— Богатырях?! — спросили все.

— А нет у вас таких? — Он посмотрел на каждого, и все они опять запереглядывались. — Совсе-е-е-ем, что ли?

— Не-а. У нас отродясь их не было, — отрезал Петя. — Ни-ка-ких. Да и лет Зеркальному немного. Лет сорок. Быть может, не знаете, гости добрые, что первым появилось тут и из чего, так сказать, деревушка наша выросла.

Я знал, да и Соловейко знал. По взгляду я понял. Но оба мы промолчали.

— От кладбища. Ты, Буря, наверное, слыхал о битве на Ромашке. Многих воинов тогда потеряли. И наша, и ихняя сторона. Кто мог, тот тело покойника в родные места увез, а кто нет — тут схоронил. Огляделись мы все и решили, что хоть земля кровью и окроплена, но все равно земля. Ровная, плодородная, речка вон течет… Решили тутова жить. На одной стороне мы — солнцеградцы бывшие, а на другой — они, если так можно выразиться, горноградцы бывшие. И жили мы в добром здравии, пока…

— Мне б комнатушку, — прервал я его сказ. Ух,

в скольких местах был, везде находится бездельник, ищущий уши приезжие, чтобы историю места своего рассказать. Еще и дольет в котел глупостей всяких сказочных для пущего вида. Нет уж. Хватит с меня. Я указал наверх. — Есть свободная?

— Есть, — ответил он, нахмурившись. — Три бронзовика за ночь.

Сунул я руку в кошель, достал предпоследнюю серебряную монетку.

— Женщина заплатила?

— Не-а. Сказала, богатырь заплатит.

Я посмотрел на себя и на Соловейко. Решил, что он на богатыря не очень похож.

— И за меня-а-а, пожалуйста, — робко пропел член моего отряда. Бывший. Просто он об этом еще не знал. — Прости, Буря, меня ж ограбили разбойники. Ничего-о-о не оставили.

— Ладно. И за него бери. Три комнаты, три гостя.

Два ключа оказались на столе.

— Простите, очень в отхожее место хочется. — Соловейко схватил свой ключик и побежал наверх.

Я тоже собрался было, но услышал из-за спины голос Пети:

— Слушай. Не знаю, богатырь ты или нет, и меча у тебя не вижу совсем, но, как я понял, воин ты способный. Есть у нас одно…

— Нет, — отрезал я. — Не-а. Даже если у вас тут нави обитают. Дураков нет. Ищи другого храбреца.

Как я и говорил, в любой деревне со мной происходило одно и то же. Послушаешь местные сказки, а потом начинается: «Помогите, спасите!» Нет уж. Напомогался. Больше Судьбушка коварная меня не заставит в эти игры играть. Вот, взял одно заданьице, последнее, и все. Вернусь на болото, дострою дом и буду тихо жить, а каждый, кто с просьбой придет, лепешкой навоза на лице отделается.

Заскрипели под ногами моими грозными ступеньки. Поднялся я на второй этаж. Первую комнатку взял Соловейко — теперь уже подозрительный певун, раз умолчал, что отсюдашний он. Да и никто не узнал его… Вторая комната досталась Марфе. Не удержался, прильнул ухом к двери. Не для постыдных дел, конечно! Просто кто знает, что за люд живет тут? Ничего не услышал. Думал постучать. На всякий случай. Ых… Оставил. Дорога была тяжелой, опасной. Надо выспаться по-человечески.

Зашел в третью комнатушку, ничего собой не представляющую. Кровать, сундук, стол да стул. Окошко на всю деревушку. Тьфу. И вправду зеркальная оказалась, теперь-то видно стало: на той стороне, за речкой, вижу такой же трактир, и заселился туда небось такой же бывший царь чего-нибудь, и смотрит на меня с ухмылкою. Ведь зеркальный мир — он такой. На одной стороне добро, а на другой, стало быть, зло. Я-то точно добро, а там если и обитает какой-нибудь Буря, то злым будет.

Ну, не беда. С царями у меня разговор короткий. Многих бывшими сделал.

Лег на кровать, еле выдержавшую вес мой, и уснул.

Не мог я знать в тот момент, что дух неупокоенный действительно житья простолюду зеркальному не давал. В Солнцеграде духов этих называли навями, а эти непонятные, пограничные дали свое название — призрак.

Глава 18. В каждом деле должен быть специалист — не моя это история

— Хорошо горит! — обрадовался Никита Кумеков, один из прославленных полководцев моих.

— Да, — согласился я.

От вражеской столицы мы ушли уже далеко и все равно видели, как тянется к небу дым.

— Улетают души супостатов на божий суд.

Я подумал, как достанется им там, наверху, еще раз за то, что меч на нас подняли. За то, что не признали царствие

мое над собой. Хотя знали ведь, что приду рано или поздно по их головы. Знали, что не устоять против войска моего. От своих божков не отказались и нашу правду не приняли.

— Высылай гонцов ко всем. Пусть несут весть, что более не существует сего государства. И домой вышли, скажи, чтоб в честь победы нашей турнир подготовили. Пусть приглашают со всей округи лучших воинов. Народ мой заслужил зрелища.

— Сделаем, царь!

Он ускакал. А я преломил хлеб, надкусил и подумал, что действительно хорошо горит.

Проснулся к вечеру. Красное солнце последними лучами прощалось с моей комнатушкой и опускалось с Ромашки к Солнцеграду. Воистину велика столица наша, никогда на памяти моей не было над ней туч. Только солнце и небо синее, а ночью — звезды да темнота бесконечная.

А теперь сидел я на кровати с раскалываю-

щейся головой. Да где? У черта на куличках. В деревушке младше рубахи моей. Да и зачем я тут? Чтоб зло найти какое-то и пришибить его как-то. В этом-то ничего нового, но все равно досада пробрала, что повелся на игры матушки-Судьбы.

Прихватил топор — единственную вещь, что добралась вместе со мной с болот, — и спустился в залу. Там Соловейко песни горланил, приятная музычка из инструмента его неслась, да народ плясал. Но чуял я: что-то не так, по душе что-то скребет. Прислушался, а из уст певуна льется история об отряде, что бросился в путешествие навстречу злу. И разбойников победили, и беса лесного, и еще чего-то… И бог с ним, что о нас поет сказки свои, но почему же рифмы нет совсем?! А народ-то, народ эти огрехи прощает! Танцует, ноги дерево задорно топчут, а хохот знакомый всем действом правит — хохот Марфы. Отплясав с одним хлопцем, она, подхваченная следующим, продолжила кружиться.

— Ох, занес же он топор! Наш богатырюшка!

Ох, бегите, черти-бесы, убегайте поскорей,

Потому что нет в нем ни капли по-

щады
К губящим души всяким тварям!
Ах, буря-буря-буря, меня возьми
Да унеси в други места, где перестану я
Лить кровь врагов и заживу спокойной жизнью!

Грохнулся я на стульчик. Тот заскрипел, запел грустную песнь о тяжелой судьбе своей, и песнь эта была не хуже Соловейкиной. Будь он проклят, мою историю себе забирать. А если решит заработать монету звонкую на ней, пусть в долю берет! Теперче я крестьянин, и каждая монета у меня на счету. Насколько я помню, Марфа за победу над злом платить мне ничем не собиралась.

— Думается, можно было бы лучше слова подбирать, — заметил я. — В рифму.

— Да и так вроде годно получается, — ответил Петя, кивая в такт. — Понимаешь, Буря, в каждом деле должен быть специалист. Вот певун твой, в наших местах бардом называемый, специалист. Шо ни делай с музыкой, то хорошо получается. Пусть даже стих его хромает малость. — Он поставил передо мной кружку пива и кивнул на певуна. — За счет заведения. За настроение, которого, видит Создатель, не хватает нам в по-

следние деньки.

Я кивнул, попробовал. Дурное пиво. Но, видимо, в разных местах не только словечки разные, но и вкусы тоже.

— А ты в чем специалист? — продолжил он, перекрикивая песнь.

— Я? — Я огляделся. Показал топор. — Ну… деревья хорошо рублю. Вот же поет «мой певун» обо мне.

— Ага… — кивнул Петя с хитрым прищуром, а потом подался вперед и еще хитрее продолжил: — Слушай, а девушка с тобой. Эт тебе кто? Нанимательница твоя? Иль женушка?

— А к чему спрашиваешь?

— К тому, что про раскрасавицу эту уже три мужика у меня спросили. Ох, запала же она в душу каждому тут.

Сдвинул я брови, окинул Марфу новым взглядом. Танцы танцует, песни поет, а мужики-то, мужики из-за каждого стола на нее смотрят да диву даются: откуда баба такая взялась развеселая.

— Так кто она тебе?

— Ну… — скривился я. — Она…

— Папонька, а вы тряхнуть стариною не хотите? — вдруг через всю залу спросила она меня.

— Папонька? — я огляделся. — Папонька?! Не-

а, — отмахнулся я.

— Ох, папонька, уведут дочку, — усмехнулся Петя.

Я поставил топор на стойку, а он с пониманием кивнул. Понял, надеюсь, что доченьку мою новоявленную самому черту не отдам. Хотя бывает иногда желание такое — избавиться от бестии. Но раз взял женщину в дорогу, то надо бы и вернуть в целости и сохранности. Царь я или кто?

— Царь я или кто… — вздохнул я. — Эй, Петя!

Тот возвращался с пустым подносом.

— А?

— А третий где?

— Какой третий?

— Брат третий. Петя из Хвойного, Петя из Зеркального… а третий?

— А тот на той стороне. «Майским жуком» заведует.

— Да уж. Странное у вас местечко.

— Ты не представляешь насколь…

Не успел он договорить, как истошный крик накрыл всю деревню. Соловейко и язык его нерифмоплетный замерли. Женщина на улице продолжила вопить.

Двери в «Пчелку» распахнулись будто сами собой, а на пороге мужик стоит.

— Братцы, очередной дурак в воду бросился! Нашли внизу реки…

Повалил народ на улицу, но я — ни с места.

— Вот такие у нас дела, Буря, — кивнул Петя. — И все из-за красавицы одной призрачной. Пойдем смотреть, чего случилось. А потом решать будем.

— Не-а. Не хочу.

— Можно подумать, тебе каждый день такое встречается!

— А может, и встречается, но в играх этих я не участвую.

— Каких еще играх? У нас мужик помер.

Петя покачал головой, вышел за остальными, и остался только я, знавший, что все это значит. Нет, Судьба. Я на это не поведусь. За версту чувствую подвох.

— Буря, идешь? — услышал я голос Марфы с улицы. — Буря!

— Не-а! — ответил я.

Марфа встала в проходе, уперев руки в бока.

— Ты чего?

— Да ничего. Мне и тут хорошо, — пожал я плечами и осушил кружку.

— В каком смысле? — удивилась она. — Ты один на десять верст богатырь, а там человек утопился и жуть колдовская происходит.

— Во-первых, никакой я не богатырь! — ударил я кулачищем по стойке, да так, что вся посуда подпрыгнула. — Во-вторых, не моя это история!

— Что за глупости? Как это не твоя? Не бывает для таких, как ты, «моя — не моя»!

— Каких это «как я»?!

— Храбрецов народных! Ты обязан помогать каждому, кто нуждается в этом! Ты не можешь просто отсиживаться в… — она отошла к выходу, прочитала табличку: — Господи, что за убогое название. Ты не можешь отсиживаться в трактире! Давай, богатырь, на выход. По твоим словам, ты всю жизнь делал дела отважные, люду всякому помогал, вот и сейчас помоги!

Я слушал ее, но видел дым за сотню верст, и дым тот уносил погубленные мной души из столицы царства, давно забытого всеми.

— Не буду! Не буду! Да как ты не понимаешь, женщина, что все это… — я замахнулся еще раз кулаком, но замер, выдохнул безвольно, — как ты не понимаешь, что это проклятие мое от матушки-Судьбы.

— Какое еще проклятие?

— Да говорил я! Вокруг меня она козни плетет. Где бы ни появился, в приключения зазывает и смеется надо мной.

— Ты хочешь сказать, что все это из-за тебя?

— Что?

— Да все. Все, через что мы проходим. Мертвяки эти, на Хвойное наступающие, разбойники, лесовик, этот утопленник, это все из-за тебя?

— Думаю, что так, — ответил я честно.

— Ты самовлюбленный старый дурак, если решил, что весь мир вокруг тебя пляшет.

Ушла. Вернулась.

— Он и без тебя весь с ума сошедший.

Ушла окончательно. А я так и смотрел на дверной проем.

— Тьфу на вас.

Встал и вышел за ней в ночь.

Глава 19. Девчатам — девчачье, а мужикам — наше

Утопленник и вправду нашелся. Выловили ниже по течению, а утопился он, спрыгнув с моста, — по словам зевак.

Собравшаяся с обеих сторон деревни толпа смотрела на тело. Жители правой стороны через мост не переходили, что показалось мне необычным; удивляло и то, что человек этот как-то умудрился утопиться, хотя мост не был таким уж высоким. Если приглядеться, то и дно реки увидеть можно было. Тут каждый должен плавать уметь.

— Странно… — пробормотал я.

Обойдя толпу, вступил я на мост и добрался

до середины. Перегнулся через парапет — ну, аршинов пять до воды. Не то чтобы хороший способ утопиться. Всякое было в жизни, и падал я с высот разных. Да и течение не самое сильное.

— Ну чего? — спросила Марфа.

— Что-то… как-то… — закряхтел я, почесывая бороду. — Трудно.

— Чего трудно?

— Богу душу отдать отсюдова трудно. Разве что с камнем на шее если сигануть.

— Вы куда полезли, глупцы?! — раздалось с нашей — левой стороны.

— Сгинете! Утащит под воду! — добавили с другой — правой.

— Кто утащит? — спросили мы оба.

— Вертайтесь обратно! — круглый седой мужичок, подле которого стояло несколько воинов, подозвал нас к себе с левой стороны.

— Или сюда! — добавил точно такой же, но уже справа.

— И вправду Зеркальное, — проронила Марфа.

— Так чего происходит-то? — Я спустился к нашему мужичку, но не потому, что он был «наш», а потому, что утопленник был ихний.

— Они новенькие тут, — подсказал Петя. — А это Пивола, староста наш, и охрана его отваж-

ная.

— А тот кто? — Марфа указала на другую сторону.

— Эт мой брат, Никола.

— Староста той стороны? — догадалась она.

— А пусть он так думает. На деле же я решаю дела всякие важные тут. От него толку никакого! Так что говорить будете со мной о делах моей деревни! А вы чьих будете?

— Себя самих, — буркнул я.

— Я Марфа, староста Хвойного. Это деревушка внизу под горою.

— Это чего ж не удумают солнцеградцы, — усмехнулся староста левой части Зеркального и продолжил шуткой: — Женщину-то. Старостка получается? Слышал, на низких землях и разума меньше надобно. Дурости делають всякаи.

— Это Буря, отец мой. Богатырь, как видишь. — Она обвела всю могучесть мою рукой сверху донизу.

— Я не… я… — возразил было я, но она перебила:

— И у вас, как я погляжу, события скверные происходят. Под стать богатырю.

— Может быть… — Он почесал усы. Смерил меня взглядом: — Староват, кажись, отец твой

для дел удалых.

— Это я-то староват? — сделал я шаг к нему.

Один из воинов полез за оружием, но я успел сорвать с него пояс, так что меч оказался у меня, а воин лишился еще и штанов. Согнул я меч в кольцо и надел на шею непутевому защитнику.

— Беру слова обратно! — Староста поднял руки, широко улыбнулся и добавил: — Как рады мы, что ты проездом оказался в наших местах… Боря?

— Буря.

— Буря! Буренька! Бурешенька! И надеемся на помощь твою в делах наших поистине ужасающих. Ну, что скажешь? Поможешь простому люду?

Все полсотни человек с левой стороны и столько же с правой стороны Зеркального посмотрели на меня.

— А чего делать, — пожал я плечами. — Девчатам — девчачье, а мужикам — наше. Помогу.

Народ заликовал, принялся обниматься. Я кое-как отбился от бабы пышногрудой, обещавшей мне пятерню разом нарожать в благодарность за богатырство мое.

— Лучше уж за скромную плату в десять серебряных, — добавила аккуратно Марфа и потерла мое пузо. — Богатыря такого содержать надо.

— Хм… — Староста ухватился за ус и прикусил его, о чем-то думая.

Петя нашептал ему чего-то на ухо. Я разобрал только слова «ущерб», «молва» и «дева». На «деве» и староста, и Петя сплюнули вправо и влево, покрутились вокруг себя. Выглядело чудно, но чудного в последние дни видел я уже много.

— Зеркальное — общая деревня. Пять серебряных с меня. Пять с него, — староста указал на правую сторону.

— А я думала, дела вашей деревни решаете вы, — кольнула Марфа острым языком своим.

— Кошель у нас, к сожалению, общий. Коль беретесь за дело, Петя вам все объяснит.

— Беремся, — ответила за всех Марфа.

И мы пошли обратно в «Пчелку».

— Говоришь, богатырь должен простому люду помогать, а сама плату с бедолаг требуешь, — шепнул я.

— Нам жить на что-то надо, — прошипела она в ответ. — Мои монеты с повозкой пропали. Так что либо ты берешься за меч, либо наш певун по три концерта на дню устраивать должен. — Она ускорила шаг.

— А ты чего делать будешь? — спросил я вслед.

Она остановилась и развернулась ко мне.

— А чего даме делать предлагаешь?

— Я… ну, кхм, я просто спросил.

— Делай свои богатырские дела, Буря, — ткнула она пальцем в мою грудь, глянула сердито и добавила: — А я найду себе… «девчачьи» дела.

Мы вошли в трактир.

— А где Соловейко?

— Как про нее услышал, убежал к себе, — ответил Петя, указывая на второй этаж.

Марфа пошла по ступенькам, а я сел за стойку. Мой стакан вновь наполнился хмельным.

— Давай теперь рассказывай, чего это две половины Зеркального друг друга невзлюбили? — спросил я.

— А мы обиделись друг на друга, — ответил Петя.

— Это как?

— Вот эту-то историю, богатырь, я и собирался тебе рассказать. Жили-были…

— Война, кладбище, солнцеградцы тут, горские там, — выпалил я. — И чего потом?

Петя молча смотрел на меня какое-то время, затем покачал головой.

— Тьфу. Уверен, прогнала тебя женушка из дома.

— Почему так решил?

— Да какая баба мужика с таким вредным нравом терпеть станет?

— Мертва моя женушка. Убили ее. А теперь давай к делу.

Петя сглотнул и продолжил:

— Чтобы народ сдружить, сыграли стороны свадьбу, и уродились от этого брака два брата одинаковых.

— Эти Пивола и Никола?

— Ага. Началось это дело, когда им по пятнадцать было. Живем мы как обычно, и девица среди нас живет. Всем помогает, со всеми здоровается, песни поет да пляски пляшет, но вот только однажды задались вопросом мы, а кто она, откуда? Имени-то никто не знает! С одной стороны, такое чувство, что всю жизнь ее знаешь, а с другой — пытаешься вспомнить — и ничего. И все Зеркальное так. Усадили перед собой девицу. Сказали все как есть, и созналась она, что околдовала всех, чтобы мы все ее лик узнавали, будто всю жизнь с нами бок о бок живет, но поклялась, что любим мы ее по-настоящему, за то, какой и была всегда. А она и вправду хорошей была. Но имени назвать не может. Только суженому. Эх, да что ты сделаешь с девицей! Может, и надо было изгнать, но оставить решили. И вот на одном

из праздников заявляет то ли Никола, то ли Пивола, что любит ее и жениться собрался на ней. Но то ли Пивола, то ли Никола возражает, что тоже ее любит. Смотрит она на них и выбрать не может. Даже не потому, что любит одинаково обоих, а потому что понять, кто есть кто, не может. Похожи и внешне, и нутром своим. И оба своенравные, горделивые были парни…

— И сегодня остались такими же, — заметил я.

— Ага. С ними с детства все нянчились, а они сели на головы да ноги оттудова свесили. Знали, что обоим уготована деревушка наша. Такие дела.

Ушел Петя в другой угол, посуду мыть.

— Эй.

— А?

— А чего дальше было? Красавица-колдовство?

— А, ну да. — Вернулся. — Братцы-зеркальцы дали ей три года, до восемнадцатилетия обоих, чтобы решила, за кого замуж пойдет. И оба схитрить удумали: разными делами ее сердца добиться. Да не учли они того, что думают одинаково, и стало их соревнование в хорошести потехой для народа. Оба принялись делать правильные дела: то огород вскопают соседский, то пьянчуг помирят. И так уж мы порешили, что кого красавица выберет, того старостой и назначим

Зеркального, когда придет срок. Между ними наконец и разница появится, чтоб узнавали, ведь всякому известно: женатый потолще холостого будет. Да и нам решение простое: тот, что семью завел, ответственнее к делу общему относиться будет.

— И чем закончилась история?

— А вот им! — ответила Марфа, спуская за шиворот Соловейко. — Рассказывай им, что мне рассказал.

— Да чего та-а-ам рассказывать, — затараторил напуганный певун, вытирая блестящий от пота лоб. — Ну-у-у-у, влюбились, ну-у-у-у, жениться удумали… И все.

— Ничего не понимаю, — ответил я.

— Подождите-ка, подождите… — округлил глаза Петя. — Так это ты?

— Я?

— Ты!

— Я… — опустил плечи певун.

— А где твоя щегольская шевелюра? Облысел, брюхо отрастил! И общей красивости лишился. Это ж сколько прошло? Двадцать летов…

— Она-а-а меня убьет, — пропел он.

— Будьте добры, всю историю! — потребовал я, стукнув кулаком по столу.

— Дык выбирала красна девица из двух дураков, а потом влюбилась в нашего местного музыканта Перепейку! Ты ж Перепейка! — воскликнул Петя.

— Так ты не Соловейко?

— Эт-о-о творческий псевдоним, — пропел певун.

— И чего потом?

— Послушала его концерт в ночь праздника языческого, на восемнадцатилетие братцев-зеркальцев, и говорит, что не может без него. А этот… прохиндей, ответил, что готов жениться на ней! Ох же горе какое настигло семейство Пиволы и Николы!.. Но смирились братья, коль любит другого. Она ему имя свое и назвала.

— Але-о-о-онка… — произнес певун.

Петька в обе стороны сплюнул, покрутился вокруг себя и продолжил:

— А этот Перепейка ваш в день свадьбы, на мосту, предложил: коль сердце девицы достается ему, то почему бы и должность старосты не присовокупить, чтоб смуты не было.

— Не было… — виновато кивнул Соловейко, который оказался Перепейка.

— И тут-то поняли мы, ради чего затеял все это музыкантишка наш! Ах, позарился на местечко

теплое, окаянный!

— Позарился…

— А красавицу не любил!

— Не любил…

— И прогнали мы дурака на все четыре стороны.

— Прогнали, — подтвердил он.

— А что с девой? — спросил я.

Петька поплевал, покрутился и ответил:

— Долго горевала. Уходила в лес да плакала ночами. Возвращалась, обещала исправиться, но вновь сбегала. А два дурака наших так и не женились. Ждали ее. Да вот не могла она забыть Перепейку. И однажды к тридцатилетию братцев-зеркальцев, на праздник наш в честь единения Зеркального, утопилась в реке, прыгнув с моста, утащив с собой бедолагу, что спьяну с поцелуями к ней полез. И теперь каждый год ближе к празднику возвращается навью, песни поет дурманящие, ждет суженого, а на голос ее глупые мужики холостые по ночам выходят, и топит она их нещадно. И поет она все красивше с каждой ночью. В последнюю ночь голос ее все равно что ангельский, всегда забирает кого-нибудь. Неделю назад и я поддался ей. Мне повезло, что через окно второго этажа полез. Упал в навозную кучу,

так и проснулся от смрада.

— Когда последняя ночь? — спросил я, и Петя грустно улыбнулся. Стало понятно, что сегодня будет.

— Ночью точно погубит чью-нибудь душу. Всегда так было. А мы, как всегда, с горечью будем праздновать день единенья Зеркального.

— И кто слышит ее?

— Каждый неженатый, каждый женушку разлюбивший и каждый, с другой в постели согревшийся. Так что мужики ночью привязывают себя к кровати да уши грибами и мхом затыкают. Иногда помогает, иногда нет. — Завершая историю, он поднял указательный палец. — Такая у нас технология.

— Скольких утопить успела?

— Каждый год по три-пять мужиков. Так-то мы обычно путников скармливаем ей, — как ни в чем не бывало заметил он. — Для этого ж я комнаты держу. — Затем взглянул на нас и, широко улыбнувшись, добавил: — Но как хорошо, что богатырь появился. Теперь-то ты ей покажешь!

— А чего вы священника не попросили? Видел церковь у вас.

— А нет его, — пожал Петя плечами.

— Куда делся?

— Утопила, — прочистив горло, ответил он. — Ну это ничего. Она, чтобы честно было, и с той, поганой стороны Зеркального, волхва тоже утопила.

— Почему поганой? — спросил я.

— Идолопоклонники, — подсказала Марфа, напомнив о том, что образованна она для женщины уж слишком хорошо.

— Так что оставлены были мы сами на себя в последние годы. Но теперь ты есть у нас! — опять загорланил Петя.

— А ты чего молчишь? — кивнул я на Соловейку, Перепелку или как его там.

— А чего я-а-а?

— Пропой давай, вдруг чего еще знать нам надо, чтоб дело это добром закончилось.

— Да, все ве-е-ерно сказал Петя. Предал я и ее доверие, и жителей Зеркального. Не-е-ечего сказать. Я забрал ее сердце, а она — то, что было мне-е-е ценней всего-о-о.

— И что это? — спросила Марфа. Я тоже задумался: вроде все было при нем. — Может, имеются в виду волосы? Или общая красивость?

— Может, ростом выше был? — предположил я.

— Сло-о-во! Рифму забрала она у меня! Я ж

первым стихоплетом этих земель бы-ы-ыл! Эх… это как дать инструмент, а пальцы отсечь! А еще пе-е-ением речь обычную заменила! Жестоко… Прогнали меня жители на все четыре сто-о-оро-ны.

— А еще ты церковь нашу старую спалил.

— Дык я с горя пытался сжечь себя-я-я! Не получилось. А она на прощание сказала, чтобы возвращался с самой красивой песней, что сочиню в странствиях свои-и-их.

— Ну вот и решение, — хлопнул в ладоши Петя. — Ты пойдешь туда, споешь ей свою лучшую песню, она тебя простит, расколдует, утихомирится и сгинет на тот свет! А? Как вам? Как?

— Нормально, — сказал я и хлопнул певуна по спине. Тот вздрогнул. — Пригодится, наконец, инструмент твой.

— Решено, идемте, — скомандовала Марфа, и пошли мы к выходу, но певун остался.

— Какие же вы глупцы-ы-ы-ы, — пропел он. — Нет у меня! Нет песни! Чего пою — все не то-о-о! Нужна ль ей песня про со-о-олнышко яркое? Или про лес величавый? Или про меч праведный? Не-е-ет, не-е-ет, нет! Песня должна отсюдова идти. — Он пылко стукнул себя пальцем по сердцу. — Так нестись должна-а-а, будто последняя в

жизни моей. Но нет у меня такой. Уж прости-и-ите. Свернет шею, как увидит. Считай, не было первого поэта на-аши-их земель.

Подошел я к нему, схватил за сюртучок заморский, поднял и усадил на стул. Взглянул в глаза маленькие, пугливые и сказал:

— Слушай меня, Перепелка.

— Перепейка, — тихо подсказал он.

— Какую есть, такую и споешь, а мы уже походу разбираться будем. Понял?!

Он закивал. На том и порешили.

До поздней ночи времени еще было вдоволь. Зазвал я всю деревню на мост, во главе с братьями-старостами, объяснил им дел наших скверных расклад.

— А как будете призрака ловить? — спросил Никола.

— Кого? — уточнил я. — Деву эту?

Все Зеркальное плюнуло налево, потом направо и вокруг себя покружилось.

— Ага, — ответил кто-то из толпы.

— На него, — указал я на Перепейку.

— Певун твой? — спросил Пивола.

— Не мой он, а ваш. Перепейку помните? Который влюбил в себя навь вашу.

Вначале утихли все, подумали, а потом поняли,

кто есть кто. Ох, ослепли же братья-старосты от злости. Каждый стражу свою за головой первого поэта земли нашей отправил. Опять пришлось голосом громовым всех утихомирить:

— Хватит! Коль жить хотите спокойно, слушайте меня!

— А где шевелюра твоя щегольская? — спросил Никола, пропустив мои слова мимо ушей.

— И пузо где подобрал? — добавил Пивола.

— И волосы прокляла, получается!

— И общую красивость!

— А уши чего растопыренные?!

Вопрошали со всех сторон.

— Да чего-о-о прист-а-а-али-то! — возмутился тонким голосом Перепейко. — Какой стал, такой стал. На себя посмотри-и-ите. С бородавками да прыщами. Жизнь потаскала меня от коровника к коровнику, по-о-оняли? И все ради ва-а-ас! Ради вас я путешествую! Песнь ищу ту самую, что навь просит. Лучшую. И никак найти не могу. А может быть, если бы не прогнали меня — красавцем бы оста-а-ался! И старостой хорошим бы-ы-ыл бы. Мудрым и справедливым. А теперь вот чего осталось от меня-а-а. Если не перестанете обижать, уйду! До конца жизни бу-у-удете утопленников из речки вылавливать. Останется десять верных

женам мужиков, и-и-и все!

Народ замолчал, наказ принял и разошелся кто куда, а я пошел отряд свой проведать. Звериную… и мертвую его часть.

Глава 20. «Ох, говорила матушка, вовремя женись»

Отряда не было. Ни под деревом, ни вокруг него, нигде. Ни совы, ни зверя, ни жмура, ни Маришки. Бросился я на поиски, и особенно темная ночь мне в этом совсем не помогала.

— Клюв? Чудень? Мурка? Маришка? — вопрошал я во все стороны. Побивая кусты, пробирался все глубже в лесок. Нога саднила, ругалась, что отдыху обещанного ей совсем не дал. — Будь проклято все колдовство этого мира…

Что-то царапнуло щеку, что-то укололо в зад, что-то укусило в шею, а что-то с писком комариным полезло в ухо. Выбрался на другую сторону зарослей. А там чисто поле, и по нему зверь бе-

жит, держа во рту черепушку знакомую.

— Чудень? Чудень! Нет! Нет, верни голову!

Зверь прибежал ко мне, что-то прорычал с набитым ртом, боднул меня радостно — и опять на холм. Там и скрылся.

— Чудень! Я тебе устрою!

Прокричал это и тут же вижу: летит с той стороны холма в мою сторону опять черепушка, падает прямо под ногами. Повернулась ко мне, и рот даже как-то открылся, чего-то попытался сказать. В небе над нами замер Клюв.

— У-у!

Опять прибежал Чудень. Схватил черепушку — и на холм. Поднялся и я кое-как за ним, а на той стороне нашел озеро круглое. Из него Маришка лениво воду пила и хвостом мошкару отгоняла. Клюв по спине ее туда-сюда расхаживал, помогая как мог.

Мурка получил черепушку. Указал пальцем Чуденю на землю под ногами. Тот покачал головой. Мурка опять пальцем тычет. Зверь сдался, спрятал голову в траву. Мурка осмотрелся, выбрал новую сторону и швырнул черепушку в кусты. Чудень принялся оглядываться, принюхиваться. Зарычал на безголового жмура, а тот руками в стороны разводит.

Забегал вокруг озера зверь, залаял на Клюва, тот взлетел и указал направление. Таким образом не без труда черепушка была найдена и вернулась опять к мертвяку.

— Веселитесь, значит, — сказал я им, спустившись к озеру. Обнял Маришку. Рассказал о происшествии нашем. Остальные тоже послушали, согласились, что дело сложное и пока непонятно как разрешимое.

Уложил Маришку и сам рядышком на ее боку прилег. Сколько таких ночей на воздухе провели, сколько любовались звездным небом… Ух и обижался на меня мой боевой конина, что в бой иду с ним, а по душам хлопочу с нею.

Прилетел Клюв, залез на мое пузо, когтями место себе подобрал на рубахе и уснул. Чудень тоже полез в объятия, отодвигаю, а он опять ко мне. Не было сил с ним бороться — оставил. Один Мурка остался как обычно: то на Луну глядит, то в ее отражение.

Вылез язык раздвоенный из пасти Чуденя, лизнул меня прямо в лицо и спрятался.

— Ух, Создатель, дай сил и терпения. Что за отряд мне достался в последний мой поход… Эй, Мурка!..

Он повернулся ко мне.

— Не люблю я колдовство. Проклинаю его, всю жизнь изничтожить пытался, где бы ни встречал. Колдовство есть зло. Понимаешь?

Он потер подбородок, в точности мой жест повторяя, и кивнул.

— И тебя тоже, будь возможность, пришиб бы не думая. Потому что… ну умер ты уже. Понимаешь? Умер.

Кивнул.

— Место тебе под землей, в покое находиться. А сейчас душа твоя, небось, в небе мечется, не может понять, чего тело дуростью мается. Понимаешь?

Кивнул.

— Так что ты не обижайся, что убью тебя в конце пути. Это для твоего блага. Чтоб покой обрел. Закопаю тебя как надо, хороших слов над могилой твоей скажу и цветов посажу там же. Ну и чего лукавить: много горя колдовство сделало мне. Сердце в клочья разбило. Вот, собрал обратно, во что получилось. Так и живу.

Ох, накатил же сон на меня. Громко зевнув, я потянулся, насколько живность вокруг позволяла.

— Это чего у тебя? — спросил я, увидев на Муркиной ноге голубую ленточку, точно с платья нашей старосты. — Это Марфа для красоты?

Он кивнул.

— Ты с ней будь осторожен. Дел сердечных к такой женщине лучше не иметь. Не потому, что я к ней… Нет. — Нехотя представил образ ее. Стройная красотою своей, звонкая смехом и умом острая, а зеленые глаза будто хищные. — Хоть она и красивая баб… женщина… или девица, не поймешь, сколько летов ей. Все равно нутром чувствую я их, Мурка. Хитрость ее всего остального пуще. Не лань она, а лиса. Делает все ради деревушки своей. Чего хочут уши твои, то скажет. Как твои глаза захотят, так и посмотрит на тебя. Нас с тобой, мужиков, этим не взять. Мы должны думать головой, — ударил я легонько кулаком по траве. Клюв открыл один глаз, глянул на меня и дальше засопел. — Кхм… Мурка. Прости за вопрос такой. Ты ведь мужик?

Он посмотрел на меня, склонив черепушку.

— Ну, так-то сразу и не разберешь. Отличительных черт на костях не разглядеть ведь. Так мужик?

Он настойчиво закивал, а я выдохнул.

— Фух… Прости. Я на всяк пригод уточнил. Забудь. Но помяни мои слова о старосте нашей. С ней нужно ухо востро. С каждой женщиной. И нам, мужикам, надо держаться вместе, хоть и в

планах моих найти способ умертвить тебя. Не обижаешься?

Мурка пожал плечами.

— Спасибо, что не обижаешься. Я вздремну на полчасика. А ты наш сон охраняй.

Только закрыл я глаза, как услышал со стороны деревни едва слышное:

— Буря…

Открыл глаза. Мурка, рядом стоявший, уже на той стороне озера. В мою сторону бежит. Да и Луна немного отойти успела.

— Ух, пустой котелок! Уснул!

— Буря! — опять голос женский.

— Так, всем оставаться тут! — отдал я приказ и побежал на холм.

— Буря!

— Марфа! — крикнул я в лесок, за которым стояло Зеркальное.

Нырнул в заросли, отбился от паутины и кустов колючих — и вижу Марфу, а она еле стоит на ногах, за деревце держится. Поднимает на меня глаза свои зеленые, а они словно горят звездами.

— Помоги, Буря…

— Иду! — остановился, призадумался. — А чем докажешь, что ты это ты?

— Да я это, старый дуб! — рявкнула она на ме-

ня. — Помоги…

— Не верю! Чего знаешь про меня, о чем остальные не знают?

Глаза у нее затуманились вдруг, сонными стали, а потом она сказала:

— Лизоньку свою любишь больше всего света. Да нет ее больше… Сгубили ведьмы… отравленным… яблочком…

И упала как неживая.

— Марфа! — Поднял я ее и понес в деревню. — Марфа! — Споткнулся и сам упал, еле сдержал крик, как ногу больную свело. — Марфа…

— Буря… — выдохнула она, очнувшись ненадолго. — Навь эта всех женщин песней усыпляет… а мужчин с грешком на душе к себе заманивает…

Больше ничего не сказала — уснула. Доковылял с нею до деревни. Упал на колени. Смотрю, а там, на мосту, что-то белое, словно облачко в платье, извивается да песню поет. Прислушался. Красиво, очень красиво, но не настолько, чтоб глупцы ради этой нави в речке топились!

Нашелся один дурак — Петя, — вышел из «Пчелки» и пошел к мосту, песней опьяненный.

— Эй! Эй! Не иди! Петя! — крикнул ему я. Не услыхал, точно околдован.

— Петя! Петя! Стой, дурак! — крикнул еще

кто-то, высунув голову из дома. Из ушей у этого мужика торчал мох.

— Прости, — сказал я и опустил Марфу на траву.

Заковылял к мосту, но далеко было. Никак не догнать. Никак не успеть. Не спасти глупого неженатика! Ох, говорил же, что никакой не богатырь я!

Вдруг вижу — из трактира выбегает Перепейка с инструментом своим. А в глазах певуна трусливого огонь разгорается. Наш огонь, воинский!

Запела призрачная красавица еще громче:

— Где же тот, любимый мой,
Ушедший ночью, ведомый судьбой?
Найди его, голос мой,
Верни ко мне, от хлада укрой…

Храбрости поднабравши неведомо откуда, нагнал певун Петю, уже на мост вступившего.

— Вот я, Аленушка-а! — Перепейка ударил по струнам. — Вот он, твой! Вернулся я к тебе.

Остановилась песнь обоих.

— Голос… — произнесла красавица, забыв о Пете.

Тот очнулся, огляделся по сторонам, пробормотал: «Ох, говорила матушка, вовремя женись», —

и пополз обратно к трактиру.

— Ангельский голос… это ты?

— Я, — кивнул Перепейка.

— А где локоны твои, что ожившие волны?

— Черти вас… — буркнул он, а потом запел: — Увя-а-а-али от сердца разбитого…

— И округлостей в теле больше стало.

— Все то же са-а-амое. И седина, и поясница скрипучая, и общая красивость, все из-за мук по тебе таким стало, — заверил он. — Не мог без тебя более. Вернулся.

— Если это ты, то докажи. Помнишь мне обещанное?

— Да. По-о-о-омню. Много путешествовал и вернулся. Принес с собой лу-у-у-учшую песнь.

Я подошел ближе. Действительно навь, или призрак по-ихнему. Красавица, сквозь которую можно было все разглядеть, парила в воздухе, будто на волнах. Вот уж кошмарное диво.

— Тогда спой и, коль той самой окажется песнь, верну речь простую тебе да стишное согласие.

— Это что? — спросил я.

— Рифма, — процедил Перепейка не оборачиваясь.

Потянулись пухлые пальцы к струнам, и заиграла мелодия, но не такая, что всегда была. Не

развеселая, а болью переполненная. Такая, что на душу ложится и раны вначале вскрывает, а затем по-новому лечит. Перепейка усмехнулся и сказал:

— Я двадцать ле-е-е-ет искал песню, а нашел ее в самом конце пути-и-и-и.

Начался танец пальцев его по струнам гуслей, а потом и слова полились. О дураке одном, что меч свой закопал, чтобы зажить праведной жизнью. Все, чего хотел он, это оплакивать женушку свою и с именем ее на устах тихо помереть незнамо где. Но куда б нога его ни ступала, там его приключение ждало. Знал он, что влюбленная в него матушка-Судьба в игры играла с ним, что за ниточки дергала, а мир вокруг него ходуном ходил. Но дурак упрям оказался — всегда сворачивал в другую сторону. Сам пытался судьбу свою ковать. Да не понимал он, что и это тоже ее план был. Что каждый поворот на каждом перекрестке его жизни — ее воля, сколько б ни ломал он голову о верном решении. И понял лишь в конце пути своего, что не переиграть Судьбу, и впервые в жизни смехом громким рассмеялся, но горечи в том было больше, чем радости. Обрадовалась мать-Судьба победе своей, тоже рассмеялась и показала ему, как легко им управляла — увидел

он нить прозрачную, что от груди его к небу тянулась. Схватил нить — и перерезал ее, разрушив планы смеявшейся. Под горький ее плач освободился и, обрадованный, собрался жизнь дожить в одиночестве, никем более не ведомый. Да вот, большой путь проделавши, оглянулся и увидел, что друзей вокруг много завелось и не видать ему теперь мук одиночества искомых.

В последний раз поддев струну, Перепейка закончил.

Призрачная красавица замерла, будто пробуя историю на вкус. Она молчала, а вот мне было что сказать, да только ком в горле не позволял. Подкрался певун к сердцу каменному и вдарил молотом, так что треснуть было готово. Много чего сказать мне хотелось, но вырвалось только:

— Нет у меня никаких друзей.

— Эта история о тебе? — спросила красавица. Я промолчал. — Ты… твое сердце свободно. Подойди же ко мне, — пропела она.

— Мне и тут хорошо, — ответил я, не вступая на мост.

— Как… как ты слышишь меня, но не исполняешь моей воли? Твое сердце… ты потерял любимую и не взял никого вместо нее?

— Нет.

— Почему? Рана твоя стара. Нет любимой уже многие годы рядом… Ты все еще любишь. И не отпустил.

— Люблю. Пуще всего на свете, — сознался я.

— Сколько боли в тебе… Как жаль мне тебя. А хочешь, я ею обернусь? — спросила она и сделалась Лизонькой. Такой юной, такой светлой, будто из воспоминаний моих со свадьбы нашей.

Невольно поддался я чарам и пошел к ней.

— Буря… — прошептал Перепейка.

— Я ею быть готова для тебя, — спела неЛизонька ее голосом. — И ночи коротать с тобою, твоей любимой быть.

Оказался я рядом. Потянул руку к ее щеке. Ее красота. Ее глаза. Все ее. Да только Лизонька эта не моя совсем. А потому вытер я слезы с щек своих и сказал:

— Прости, красавица. Жаль мне тебя… Очень. Но сердце мое ей отдано до самой смерти, и надеюсь я на одно: что встретимся мы когда-нибудь вновь.

Улыбнулась красавица, а потом сказала:

— Да… Она твоя. И песня эта тоже твоя. А не моя.

Обернулась обратно в Аленку, в навь. Толкнула меня в грудь, а я умудрился пролететь рядом с

певуном и в траву завалиться. А Навь зарычала на Перепейку голосом таким, что будь тут драконы, и те сбежали бы:

— Где моя песня?! Ты обещал! Столько лет… столько душ изгублено, пока ты землю ногами отмерял! И у тебя не нашлось ни одной песни для меня?!

Ох, потянулись к деревушке тучи темные. Завыл ветер. Закапал дождь каплями мерзлыми. Молнии вдарили по деревьям, мигом пламя разжигая.

— Покинул я тебя, в путь ушел слепой.
Не знал я, для чего и куда иду.
Но была надежда через сотни дорог
Вернуться в родные места.
Ты прости меня, дорогая,
Что путь мой долгим был.
Что не застал живой тебя,
Трус трусом иль глупец.
Уже мне не понять теперь, чем ведом был,
Но хочу, чтобы ты знала,
Что я искал то, что обещал.
Искал любовь и дружбу,

Красоту и радость,

Думал, что в том суть обещанья моего.

Но понял я однажды, что все это время

Я искал во всем отражение тебя.

Бросил Перепейка инструмент свой под ноги призрачной красавицы, развел руки в стороны и склонил полысевшую голову, готовый к погибели. Хороша получилась песня первого поэта земли нашей. Но мне та, что обо мне, понравилась больше.

— Пусть будет последней песней эта-а-а — песня про нас с тобой, Аленушка моя. Коль не нравится — можешь и уби-и-и-ить.

Улыбнулась Аленка. Развеялись тучи — ни дождя, ни ветра словно не было совсем.

— Выполнил ты обещание, — сказала она. — Верну тебе дар твой. — Взяла за сюртучок щегольской Перепейку и потянула в объятия. — И принимаю предложение твое.

— А? Какое предложение? — встрепенулся он.

— Будем любить друг друга вечно. Сочиняй же мне до скончания времен стихи с правильным стишным согласием и в песни оборачивай! Реше-

но. Отправишься за мной ты в потусторонний…

— Буря! Буря, спасай, губят! — завопил Перепейка.

— Горите, чертовы пятки… — пробурчал я, встал кое-как и побежал спасать певуна.

Призрачная красавица оттолкнула своего любимого и схватила меня за горло, да так, что подняла от земли, а потом взмыла со мной и через мост в речку устремилась.

Ударился головой о воду, а как только пришел в себя, понял, что ухожу все глубже и глубже незнамо куда, ведь не было такой глубины в речке этой. Не мог я освободиться из рук призрачной более не красавицы — то было нечто страшное, тварями такими пугали нас царские кормилицы, когда непослушными были мы.

И сил моих не было сопротивляться ей.

Принял смерть свою как есть, глядя на темневшую луну. Ничего меня не держало в мире этом. Одно жалко — отдал жизнь за дурацкого певуна. Ведь мог хотя бы кузнеца спасти.

Как жизнь закончишь, так и запомнят.

Глава 21. Мы как солнце и луна

Когда глаза открыл, увидел над собой жителей Зеркального. И мужчин, и женщин.

— Живой, кажись, — сказал Петя.

— Живой богатырь! — обрадовался Пивола.

— Живой герой! — добавил Никола слово, мне не знакомое.

Когда мир на свои места встал, я приподнялся и спросил:

— А чего случилось? Вроде тонул вниз, а оказался вверху.

— О, я вам сейчас все расскажу! — объявил Петя и полез на мост. Всех жителей Зеркального собрал вокруг себя. — Одни из вас спали околдованные, другие струсили и в домишках попрятались. Я

тут был и все видел! Буря схватился с призраком красавицы и в речку упал. Вижу, топит храбреца нашего, гадина. А потом как из лесу выпрыгнет дьявол какой-то косматый, в речку как нырнет и тебя вытащит! Ох же страшнючая тварь была! А еще я, кажись, мертвяка видел. Призрак разъяренный схватил его и давай топить, а мертвяк все всплывает и всплывает, как бревно. Устала возиться с ним и сбежала, а тварь за нею погналась в лес. А потом вспыхнуло оттудова что-то такое, будто пламя, и не раз. И услышал я в голове ее голос, обещавший, что больше не сунется к нам, этой тварью оберегаемым.

— И я услыхал такое в голове!

— И я! — заговорили мужики.

— Думается, сбежала навсегда! И проснулись все! — завершил историю Петя.

— Я тоже тут был, но ничего такого не видел! — громко произнес Перепейка. Именно что произнес, а не пропел, и оттого удивился так, что слезы из глаз потекли. А потом, взяв гусли, заиграл и запел:

— Быть может, Петя наш ударился головою?

Ведь не могло чудо такое произойти

под луною!

Чтобы что твари, что жмуры… чую сказку нутром!

Ох, заигрался же, Петька, ты с крепким питьем.

Иди-ка ты, родненький, в кроватку, проспись.

И для защиты от навей поскорей женись!

Рассмеялись все от песни, да и сам он обрадовался, что стишное согласие на язык вернулось. И никто более Чуденя и Мурку не упоминал.

Подлетел ко мне Клюв и сел на плечо.

— У-у!

— Знамене! — закричал какой-то старик с посохом. — Необычная совушка! Благородная, на плечо присела! Рыжая!

— Знамене! Знамене! — обрадовались все.

— Рыжая? — Смотрю, да вроде какой был, такой и остался Клюв. Ну, с тремя рыжими перышками на голове. Всегда были. — А где Марфа? Марфа!

— Жива твоя дочурка! — ответил кто-то из толпы.

Поднялся. Заныла нога, будто стрелою пронзенная. Растолкал я толпу, вижу, сидит Марфа там

же, где я ее оставил.

— Храбрец! Молодец! Удалец! — провожали меня возгласами, по рубахе мокрой хлопая.

— Марфа! — вырвалось будто из груди.

— Вижу, ты справился, — сказала она. — И сам не погиб.

— Если хочешь знать, я ничего не сделал. Это певун и все остальные.

— Мы видели все ее глазами. Для всех, кто уснул, это был будто ее сон.

Я протянул ей руку.

— Примешь помощь богатыря?

— Себе помогай. Еле ходишь, папонька.

Не взяла за руку. Сама встала.

— О, привет, красотуля, — она взяла на руки Клюва.

— Знамене! Знамене! — продолжал старик с посохом.

— А это кто? — спросила Марфа.

— Говорил тебе, женщина! В каждой деревне бывает старик с посохом, опытом жизненным умудренный. Это, видимо, ихний.

Вернулись в «Пчелку». Слушали сказы местных, потом песни Перепейкины, от пережитого совсем спивающегося. Не останавливался его рот — все сочинял да сочинял рифму.

— А как ты ее потом! Вот так и вот так! — мял какой-то мужичок передо мной свою накидку из козьей шерсти. — И победил! Я не видел, но знаю, что так и было оно!

— Так и было, — кивнул я.

— Того и гляди, к утру сменят название деревне. И не Зеркальным будет, а Буревым, — усмехнулась Марфа, но улыбки на лице ее не было. Даже я взбодрился больше обычного, а она, наоборот, в задумчивость канула, с тоскою перемешанную.

Пока она в окошко глядела на ночь особенно яркую, я вдруг захотел взять ее за руку, крепко сжать, успокоить. Только потянулся, а она разворачивается. Успел кружку взять и допить то, что на донышке оставалось, будто так и задумывал.

— Почему со всеми не празднуешь? — спросил я.

— А чего праздновать?

— То, что морок спал. Что призрак красавицы иль навь сгинула. Что никто больше топиться не будет.

— Глупые мужчины сгубили девицу из-за дел сердечных, а когда вернулась душа неспокойная за местью, — и ее сгубили. Так получается. Видишь ли ты в этом справедливость?

— А чего делать оставалось? Дать ей всех муж-

чин утопить? Да черт бы с изменниками, но обычных холостых зачем? А жен разлюбивших? Жизнь ведь сложнее. Не всегда получается то, что на душе, в порядке держать. Ну, ушла любовь. А что делать — топиться в объятиях нечисти?

— Любовь, Буря, что костер. В него дрова подкидывать иногда надо. Тогда не уйдет никуда. И в чужой постели случайно не окажешься.

— Ты меня, женщина, делам сердечным не учи. Что-то не вижу я ни мужа твоего, ни очередь из желающих. Деревенское дурачье глазки тебе строит, покуда не знает, какой бываешь, когда рот открываешь. Мигом все разбегутся, и красота твоя не поможет. Откуда тебе-то знать, что там на душе у тех, кто судьбы свои в одну косу сплел? Как выйдешь замуж, проживешь летов двадцать хотя бы в любви и здравии, детей наделаешь не меньше пяти и воспитаешь их как должно, вот тогда и поучай делам любовным.

— По твоему ответу и видно, что ничего не понимаешь. А если любимый мой умер со всеми нашими детишками? Что тогда скажешь?

Я замолчал.

— Чего? Не подумал о том, что и у других горе может быть?

— Прости, Марфа, — проронил я и отвел гла-

за. — Мне очень…

— Нет у меня любимого и никогда не было. И детей тоже. Но то, как ты говоришь, как любой ценой ранить пытаешься, будто нет на этой земле мнения важнее твоего, будто ты царь, а все мы твои прислужники… Вот что я показать тебе хотела. А что до женского сердца — оно как цветок. Наступишь и не заметишь, как погубил. Вот так вы, мужчины, сердца наши и губите. И Аленки этой погубили. И других глупых девиц.

— А может, и мое сердце сгублено, — обиделся я незнамо на что.

— Да как же такое сердце сгубишь! — усмехнулась она. — В этих местах девичье сердце розою называют. Ты такого цветка небось никогда и не видывал, не говоря уже о том, чтобы дарил любимой. — Она встала из-за стола. — Дарил?

Я промолчал. Взгляд мой по трактиру побежал. Пытался я вспомнить, дарил иль нет. Ну, к черту цветы. А что дарил? Какими дровами топил любовь нашу? Иль все она — Лизонька — за двоих работу делала? И подарок… Я потянулся к оберегу.

— Про розу в груди женщины я тебе сказала. А про камень внутри тебя сам догадайся!

Остановилась песнь Перепейки, народ радост-

ный замолк.

— Губишь и губишь душу за душой. Знаешь что? Твое сердце — не камень, а тоже цветок. Вереск, — назвала она мое первое имя. — Точно вереск! Топчи, сжигай, с корнем вырывай — ничего, заново прорастет! И хорошо тебе жить в таком мире, полном жестокости разной. С таким-то сердцем — спелся и по нему остальные сердца меришь!

Ушла наверх, взглядами удивленными провожаемая, и хлопнула дверью в комнатушку свою.

А потом ворвались в Пчелку в обнимку два братца-старосты Пивола и Никола и давай всех на праздник единения Зеркального зазывать. Остались последними в трактире я и Перепейка. Он, весь запыхавшийся и пьяный, с оханьем встал со стола, подошел ко мне и запел:

— А чего-о-о раз… прости, привычка. — Он прочистил горло и спросил по-обычному: — А чего разругались?

— Идем на праздник смотреть, — сказал я, и вышли мы.

— Я тут одно место присмотрел, — произнес певун и повел меня к главному дому на этой стороне — Пиволиному.

По лесенкам нехитрым взобрались прямо

крышу, а там парочка целованием занималась. Увидев нас, девчушка взвизгнула и, прихватив молодца за руку, сбежала вниз. И остались мы с ним вдвоем смотреть на то, как костер огромный разжигают вновь сдружившиеся жители. Там к ним и Марфа присоединилась. Очень веселой она выглядела. Ну и ладно. Удел женщин — вот так топтать нас, а потом, будто и не было ничего, веселью поддаваться.

— Чтоб с женщиной разругаться, других причин не надобно. Только того, что они женщины, уже хватать должно, — ответил я на его вопрос.

— Ах, если бы знать, что у женщин в головах творится, — тихо запел он, прикоснувшись к струнам гуслей.

— Нет, — отрезал я.

— Я подумал, что сейчас пришла лучшая пора для песни о любящих сердцах.

— Каких еще любящих сердцах?

— Ты не обижайся, Буря. Я с вами некоторое время уже нахожусь, и показалось мне, что тут все понятно.

— Что понятно?

— Что пара вы правильная с нею.

— Ты пьян и устал, вот и глупости мелешь. Никакая мы не пара. Мы как солнце и луна.

— Ну так солнце и луна бытийность нашу в порядке держуть. Они часть общего плана Создателя. А если скажешь «вода и огонь», то огонь обновляет землю, а вода затем ее оживляет. Тоже часть плана получается. Какие угодно противоположности подбери, все равно так окажутся. — Он сплел пальцы обеих рук. — Может ли так статься, что ты и Марфа тоже часть Егошного плана?

Не нашел ответа. Но даже если и так, даже если и было в этой женщине что-то такое, что заставляло меня на миг лишний взор на ней задержать, даже если прав певун был о том, что очень мне хотелось понять, что в голове ее творится, все равно обет я дал. Пусть все остается как есть. Есть у меня причина держать свое при себе. И причина эта — Елизавета Ясная, царица, женушка моя.

— Ты ведь знаешь, почему Аленка твоя меня не околдовала песнею своей? Хоть и не женат я.

— Любишь потому что Лизоньку свою?

— И нет места в этом сердце ни для кого.

— А ты не подумал о том, чего б тебе любимая твоя желала? Хотела бы она, чтоб ты до конца времен своих обет безбрачия держал? Чтоб больше ласки женской не познал? Без нее да без детишек-внуков совсем ведь, — он указал мне на грудь, — зачерствеет вересково сердце твое.

Я посмотрел на Марфу, замершую в толпе. Она, словно потерянный ребенок, искала кого-то. Оглядывалась. Может, это и был тот самый момент, когда я должен был с крыши на всю деревню крикнуть имя ее. Побежать к ней, обнять. Может быть… А может, и нет. Может, солнце, а может, луна. Может, огонь, а может, вода. Может, и создают они бытийность вместе, но каждый свою работу делает, и вместе в одном месте они не бывают. Кто-то кого-то погубит.

— Может, и прав ты, певун. Да вот много я дел не лучших поделал в жизни этой. Не хочу еще один грех на душу брать.

— Да какой же тут грех? — усмехнулся он вопрошающе. — Счастье себе и другому человеку подарить?

— В жены взять одну девицу, когда каждую ночь другая снится, — ответил я. — Женушки умны, хоть порою для услады мужей глупышками оборачиваются. Знают они, когда в душе твоей чего-то нет. Через глаза, как с грамоты, читают. Лизонька моя такой была. И в Марфе это свойство тоже вижу. Умна она, хитра и зубаста, и нет на нее похожих за тысячу верст. Все сразу поймет. Не простит она никогда мне, если узнает, что не могу перестать другую любить. Вот тут оно

все расписано, — я указал на грудь с горящими лунным светом рунами. — Кара моя — людей любимых терять, а самому дальше жить. И так пока не найдется правильной остроты меч в руках избранных. И закрою я глаза, а на устах моих будет имя не той, что слезы льет по мне, а Елизаветино. Не готов я такое зло делать с ее сердцем.

Перепейка кивнул, и мы замолчали. А там, внизу, народ зеркальный костер разжег, взялся за руки и стал хороводы вокруг него водить да песни замысловатые петь.

— Буря.

— А?

— Вы же скоро уйдете?

— Уйдем.

— Пока не ушли, может, расскажешь историю свою, чтобы я нормальную песнь о тебе сочинил? А то все придумываю и придумываю, чего было и чего не было.

— Зачем тебе моя песнь?

— Вдруг случится такое, что не вернешься с Большого военного похода? Вдруг погибнешь?

— Ну, коль суждено, погибну, — пожал я плечами.

— Так ведь и забудут тебя, Буря. А я много ходил по землям разным. Много всего видел и слышал.

И нутром своим чувствую, где хорошая история скрыта. — Он улыбнулся, будто с самого начала знал, кто за Бурею прячется. — Хоть и не богатырь ты и им себя не считаешь, но есть в тебе способность дела большие вершить. Скрывай — не скрывай, но рвется из тебя великая история, а у песен есть свойство интересное.

— Какое?

— Людей великими делать. В строках да мелодиях увековечивать. И передавать из уст в уста до окончания времен. Не хочешь судьбы себе такой?

Мне подумалось о том, что где-то уже поют песни и поэмы слагают о царе Владиславе Непобедимом. Многовато будет двух великих людей на одну душонку. Вдруг на том свете припомнят нескромность мою? Упрекнут, что для этих целей и задумал второго себя. Два человека — вдвое больше песен и восхвалений получается.

— Некоторые истории, думаю я, не должны быть рассказаны. И песни спеты. Да и ты, Соловейко ты или Перепейка… свою лучше историю в песнях рассказывай. Вот красавице призрачной понравилась, может, и остальным по душе будет. Будешь на площадях и на вечерах царских струны перебирать и песни петь.

— Да кому я сдался, безволосый, округлый и общей красивости лишенный, — рассмеялся он.

— А вот тут уже я тебе урок преподам. Мужика женщина не за красивость любит, а за поступки. За характер и за то, во что верит он и стоит за это до конца. А ты, как я вижу, за все хорошее и против всего плохого. Такой многим понравится. А что до волос твоих… Слыхал я, что на землях всяких заморских, там, где солнце садится, люд начал ведра делать волосатые.

— Это как?

— Берут ведрышко. Лепят волосы всамделишные, расчесывают, а потом на головы лысые надевают. Чтоб как будто свои казались.

— Ведра на голову? — задумался Перепейка.

— Так мне сказали. Я-то плешивого своего котелка не стыжусь. Но ты намотай на ус, что решение такое необычное есть.

Посмотрели мы друг на друга немного, а потом рассмеялись. Снизу заметили нас жители и давай звать к костру. Меня опять своим необычным словом кличут — героем.

Глава 22. Враки наши сердечные

Перепейку зеркальцы утащили в круг. Я же смог отбиться и просто наблюдал за радостями толпы.

— Ну как тебе наш праздник? — спросил оказавшийся рядом Петя.

— Веселый. Но непонятно, чего поют.

— Дык это языческие пляски.

— Это как? — удивился.

— Стороны ж две. Справа горная, слева солнцеградская. Мы Создателю молимся, — он указал на церковь, а потом на языческий храм, — а горные — своим истуканам. Вот и возник сразу вопрос, по-чьихнему праздновать главный праздник? Решили в одном году по-нашему, в другом по-их-

нему. Сейчас их череда.

— Будь я царем, сжег бы деревню, — произнес я.

— Ну даешь, мужик, — рассмеялся Петя. — Ну шутник! Можешь иногда выдать острейку! Ха! Ладно, а ну, девки, принимайте! — И нырнул в круг.

Увидел я на той стороне сквозь пламя Марфу. Обошел всех, а ее уже нет. Кружит, пляшет с красавцами молодыми, удалыми уже на той стороне, где был я. Нет среди них седобородых, хромых и ворчливых.

Опять пошел обходить. Вернулся туда, где стоял, а ее опять нет. Тьфу. Решил в комнатушку вернуться. С раннего утра поход продолжим.

— Долго думаешь, — произнесла Марфа, стоя у меня за спиной. — Это легко. Подходишь ближе, разрываешь хват и берешься сам за руки. А еще желательно чего-нибудь лихого выкрикнуть, чтоб показать настрой свой веселый.

— С такой ногой лихого свистопляса из меня уже не выйдет. Разве что в костер свалюсь и бороду обожгу. Из богатыря в растяпу.

Она улизнула от правого плеча и появилась у левого.

— Зато у Перепейки песня озорная получится.

За ночь все перепишет. И запомнится всем храбрец Буря Паленая Борода. — Опять вернулась к правому. — Как тебе?

Я посмотрел в ее зеленые глаза и увидел в них костер. А сама она уже не смеялась, но и грустной не выглядела. А может, и то и то было в ней и, как любимая моя, она тоже умела все свое в себе прятать, но читать чужое. А коль читала она чужое в глазах моих, то видела, наверное, и метания. Видела, что на распутье я и не могу понять, каким должен быть мой шаг.

— Не робей, Буря.

И она толкнула меня в хоровод.

— Мой богатырюшка! — обрадовалась баба пышногрудая, что уже несколько раз не давала прохода мне. Как вырвет руку свою у другого мужика и возьмется за мою. А с другой стороны — не поймешь, что Пивола, что Никола, но точно один из зеркальных братьев-старост.

Завертелся я с ними. А там, на другой стороне костра, Марфа с меня глаз не сводила.

Из хоровода перешли в другие танцы, закружились с девчатами, запрыгали с молодцами — и в ручеек слились. Держу за руку девицу молоденькую, а потом ее Петя выхватывает, то ли первый, то ли второй. Народ засмеялся и меня к началу от-

правил, мол, выбирай кого-нибудь, украли твою суженую! Побежал под сводом из рук, ох, слишком высок да широк я для игр этих. Взял за ручку другую девицу, смотрю, опять пышногрудая моя — глазами круглыми подмигивает и губами дутыми ко мне лезет. Опешил. Готовился сбежать, спрятаться, но выхватила меня другая девица. Снова побежали под сводом, вылезли в другом конце. Смотрю в зеленые глаза спасительницы и вижу Марфу. Пары менялись, танцы менялись, и песнь тоже одна в другую перетекала, но так до конца плясок и не отпустили мы с ней руки друг друга.

А потом остановил Перепейка песню свою, лихо на одно колено упав. Захлопали, закричали все. И никто на нас с Марфою не смотрел.

Попросил прощения у Лизоньки и разрешил себе сделать шаг. На одно мгновение, но разрешил. Подался к ней, а она ко мне, но оба остановились в последний миг. Одумались. И прочитал я в глазах ее то же самое, что чувствовал сам. Мешало ей что-то. Что-то, зеркальное моему. Такое же сильное, такое же сложное и необъятное, скрытое тоже от мира всего.

— Прости, Марфа, — сказал я. — Коль свободно сердце…

— Ах, Марфа, какой же у тебя отец-удалец! Добрынюшка! — сказал один из братцев-старост, встав между нами.

— А чего дальше делать будете? — спросил второй, спьяну еле на меня глаза наводя.

— У нас Большой военный поход. Надо нечисти одной голову отрубить.

— Понимаем! — Братья одновременно протянули руки. — Благодарим за все!

— Вот только название какое-то нехитрое, — заметил Пивола.

— Да… какое-то, знаешь, вот… смотришь на луну, — Никола посмотрел на серебряное светило. — И даешь ей название — Луна! Как-то простенько, что ли. Да, твоим свершениям великим нужно…

— Это временное название, — перебил я. — Разберемся и всем отрядом… — посмотрел на Марфу и вспомнил о враках наших сердечных, — то есть семьей домой вернемся. В Хвойное.

— Хороша семья! И ночь хорошая! — добавил Петя.

— Ага, лучше, чем в тот раз, — отметил робко Перепейка.

— Дык из-за тебя церковь наша старая сгорела! — рассмеялись старосты. — Всяко лучше, чем

тот раз!

— Горит! Горит! — завопил кто-то, пальцем на храм деревянный указывая.

Из окон его языки пламени на улицу просились.

— Да как же так-то! — подскочил Никола и побежал.

— Эх, хорошо горит, — улыбнулся спьяну брат его Пивола.

— Дык церковь же, — заметил я.

— Ан нет. Это их храм языческай.

Половина села — правая, горная — побежала тушить пожар.

— А церковь где?

— Вон там, рядом. — Он указал пальцем на другое сооружение.

— Это то, на которое сейчас огонь перекинулся?

— Ага, — расплылся он в улыбке. А потом понял и тоже побежал.

Обе стороны деревушки принялись святыни свои тушить.

— Думается мне, им теперь не до нас будет, — произнес я. — Да и утро уже скоро. Пойдем мы, наверное, дальше.

— Спеть вам на дорожку прощальную? — пред-

ложил Перепейка.

— Терпеть не могу певунов, — улыбнулся я.

— Знаешь, без рифмы ты нравился мне больше, — сказала Марфа. — Ты был один такой на весь белый свет. Спору нет, ты поешь прекрасно, но было в тебе что-то необычное тогда, а теперь ты такой же, как все, получается. Только лучше.

— Не такой же. Теперь у меня в запасах есть несколько песен, что ни у кого другого нет. — Он подмигнул нам. — Долго петь буду неповторимо. А потом уйдут в народ, и придется славой делиться со всеми, и забудут однажды имя автора, а песня останется и будет из уст в уста идти. И не умрет никогда. Да и вообще, знаете, что подумал? А может, мне в моду ввести стих без рифмы? А? Как вам идея? Назову его как-нибудь по-необычному. — Он посмотрел в небо. — Лунный стих… Или облачный стих. Вот ты говоришь, один на весь белый свет был. Белый стих пущай называется.

— Простенько, — сказала Марфа.

— Глупо, — добавил я.

Потом все вместе посмотрели мы на то, как жители чем могут черпают воду из речки и храмы тушат.

— Ладно, Перепейка. Пойдем мы. А то наутро,

когда хмель всех отпустит, решат, что это мы во всем виноваты. Со мной часто такое бывает. Обвиняют в чем ни попадя. — Я посмотрел на Марфу, а она отвела взгляд. — Вот только бы найти теперь отрядец свой чудной. Да хоть сову. — Я посмотрел в небо.

— А вот она! — Перепейка указал на Клюва, из окна церкви вылетевшего. А затем с грохотом ворота храма языческого отворились. Удирал оттудова, словно вор от стражи, Чудень, а на нем, как на кабане боевом, сидел Мурка.

Жители с испугу кто куда бросились. Чихнул Чудень облаком пламени, выронил что-то изо рта. Загорелось оно, потушил хвостом, подхватил — и бежит к нам.

— Что вы наделали?! — закричал я.

А они и вправду воры — показывают награбленное. Истукан деревянный во рту Чуденя, плащ в рунах языческих на плечах Мурки, а Клюв в клюве своем амулет золотой церковный держит.

— Бросьте! Быстро все бросьте! — отдал я указ. Все послушались, кроме зверя. Он показал истукана и заскулил. — Я даже спрашивать не буду! Знать не хочу, что вы там делали! Брось эту штуку и уходим!

И убежали мы в лес, где Маришка нас и дожи-

далась.

Глава 23. Мне себя не жалко

Лагерем мы встали на возвышенности. Пока все спали, я смотрел, как жители Зеркального побеждают огонь. Вроде получилось, но дым, что поднимался из святынь их, напомнил мне о том, как уничтожил я с войском своим столицу супостата. Ни названия царства, ни имя их царя не помнил. И хуже того, причины содеянного тоже. Ничего не помнил. Только то, что сделал это я.

Много кого покарал за непослушание, за нрав дерзкий, за недальновидность, всех и не упомнишь. Но в том случае было что-то такое… Может, купол необычный или войско особенно умелое. Запомнилась только картинка. Как стоял на выступе и, довольный, наблюдал за тем, как…

— «Улетают души супостатов на божий суд…» — вспомнились слова чьи-то. А может, мои.

Посмотрел на руки, вечно кровью окропленные, и давай их смесью золы и грязи омывать. Не получилось. Может, корни нужны диковинные? Огляделся, схватился за первый попавшийся куст, выдернул, смял корень и давай руки тереть. А закапавшие мои слезы прекрасной добавкой послужили. Ух, теперь-то отмоются. Теперь…

— Буря, — прозвучал голос Марфы.

— А, — дернулся я, вытирая быстро глаза.

— Все хорошо?

— Да. Коренья попались жгучие, будто лук чищу.

— Так это ж чернолапка. Ядовитая.

— Самое то, чтобы руки отмыть.

— От чего?

— От всего. Я ведь не зверь какой. — Я кивнул на Чуденя. — Не могу в болото плюхнуться и от грязи всякой отмыться. Использую то, что сподручно.

Марфа посмотрела на траву и на руки мои с сомнением. И тут потекла слеза по моей щеке.

— Вот и глаза жжет, — нахмурился я.

— Ну ладно, — кивнула она. Надеялся я, что поверила.

Я вытащил из костра репу, посыпал солью и с хлебом стал есть.

— Я в «Пчелке» сказала, что вместо сердца у тебя камень, — прозвучал ее голос из-за спины. — Ты прости меня, Буря. Знаю, что это не так. Наверное, много там ран, и не все рубцами покрылись.

— Может, ты права, а может, и нет. И все хуже, чем камень.

— Что может быть хуже?

— Пустота, — ответил я. — Может, нет никакого сердца уже.

— Так это легко проверить.

— На. — Я бросил ей нож через костер. — Проверяй.

— С учетом того, что ты мне еще нужен для победы над мертвячьим войском, лучше сохраню тебя таким, какой есть. А наличие сердца и по-другому проверяется. — Она быстро подошла ко мне и ухом к груди прильнула.

— Да чего ты привязалась…

— Тсс… Хм-м-м. — Она отстранилась и произнесла с умным видом: — Буря, могу подтвердить, что в груди твоей все же есть сердце. Каменное, иссохшее или нежное, что цветок, — каким бы ни было, есть оно у тебя. Бьется. Сама слышала. А стало быть, живой ты все еще. И коль живой,

будь добр обещание сдержать. Зло пришибить.

— Я помню, что обещал.

— Надеюсь. — Она села напротив и палочкой в золе стала что-то рисовать. — Ты ведь знаешь о пророчестве?

— Их много. О каком ты?

— О главном.

— О том, что богатыри вымрут?

— Ага, — кивнула она. — И о том, что на земле скучной… ты знаешь, что значит «скучной»?

— Ну… это как земля без ничего? Ни рек, ни гор?

— Нет. На земле, где больше ничего великого и даже колдовского происходить не будет. Как думаешь, наш мир уже похож на это? — Она посмотрела на все то, что мы оставили за спиной. На долину солнцеградскую, на гору Ромашку с деревушкой Зеркальной. Мы поднимались все выше. — Скучная уже земля? Не тут, а вообще везде.

— Не знаю.

— Говорят, последним, кто что-то великое на земле делал и делал этим ее нескучной, был твой царюшка Владислав. А с его смертью…

— Земля скучной стала, — продолжил я ее слова. — Не знаю. Умер он, и все тут.

— А если допустить, что он и был последним богатырем, то, получается, сбылось пророчество. И люд простой без защиты остался. И Злому злу скоро появиться должно. Мне думается, что мертвяки эти, из могил поднимающиеся, и то, с чем столкнемся мы там, то Злое зло и есть.

Я усмехнулся.

— Грамоте обученная Марфа думает, что о таком, как я, пророчество написано? Что мне, хромому старику, суждено великое зло победить? Да еще и с таким отрядцем? — Я окинул всех рукой.

— А может, и суждено.

— Посмотри на меня. — Я показал ей оборванные одежды да ногу свою больную. — Если там скрыто то самое Злое зло, из пророчеств, что сотнями лет передавались, то ждет нас погибель мгновенная. И не только нас. Всех ждет.

— Ничего. За правое дело умрем. Иль ты не готов?

— Мне-то себя не жалко. Я свое отжил уже. — Посмотрел оценивающе на отряд чудной. — И Мурку не жалко. Он жмур, давно уже умер. И… сову тоже — она глупая. Что живая, что мертвая, ни мне, ни лесу пользы не делает. А Чуденя вообще нигде быть не должно. Кто остается? Маришку — да. Маришку жалко будет.

— А меня?

— Чтобы я женщину пожалел…

Она бросила в меня горячую репу. Та умудрилась залететь мне под рубаху. Я завертелся, пытаясь эту репу вытащить. Марфа хохотнула.

— Горите, пятки…

Расстегнулись пуговички рубахи, и показались руны на оголенной груди. Марфа посмотрела на них, но я скорее поправил одежду и сказал:

— Пора идти.

Когда все проснулись, пошли мы в обход горы, по круче и вскоре оказались у озера, в которое с грохотом падала вода. Будто с неба, да такая чистая, что стекло.

— Падина водная, — произнес я пораженный. — Сказы слышал, но никогда таких не видел.

— Ну, наконец-то! — обрадовалась Марфа и принялась одежду снимать.

Я глаз от нее отвести не мог. Показались на плече ее знаки, рисованные зеленой краской, переливающиеся, будто руны колдовские, как у меня, но узорчатые, что листва иль трава диковинная.

— Чего смотришь? — спросила она, поймав взгляд мой.

Я сразу отвернулся.

— И не подглядывай.

Прыгнула она в воду — и давай плескаться. Ну, женщина чудная, никогда таких не видел! Церковник наш, отец Михайло, бесов бы попытался изгнать из нее. Из такой не изгонишь, легче уж сразу в костер. Другая она была совсем. Вспомнилось: видел я такие рисунки на торговцах иноземных, что из мест, где солнце встает, приезжали. Мы их народом узористым прозвали; и руки, и ноги у них в рисунках были, а иные и с лицами такое проделывали. Говорили, что не отмыть: навсегда это.

Вышла из воды Марфа. Услышал я, как она одевается.

— Я на плече твоем… — прочистил горло, — увидел узор.

— Нехорошо за женщиной подглядывать, когда она моется.

— Я случайно. Хочу спросить.

— Спроси, коль хочешь.

— Не из народа ли ты, что на востоке живет? Они на себя узоры наводят странные.

— Не из них.

— А из каких? Вижу же, зеленые глаза. Такие редко встретишь у нашего человека.

— Я из тех, что ты всю жизнь оберегал. Из солн-

цеградских, но отцу всегда интересным было все диковинное. Много путешествовала с ним, много видела необычного. И мастерицу нашла, узоры рисующую на людях. И сделала она это со мной. Некрасиво? — Она повернулась спиной и оголила плечо.

— Не привык я к такому, — ответил я и сразу отвернулся.

— Ну ладно, теперь ты отмойся от грязи своей, вместо того чтобы чернолапкой измазываться.

— А… как?

— Не боися. Отвернусь. Чего мне на старика смотреть?

Отошла она дальше и за деревом спряталась. А я снял и рубаху, и штаны, но портки оставил, мало ли обернется, бестия. Посмотрел в отражение свое — и ничего я не старик! Гора мышц, а плешивая голова и седая борода ничего не значат.

— Эх!

Прыгнул в воду холодную — накатила мгновенно свежесть, сразу захотелось дел всяких благородных поделать. За мной и Чудень запрыгнул. Заплескался, разрезвился.

Мурка не хотел, но его в спину Маришка боднула, и он к нам упал.

— Ну как? — спросила Марфа из-за дерева.

— Хоро… шо… — еле выдал я: к холоду еще не привык. — Хорошо!

— Не позовешь?

— Чего?!

— Говорю, мойся-мойся, богатырюшка. Пусть враг твой ужаснется, каким чистым ты на бой пришел.

Чудень все пытался рыбку мелкую вылавливать, но ни за одной угнаться не мог. Даже Клюв перышки почистил. Мурка все свои косточки разобрал и каждую отмыл со знанием дела.

Я посмотрел на отражение свое в воде. Без лунного света руны были почти незаметными.

— Марфа, — окликнул я, — а в странствиях ваших не приходилось тебе, часом, руны колдовские изучать?

— Что-то да, что-то нет.

Я притронулся к груди.

— А можешь… — начал было я, но она опередила меня, ответив:

— Могу попробовать.

Я обернулся, а она уже на камушке рядом сидела. Ох, хорошо, что портки оставил.

— Твои совсем сложные. Не знакомы мне. Будто не из нашего мира. Можно?

Я подплыл ближе. Она внимательно посмот-

рела на мою грудь, медленно притронулась, и я заметил, как губы ее тихо что-то зашептали.

— А откуда они у тебя, не расскажешь? Кем оставлены? Как выглядел колдун… или, может, прочитал книгу какую по глупости?

— Родился я таким, — ответил я.

Марфа посмотрела на меня такими глазами, будто не поверила, а затем продолжила изучение свое.

— Хм… Я не очень… — запнулась она. — Это, как тебе объяснить-то… нечто повелительное. Будто непременно суждено тебе именно такое и никакое другое.

— Что суждено?

— Что-то. Тот, кто написал это, повелевает, чтобы что-то случилось… или было всегда печатью, — произнесла она задумчиво.

— Проклятие. Я знаю.

— Очень древнее. О судьбе… Это то, о чем ты говорил? О том, что Судьба с тобой в игры играет?

— Я не умею их читать. Говорю же, с рождения. — Я с трудом удержался и не рассказал ей о том, что отец счел это знаком и сразу объявил меня будущим царем, в обход старшего брата. Может, потому-то и пытался спасти любой ценой хворого сынишку. — Встречал я разных людей.

Пытались они прочитать то, что начертано. Что-то смогли, а что-то я за свои шестьдесят лет сам понял.

— И что ты понял? — Она продолжала вглядываться в них.

— Многое. И про судьбу, и про то, что суждено любимых терять, а самому, видимо, до глубокой старости дожить.

Я взял ее за руку. Она посмотрела в мои глаза, и я сказал:

— Я проклят, Марфа, еще в материнской утробе. — Повернулся к ней спиной. — Ты можешь сосчитать количество ран на мне. Я не бессмертен. Чувствую всякую боль, как любой другой, но никто пока не смог меня убить. Всегда исцелялся, от любой раны, порез то или яд. Неважно. Даже если мне одному предстоит против армии сразиться. В конце битвы я буду стоять на ногах, а они все лягут навсегда.

Я нырнул под воду и вынырнул у другого края озера.

— Ну что, готов к битве?

— А может, нам с неделю еще ходить.

— Нам осталось немного.

— Откуда знаешь?

— Я думаю, что это какой-нибудь древний кур-

ган чужеверцев, раз в деле мертвяки участвуют. А еще вокруг него какая-нибудь колдовская хворь землю всякую губить должна.

— Говоришь так, как будто видела.

— Видела. Как только мы сюда пришли. Идем.

Я вылез из воды и подошел к Марфе, стоявшей у уступа. Она смотрела прямо на курган. Тот гноился в самом центре простирающейся впереди долины; во все стороны от него расползалось огромное черное пятно, под которым вся зелень погибла.

— Дошли… — сказал я и, расхрабрившись даже как-то, захотел приобнять Марфу. — Дошли! Покажу им силушку богатырскую. А ты чего…

Марфа смотрела на проклятое место со страхом и болью. Так, будто дом ее там находился.

— Я не… не думала, что такое случиться может, — произнесла она растерянно. — Я… надо было поспешить… Надо было быстрее все сделать. Привести тебя сюда.

Она спряталась за деревом, и послышался оттуда ее плач.

— Не горюй ты так, Марфа! — Я остановился по другую сторону. — Успели мы. Ни одной деревушки рядом не вижу. Ближе всех Зеркальное, а там знать не знают ни о каких жмурах. Род

людской…

— Люди, — усмехнулась она. — Дальше носа не видишь, Буря. Мир этот не только люди. Сколько деревьев, сколько живности разной погибло! Мы должны остановить это зло.

— Остановим. Я слово тебе дал.

Посмотрел я на курган. Да. Права Марфа, об этом пророчестве говорили. Вымерли богатыри, и вышло из-под земли настоящее зло. Злое зло, обещанное. И пусть буду я первой преградой для него и первой жертвой. Но если суждено — остановлю.

Словно прочитав мои мысли, она произнесла:

— Не знаю, что руны твои значат, но, может, ты не прав и не проклятие это. Наоборот.

— Что? Благословение? — усмехнулся я горько.

— Да. Быть может, оберег, чтобы ты до дня этого дожил и со злом сразился. Руны эти судьбу твою подчинили, уберегли от мечей и козней и сюда привели.

— Вот мой оберег. — Я приподнял Лизонькин подарок. — Других мне не надо. Не плачь, Марфа. Спустимся с горы и отрубим несколько голов. Не впервой мне.

— А чем орудовать будешь? Ножичком каким? — Вытерла она слезы. — Ничего у тебя не

осталось. Где топор твой?

— Не знаю. Под мостом на дно речки ушел.

— И как ты тогда собрался Злое зло бить?

— Не впервой. Сейчас разберемся.

Глава 24. Куда дел верушку свою?

Вернулся я к дедовскому методу: нашел камень подходящий, расколол как надо, подточил о другой с водой и грязью, в корягу крепкую всадил и привязал. Так сделался у меня каменный топор и получился что надо — с броска в бревно точно входил. Не секирушка царская, сотни жизней отобравшая, но сойдет. И не с таким оружием побеждал.

Спустились мы всем отрядом с горы, и сразу в лицо смрад ударил: гниль да трупный запах. Вышли на тропинку, в лес глупцов зазывавшую, а в глубине того леса курган ждал, если никуда не сворачивать.

— Карр-карр! — послышалось с одного из дере-

вьев. Там три вороны сидели, готов поклясться, что те же самые, с болота моего.

— Как думаешь, Марфа, может так быть, что живность за нами следит? — спросил я, украдкой зыркнув на птиц подлых.

— Какая живность?

— Птичья… — Я указал ей глазами на ворон. Те с ветки на ветку прыгали, точно вели нас в западню.

— Опять ты про них. Вороны как вороны, — пожала она плечами.

— Дык они за нами ходют весь путь.

— Умные вороны. Ты разве не знал? Вороны — самые умные создания после людей будут.

— Про сов тоже такое говорят, а ты на нашего Клюва посмотри.

Клюв, как обычно сидевший на макушке у Маришки, повернулся в нашу сторону. И взгляд у него был такой, будто понял все и обиделся.

— Хм… — нахмурился я. — Странно все это.

Смотрю на руки свои, а на них по шесть пальцев. На Марфу смотрю, а из-под одежды у той, прямо от плеча, зеленый узор выглядывает: змеей обернулся, шею обвил и на голову влез. Встряхнулся я, проморгался. Пропали змея и лишние пальцы.

— А вам ничего странного не видится?

— Видится, — ответила Марфа. — Кто-то морок тут наводит.

— Стойте… — отдал команду я, подняв над головой топор. Прислушался. Что-то в кустах шевельнулось.

Чудень оскалился.

— Спокойно… Я сам. — Пошел медленно на звук. — Чем бы ты ни было… я знаю, что ты там. Выходи.

Ничего. Опять только хруст да шелест листьев.

— Ох, не хотел я кровь проливать, да, видимо, придется…

Схватил я куст, дернул в сторону, занес топор, а там олень лежит, испуганно одним глазом на меня смотрит и иногда копытами дергает, но встать не может. Попытался я ему помочь, приподнять, да увидел на боку хворь: словно лишай животное губит. Я отшатнулся и руки об рубаху протер со страху.

— Что же это…

Марфа подошла, взглянула внимательно, покачала головой.

— Колдовской недуг. Мы должны его остановить. — Она потянула к оленю руку, — Тихо… тихо. — Успокоила, погладила и сказала мне, —

Прекрати страдания.

Один точный удар — и олень перестал дрожать.

Пошли мы дальше. Молча. Становилось темнее, туман — гуще, будто живой он, будто из плоти какой-то, так что впору руками было отталкивать.

Остановились рядом с лужицей с прозрачной водой.

— Не пейте, — строго наказала Марфа.

А я и не пил. Я смотрел на свое отражение. Вроде бы я как я, но что-то отличалось. Глаза, мясистый нос, рот, седая борода, рожки, уши, макушка лысеющая… Какой был, такой и остался.

Чего? Рожки?

И вправду, вижу в отражении два заостренных бугорка. Схватился за них, развернулся, чтобы Марфе ужас показать, а нет ее. Никого нет, и туманом непроглядным все окутано.

— Марфа?

Голос эхом разошелся. Никто не ответил.

— Чудень? Чудень, ко мне! — Присвистнул так, что Маришка мигом бы рядом оказалась, но и ее не было. Затем увидел впереди очертания человека. Девушка стояла. — Марфа?

Промолчала. А когда зашагал к ней, она попятилась и утонула в тумане.

— Эй!

Остановился. Огляделся. Выдохнул. Ну, понятно. Морок…

Выставил перед собой топор каменный, а вместо него — змея в руке. Вскрикнул, выбросил, а змеюка, едва земли коснулась, так сразу разлетелась каплями водицы. Протер глаза. Усмехнулся. Ух, давно не было у меня с мороком встреч. Многих колдунов изрубил, такими фокусами занимавшихся.

— Ух, знаем, знаем штучки эти. Стоило догадаться, что не обошлось без ваших козней…

Я нащупал на груди оберег, поцеловал его и выставил перед собой. С ним-то точно ничего не случится, ни в паука, ни в летучую мышь не обернется.

Опять появилась вдалеке женщина и опять пропала.

— Но откуда взяться ведьмам? Откуда? Истребили ж всех…

— Храбрый… — едва слышно, будто на ухо прошептанное, услышалось из-за спины.

Развернулся — вижу опять женщину вполоборота.

Пошел к ней. Опять шагнула в туман.

— Сильный…

— Не врешь. И храбрый, и сильный. А ты труслива и слаба. Только и можешь с ума сводить простой люд, но со мной этого не случится.

— Мудрый…

— Покажись!

Увидел. Сидела она, смотрела в ту самую лужицу. Медленно подошел. Собирался схватить, но, когда руки потянулись, уже понял я, чье лицо увижу, развернув к себе.

— Лиза… — задохнулся. — Лизонька…

Не знал, обнять или оттолкнуть. Точно, она. С родинкой под глазом и шрамом едва заметным на подбородке. Отшатнулся.

— Подло, — сказал я, смотря в ее глаза, а затем зарычал в небо: — Слышишь?! Подло это! Нет ее больше! Своими руками хоронил, вами — подлыми тварями убитую!

— О как, — удивилась Лиза, улыбнулась ядовито и заговорила шакальим голосом: — Этого я не знал. Вот так поворот…

— «Не знал»? Кто ты?

— Погоди, погоди с вопросами, — продолжил гнусавый голос. Совсем не ее, совсем не любимой моей.

— Пошел прочь из нее! — крикнул я и набросился на тело Лизы.

Оно пропало, а я в луже оказался по колено.

— Расскажи мне о ней, могучий воин.

Я огляделся по сторонам. Нет никого, но голос — будто совсем рядышком. Будто во мне.

— Я тут.

Смотрю под ноги, а вместо отражения своего вижу Лизу, улыбающуюся. По-доброму, по-светлому. Так, будто дурень остался-таки с ней погулять.

— О ней. Расскажи мне. Кто же это? Лиза. Лизонька. Елизавета.

— Да я тебя… — топнул, капли во все стороны полетели.

— А чего ты такой злой-то? — засмеялся чужак, и смеха такого никогда мне слышать не приходилось. Такой только черту проклятому и мог принадлежать. — Мне ведь интересно. Мне казалось, что ты просто вояка, а тут вот какое интересное дело: пущай и вояка, но с сердцем израненным.

Я шагнул из воды, а она вновь собралась подо мной. Быстро пошел, затем побежал — и все равно водица на месте. Присел, смотрю в отражение свое. Опять рожки. Руками голову трогаю, но нет их там.

— Ну так что, расскажешь? — вдруг заговорил мой собственный рот в отражении.

Я вскрикнул, задом в лужу упал и забормотал все молитвы, что в голову приходили.

— А, это ты правильно молишься. Да, кажется, не слышит тебя Он.

— Он всегда слышит! Даже если язык отнимется, сердцем взмолюсь, и того хватит!

— Тут ты верно говоришь. Но что толку от молитв твоих, если самой веры у тебя нет уже?

Я промолчал.

— То-то же… А я ведь вижу в тебе столько места, что когда-то вере отдано было. А теперь там пустехонько совсем. Почему так? Куда дел верушку свою? Это из-за нее?

— Не скажу ничего. Но найду тебя и придушу!

— А это вот вряд ли. Считай, что нет тебя больше. Уснешь сном погибели, а друзья твои одни останутся в лесу заколдованном. А кругом много дурного обитает. Вышло темнодело дальше, чем поначалу хотелось. Теперь разрастается.

— Кому хотелось? Кто это сделал? Ты?

— Не-а. Нетушки. Но наблюдать за этим правда интересно. Ну так что делать будем? Ох, долго не проживут, беднаи, без защитника своего…

— Хорошо, — вздохнул я. — Чего знать хочешь?

— О ней. О любимой твоей. В лес этот разный люд забредает, и всяко-разное интересное нахожу

на душе у них. А у тебя тут, как грится, полный набор всего. Сколько тут гнева и ненависти. К кому это все?

— К кому? К колдовству и отродьям его!

Я встал на ноги и прислушался. Кто-то с кем-то спорил, где-то наверху, но не надо мной, а будто надо всем миром, в котором я оказался. Я услышал: «Так это он? Ты не говорила, что это сам…»

— Где ты?! — рявкнул я в небо.

— Да стой ты, дай с ним поговорить. — Голос вернулся ко мне. — Про всяко злое я сразу понял. Его в тебе много. А доброе где? Любовь где к Лизоньке твоей? Покажешь, где припрятал? А то душа… она ведь такая бесконечная.

— Клянусь Создателем…

— Вот! В этом-то Его тайна. Как же он так умудрился крохотную людскую душонку стольким разным заполнить? В такие моменты… вспоминаю о том, что сам я ничего не представляю. А ты… ты! со своей Лизонькой…

— Я удавлю тебя, если произнесешь ее имя!

— Прости, прости, царюшка.

Знает, кто я. Ну конечно, он ведь в моей голове.

— Ну… давай-ка попробую разделить темное и светлое. Ты ведь знаешь, что в каждой душе оно

есть? Гнев и ненависть… — Туман справа от меня окрасился красным. — Любовь и тоска. — Туман слева — синим. — Много и того, и сего… А это что?! — вдруг закричал он.

Впереди появилось что-то черное, округлое, словно колодец, только стоячее, в меня уставившееся. Черное зеркало.

— Печаль, обида… Нет. Не то. Что это?

— Не знаю, — ответил я, но, сам того не заметив, направился к пятну.

Оно втягивало в себя все — и красный, и синий туман.

— Точно? Не врешь мне?

Я потянулся к пятну рукой и почувствовал, как меня самого внутрь тянет. И мне хотелось в него уйти. Упасть. Утонуть.

— Ну подожди, подожди, мы почти закончили! Умоляю! — заговорил тот же голос опять где-то сверху. — Давно такого не видывал!

— Что закончили? — спросил я.

— Я не с тобой. Прости. — Его голос будто отдалился и спор продолжился: — Ну еще чуть-чуть! У нас ведь был уговор!

— Отпусти его! — женский голос.

— Марфа? Марфа!

— Она не слышит тебя. Да и ну ее, все равно

все забудешь, как проснешься. Давай продолжим. Опиши мне, что ты чувствуешь, глядя в это темное…

— Я даже не знаю, что это!

— Да как же так?! Оно в тебе! Как ты можешь не знать, что это, если оно занимает так много места! Растет и растет все эти годы и съедает тебя! Что это? Я очень-очень хочу знать. Я никогда не видел такой раны! Такой большой! Она ведь засасывает всего тебя! Что это?! — голос опять отошел. — Прошу тебя! Он такой интересный!

— Я войду туда, — сказал я.

— Хм-м-м… Не лучшая мысль. Я не знаю, что это, и, возможно, не смогу тебя пробудить…

И я вошел. А затем услышал голоса. Тысячи. Они кричали, стенали, молили о помощи, а затем в этой тьме появились глаза и уставились на меня. Голоса начали меня проклинать. Их становилось все больше, больше, и средь них в темноте ждала она — любимая, но больше не тянула она ко мне руки. Она смотрела с укоризной. Взгляд этот был хуже любых слов. Пригляделся. Не на меня смотрела, а на руки мои, что уже по локоть в крови были — и не припекшей, а такой, что капала с пальцев и не заканчивалась.

— Буря… — послышалось из-за спины. — Буря,

выходи оттуда!

— Это… это… — начал я догадываться.

Мою руку схватили, потянули обратно, и вернулся я в туман, но вместо него вдруг оказался по пояс в воде. Марфа вытянула меня из мира дурмана. Весь промокший, я выполз из лужицы едва шире моих плеч.

— Буря… — тяжело задышала Марфа.

— Вина… — пробормотал я.

— Чего?

— Вина…

— У меня только вода. Нет вина.

— Вина! Вина! — завопил тот же гнусавый голос, и вот вокруг меня уже плясал черт. Настоящий, черный, с рожками и хвостом, а на кончике пламя. — Я так и думал! Шучу, не думал! Вина! Но за что? В чем же ты виновен? Что сделал такого? За что мучаешь себя? Что тебя сжигает? Расскажи!

— Отстань! — крикнула на него Марфа.

— Я просто хочу знать, в чем он виноват, да и только.

— Во всем! — крикнул я и набросился на него.

— Ай!

Он исчез и появился у меня за спиной. Я потянулся к топору.

— Может, все-таки заколдовать? — спросил он у Марфы.

Я ударил. Каменный резак вонзился в землю.

— Тебе определенно нужно это проработать.

Я поднял глаза наверх. Он сидел на ветке.

— Никто никого заколдовывать не будет, — сказала Марфа. — Давайте успокоимся.

— Успокоимся?! Это ж черт! Настоящий! — теперь крикнул я, указывая на него пальцем. Потянулся к оберегу и выставил перед собой.

— Не-а, — покачал он головой. — Черт — мой отец. Ну, тот самый. А я, стало быть, его сын. Бес. Но не простой. Любименькай из тысяч таких же. Вот он и разрешает мне иногда к вам наведываться. Козни строить. Ха! Да кому эти козни нужны? Мне больше полюбилось в игры с вами играть. Чтобы было чего на кону! Чтобы…

— Ах ты… — Я поднял с земли камень, замахнулся, а его уже нет на ветке.

— Мне нравится твой друг. Что это? Кого с кем смешал, чтоб получить такое? — Бес интересом разглядывал Чуденя.

— Хватай его, Чудень! — отдал я приказ.

Бес щелкнул пальцами, и зверь застыл, открыв рот.

Я швырнул камень, бес поймал его и вмиг обра-

тил яблоком. Надкусил, скривился и выплюнул.

— Мурка!

Опять щелкнули пальцы — и развалился мертвяк на косточки.

— Давайте все успокоимся. Буря, он нам не враг, — сказала Марфа, закрыв беса собой.

— Ты его знаешь?

Она виновато отвела взгляд.

— Да… У нас был уговор. Коль от обещания отказался бы, он бы тебя заколдовал и заставил…

— Чего-чего? — Бес удивился.

— Чего-чего. Подтверждай, что такой уговор был.

— А… Ну да… Был-был. Подтверждаю. Только клясться не проси. Сам понимаешь.

— Так это он причина всех бед? — задумался я. — Может, он Злое зло?

— Я? — Он огляделся. — А, вы про лес.

— И мертвяков.

— И мертвяков… — Он подумал, уставившись на Марфу. — Ну, что-что, а вот тут я совсем не при делах. Что случилось, то случилось. Других вините.

— Буря. Это пророчество, — заговорила она. — Богатырей больше нет. Ты сам видишь, как растет зло. Мы должны его остановить. Ты ведь

поможешь?

Я нахмурился. Посмотрел на Марфу и беса. Тот пожал плечами, будто бы согласен, а разговор о какой-то детской забаве идет.

— Не люблю, когда за моей спиной тайны такие прячут. Клянись, что больше ничего не утаила.

Она помолчала и виновато кивнула.

— Больше ничего…

— Хорошо.

— Бес, ты поможешь? — обратилась она к проклятому.

— Можем новый договор заключить. — Он хищно улыбнулся.

— Мне больше нечего предложить, — сказала она.

— Тогда я умываю руки. — Бес пожал плечами, а рук мыть не стал. — Как же тебя…

— Марфа, — подсказала она.

— Марфа? — рассмеялся он. — Ну Марфуша, ну хитрица, — погрозил ей пальцем. — Ну хороша… Удачи вам в битве.

Бес поднял пальцы, чтобы еще раз щелкнуть, но остановился, глядя на Клюва.

— Хм… Какой необычный состав у вас. Все как один заколдованы. Только кобыла нормальная. Подарите?

— Именем Создателя изгоняю тебя! — громом произнес я.

— А вот тут дело говоришь, — кивнул он, щелкнул пальцами и исчез. Только и оставил после себя мерзкий гнусавый смех.

Чудень очнулся и залаял как ни в чем не бывало. Мурка принялся собираться.

— Никого лучше в союзнички найти не могла? — процедил я, зло посмотрев на Марфу.

— Я ошиблась. Много раз, — ответила она виновато. — Прости. Все простите.

— Будь проклято все колдовство этого мира… Идемте уже Злое зло убивать.

Глава 25. Мой чудной отряд

Остановились мы в версте от кургана. Смрад бил в нос все сильнее, мертвяками несло. Солнечные лучи робко проникали через ветви, хотя деревья иссохли. Живности никакой не было: либо погибла, либо сбежала.

Опыта в неожиданных нападениях у меня было хоть отбавляй, а потому решили действовать, как стемнеет. Никто не ожидает нападения вечером. Если нападем неожиданно, то, может, быстро управимся.

Как же захотелось разжечь костер, опалить корни камыша, вырытые еще ранним утром, и проглотить, да нельзя внимание привлекать. Ни костром, ни запахом.

Чудень заскулил, глядя, как я чищу корень от кожуры. Бросил ему как есть. Зверь вместо меня разом и проглотил.

— Он не должен был в голову тебе лезть. Бес, — произнесла Марфа. — Вообще не должен был появляться. Ты сдержал слово. Ты пришел.

— Какой уговор вы заключили? — спросил я. — Что взамен?

Она не ответила. Рисовала что-то веткой на земле.

— Марфа. Какой уговор…

— Не скажу. Не твое это дело.

— А это мое? — Я кивнул в сторону кургана. — Я за тридевять земель пошел, чтоб деревушку твою уберечь. Жизнью рискую за людей, мне незнакомых.

— Таков ваш удел.

— Чей?

— Добрынь. Героев. Богатырей. Храбрецов и прочих молодцев. Называй как хочешь. Люд простой от бед спасать, чего бы это ни стоило.

— Никакой я не богатырь. Сколько повторять? А про спасенный люд… — Вспомнились руки, что тянулись ко мне из темного омута, что внутри меня. — За тысячу верст вокруг не найдется никого, кто погубил бы больше людей, чем я… Ничего ты

не знаешь, Марфа, хоть умную из себя строишь.

— Ну, просвети меня. Как один простой человек мог столько душ погубить?

— Потому что я… — Ох, близок был к тому, чтобы царское прошлое раскрыть ей, но сумел язык прикусить.

— Что?

— Не скажу. Не твое это дело, — повторил ее же слова.

Я встал и отошел от лагеря, опять увидел лужицу, взглянул в отражение свое. Притронулся к голове: вдруг рожки еще там. Не было ничего.

— У-у. — На ветку сел Клюв.

Смотрели друг на друга молча.

— Может, от тебя все беды, а?

— У-у?

— Ну да. С тебя все началось. Нашел себе землицу по душе, а ты тут как тут. Потом Чудень, Мурка и эта раскрасавица. А если умру я тут? Великий царь… — я затих, огляделся, никого не было, — Владислав Непобедимый. Непонятно где, в каком-то проклятом лесу, в компании совы, мертвяка, чудного зверя и женщины, что с бесами якшается. Никто не узнает, где схоронили меня. Да и схоронят ли? Тьфу… Так ведь схоронили же царя. И памятник Еремей обещал из золота. И все.

Коль умру — останусь тут гнить — добрыня без имени. А все знаешь почему?

— У-у?

— Потому что сердце у меня доброе. Вот. Надо было отказаться и строить дом свой дальше.

— У-у.

— Да чего теперь менять, — махнул я рукой. — Мужик от слова своего ни на шаг. Обещал — выполняй.

Посмотрел я еще раз в свое отражение, а вместо меня опять бес. Я отпрыгнул.

— Спокойно! — сказал он и поднял руки над головой. — Я уже ухожу! Просто подумал… Коль выживешь, царюшка, в приключении своем…

— У-у! — возмутился вдруг Клюв.

— Ну ладно, в Большом военном походе. Дурацкое название.

— Временное, — буркнул я. — Стой. Ты его понимаешь?

— Сову? А ты нет? — Он усмехнулся.

Я только сейчас подумал о том, что так-то с недавнего времени начал понимать у-уханье Клюва, хотя сам будто сразу принял это как должное.

— Ой, сколько же тебя ждет сюрпризов!

— Сюпр… призов? Это что?

— Неожиданных поворотов судьбы, чаще приятных, но не всегда. Нрав у тебя скверный, любой черт обзавидуется, так что и приятное неприятным тебе может быть. Но то в будущем. Знай же, коль выживешь, найди меня. Потолкуем о наших делах будущих.

— Нет у меня с чертовым отродьем никаких дел! Ыть!

Хлопнул я ногой по луже, а там уже нет никого. Только мое расплывающееся лицо. Усталое и старое для таких дел. Еще и нога разболелась пуще прежнего.

— «Коль выживу…» — повторил я его слова, вздыхая. — Клюв?

— У-у?

— Коль погибну, рассказывай обо мне только хорошее. Уяснил? — Я указал на него пальцем.

— У-у.

— Идем. Давно я оружие в ход не пускал.

Когда мы вернулись к остальным, я увидел Чуденя, прыгающего вокруг Маришки, а та, словно терпеливая бабушка, лишь легонько отгоняла его.

— Где Марфа? — спросил я.

Чудень посмотрел в сторону толстого, теперь уже мертвого дуба. Я прошел в ту сторону, а когда

услышал ее голос, остановился и медленно обошел дерево. Моя спутница что-то втолковывала Мурке. Тот, почесывая подбородок костяшкой, внимательно слушал.

— …сразу же. Понятно? — завершила она. Мертвяк взволнованно закивал.

Когда под моей ногой хрустнула ветка, они оглянулись.

— Все хорошо? — спросил я.

— Да.

— Пора военный совет держать. Солнце садится.

Когда все собрались, я оглядел чудной отряд. Мой чудной отряд. Только сейчас, рядом с Маришкой, я заметил, как вырос Чудень. Размером с крупного кабана сделался.

— Н-да… — все, что вылетело из моего рта при виде боевого отряда. Если от зверя будет хоть какой-то толк, то на кой мне в битве сова, мертвяк безобидный и женщина, походной палкой размахивающая?

— Чего? — спросила она.

— Думаю о том, какой мне прок с вас всех.

— Ты за нас не беспокойся, героюшка.

— Не называй ненашимским словцом.

— Богатырь тогда. — Она пожала плечами. —

Лучше о том думай, как черепа будешь крошить. Вдруг забыл, как это делается.

Я посмотрел на свои навечно запятнанные кровью руки.

— Не забыл… — Посмотрел в небо, надеясь найти солнце. То с трудом нашлось. — Значит, дела обстоят так. Думается мне, что лучшим…

— Подожди, — опять влезла Марфа.

— Да чтоб тебя, женщина! Дай мужику дело сказать!

— Я говорила с бесом. Он знает, что тут происходит.

— И что же?

— Сейчас не это важно. Важно то, что нам нужен тот, кто всем злом управляет.

— Главарь какой?

— Да. Бес сказал, что это мертвяк с кровавым ожерельем. И… — Она замолчала.

— Что «и»?

— И очень большим мечом. Он и сам большой. Очень. И мы его узнаем. Сразу. Вот, — завершила она, поджав губы. Лицо ее казалось виноватым.

— Шутейное дело, — отмахнулся я. — Всяких убивал. И с мечами, и с копьями. И мелких гаденышей, и великанов всяких. А вот то, что нужен один конкретный мертвяк, — мысль полезная.

Есть еще чего сказать?

— Не-а.

— Точно? — нахмурился я. — Можно, теперь я скажу чего-нибудь на *своем* военном совете?

Марфа закрыла рот воображаемым ключиком.

— Значится, от вас толку мне никакого. Это понятно.

— От кого это? — почти возмутилась она.

— Ото всех вас. Кроме Чуденя. Ты иди сюда.

Чудень, радостный, запрыгал в мою сторону, кувыркнулся боком и показал брюхо, пушистое и белое. Ну, хоть кто-то воевать рад.

— Мурка.

Он поднял черепушку, будто проснулся, и та сразу отвалилась. Он погнался за ней.

— Понятно. — Вычеркнул его из списка. — Клюв и женщ… Марфа в военных делах без пользы. Сколько палкой ни маши, а против мечей да колдовства не попрешь. Да и умрешь если, что я жителям твоим скажу? Такого мне не надо. Решено. Никуда не идете. Ну и Маришку я на погибель не дам. Ее я люблю и ради нее сам сгинуть готов. А за вас остальных — нет.

— Меня-то можешь не любить, а чем Клюв провинился?

— Ничем. Но сова совсем бестолковая. Чего

мне от нее на поле брани? — Я топнул ногой. — Все. Мы, — я указал на себя и Чуденя, — боевой отряд, а вы все — вспомогательнай. Будете тут сидеть и за нас Создателю молиться. — Марфа было открыла рот, но я опередил ее. — Нетушки. Решено. Мы мертвяков крошим, ищем того, что с кровавым ожерельем, убиваем его, хворь лесную останавливаем и возвращаемся. Я строю свой дом, а ты деревушку свою и жителей ее ведешь к процветанию всякому. Все, идем, Чудень.

Тот разом встал на лапы, ощетинился и принял боевой вид.

Уходя, я развернулся и сказал:

— И… коль погибнем, садитесь на Маришку и вертайтесь обратно. До самого Солнцеграда. Отправьте весточку царю. Скажите Еремею о том, что здесь случилось. Он разберется с нечистью, как делал это отец до него.

Глава 26. Схороните на доброй земле

Шли мы тихо, и все же погибшая земля давала о себе знать: то ветки под ногами лопнут, то листья захрустят. По пути захотелось Чуденю нужду справить. Спрятался в кустах, дела свои делает, и вдруг как зарычит. Подхожу к нему и вижу, куда смотрит — немногим ниже меж деревьями мечник ходит взад-вперед. По шагу его понял: что-то с ним не то. Не стал я сразу нападать, решил ближе подойти да рассмотреть. Спустились. Слышу, хрипит утробно, и вони трупной прибавилось.

Вышел тихо сзади и кличу:

— Эй!

Тот обернулся, но не как человек живой —

только голова крутанулась. Захрустела шея, и посмотрели на меня мертвячьи глаза. Не такие, как у Мурки, а с кожей гнилой и червями из глазных прорех.

— Горите, чертовы пятки…

За головой повернулось и туловище, а затем и ноги.

— Ну и чьих ты будешь?

Мертвяк крепче ухватил меч и приготовился к бою.

— Ничьих уже, видимо.

Зашагал в мою сторону, издав рык нечеловеческай.

— Стало быть, и отвечать не придется пред роднею твоей.

В пяти шагах от меня мертвяк занес меч, а я метнул в него топор. Заостренный камень вонзился в грудь и с хлюпающим звуком разнес в щепки ребра да позвонки. Мертвяк развалился, а я, подойдя, выдернул воткнувшийся в землю топор. Оборачиваюсь, а вражина пытается вновь собраться.

— Будь проклято все колдовство этого мира.

Решил я не давать ему времени, пошел на него с топором, но Чудень меня опередил. Как подбежит, как лбом своим с появившимися бычьими

рожками снесет его! Затем черепушку схватил в зубы и раздавил. Тут и слег мертвяк окончательно.

Изучил я одежду на нем да вооружение.

— Не видел раньше такого. А ты?

Чудень тряхнул головой.

Взяв в руки шлем, я увидел на нем какие-то руны.

— Многобожники проклятые…

Развернул шлем, а оттудава паучище как вылезет!.. Я отпрянул, а Чуденю хоть бы что. Взял да проглотил пакость.

— Вкусно?

Он радостно кивнул. Я тем временем изучил меч — лезвие гнилое, насквозь проржавело, но это все еще было оружие, вполне пригодное, чтоб проткнуть противника. Прихвачу-ка.

— Ну, пойдем дальше.

Направились мы в сторону кургана.

— Коль и дальше враг такой встречаться будет, мы быстро с делом управимся. С ногой больной да одним глазом я б и сотню таких бестолочей переломил.

Вышли мы прямиком к цели своей. Меж деревьев холм круглый расположился, и сразу понятно — необычный. Слишком уж аккурат-

ный, и вокруг ни одного дерева, только грязь.

— Видел я и раньше курганы такие, совсем древние они. Да вот живого человека там не находил, только зверье вроде медведей могло на зимовку остаться. Будь настороже.

Вышли мы из леса и давай оглядываться. Чудень заворчал: почувствовал неладное.

— Ага. Их тут много, — ответил я, изучая истоптанное место. — Где-то тут.

Внутрь не полезли, да и в грязь не вошли — осторожно начали огибать. Ну точно людское дело: вокруг кургана все деревья срубили да выкорчевали, словно место под строительство освободили.

С обратной стороны увидели вход да окошки по сторонам, все поросшее травой и кореньями укрытое. Сразу понял я, что при следах столь многочисленных не должно быть так тихо, однако тихо. Знает нечисть, что мы тут, и попряталась внутри. А может, и ждала с самого начала храбреца какого-нибудь. Ну, вот он я. Однако только глупец полез бы в курган с коридорами подземными в поисках смерти своей. Чего думать, если никого уже не удивишь? Закричал я что есть мочи:

— Эй! Коль есть живые… кмх… или мертвые,

выходите! Будем дела решать под небом!

Тишина.

— Чуешь их?

Чудень кивнул.

— И я тоже. Выходите, твари. Проверим, чего стоите против одного старика!

Чудень вопрошающе заскулил.

— Пусть думают, что нет от меня проку в битве. Хотя… вряд ли они о чем-то думают. Черт бы их побрал. Идем.

И пошли мы, медленно ступая в липкую грязь. Приготовил я каменный топор в одной руке и меч поверженного мертвяка в другой. С каждым шагом все тяжелей и тяжелей становилось. Оно и понятно: глинистая землица, но слишком уж вязкой оказалась, хотя нога только по щиколотку вошла. Застрял на десятом шагу. Чудень принялся помогать, подталкивать. Не получилось. Взял его за хвост и отправил вперед. Почти выбрался, но снова увяз и понял: держит меня кто-то там, в грязи.

— Они под нами… — прошептал я.

Убрал на пояс топор, схватил меч обеими руками и вонзил рядом с застрявшей ногой. Тот с хрустом, как надо, вошел в нечто живое, от глаза спрятанное. Я попытался вынуть меч, чтобы

освободить и другую ногу, да отломилось ржавое лезвие. Благо Чудень, словно в воду, нырнул мордой в грязь, зарычал, хвостом задергал и вылез, держа в пасти руку гнилую. Выбрались мы оба.

— А ну, вылезай, смрадь поганая! Пришел конец твой!

Послушались мертвяки и повалили со всех сторон, и было их даже для великого воина многовато. Стало понятно мне, что в кургане этом покоится некто, такой властью наделенный, что вместе с собой схоронил целый отрядец.

— Чудень! Убивай гадов!

Открыл зверь рот и выпустил с рыком облако пламени, сразу трех мертвяков охватившее, а с пламенем этим началась наша смертельная пляска.

— Знайте же, что поклялся я больше никого жизни не лишать. Хорошо, что вы уже мертвы!

Отбил каменным топором удар, стукнул локтем по шлему, и хрустнула шея мертвяка. Вдарил ногой по груди — упал он, а за ним и топор мой в череп вошел. Ну, покончено с одним. Помчались в мою сторону еще двое, а я — к ним навстречу. Ых! Застрял сапог. Вылезла нога с дырявой портянкой. Отбил я удар одного меча, затем второго. Вытащил сапог, не было времени надевать,

швырнул в третьего. Отлетела черепушка, и давай тот размахивать секирой вслепую, так, что своих же сносил. Завертел я топором. Одного разрубил поперек пояса, а из живота его полезли пауки да черви. Он давай их собирать — и на место, будто ценности в мешок.

— Мерзость! Погибай!

Что-то под землей схватило меня за ногу. Рубанул, освободился и давай сечь воздух вокруг себя. Окружили трое. Зарычали на меня ртами гнилыми, а я рыкнул в ответ так, что отшатнулись они. Но едва занес топор, остановился: меж нами на заду, словно по снегу, прокатился Чудень, держа во рту черепушку, а за ним бежал мертвяк безголовый. Проводили их взглядами и продолжили бить друг друга.

Ух, вспомнил былое. Хороший бой, жаль, Перепейко нет, чтобы воспеть храбрость мою. Как крушил черепушки, как топил в грязи заколдованную смрадь. Какая бы песнь получилась, не грех с ней по всему царству прокатиться, полные площади собирать! Возвращение Бури! Нет. Царское дело! Нет. Великий поход на мертвечину! Хорошо звучит!

Через кости да грязь пробился я к входу в курган и все же вновь увяз, но теперь — от усталости.

Там, окруженный мертвяками, понял: все-таки старею, если не для военных походов, то для долгих битв. И топор каменный тяжел стал, и руки мои предательски заныли. Скулящий от ран Чудень пробрался ко мне.

— Стой за мной! — велел я и дал топором по ребрам очередному гаду, а когда вынул оружие, понял, что камень остался там, в теле врага.

Не вовремя. Ух, не вовремя…

Мы попятились к входу. Я насчитал десятерых последних мертвяков. Как же обидно стало, что нет у меня ни сил, ни оружия на них. Вот бы секирушку царскую вернуть — показал бы им, с кем связались.

Внезапно остановились адские отродья. Смотрю в черепушки червеглазые и понимаю: глядят они мне за спину. Обернулся — и вижу того самого мертвяка, с ожерельем цвета крови. Встречал я людей высоких, но этот исполином оказался, на голову выше меня самого. Такой же, как весь его отрядец, — с облезлой кожей, с грязными лохмами, с червями в глазницах и жуками во рту. И держал он в руках меч невиданных размеров.

Расступились прислужники, дали ему место, а он оскалился, будто улыбнулся, — и, занеся меч, ударил. Мы с Чуднем отпрыгнули в стороны.

Ударил он еще раз, а я по привычке оружием своим отбился — сломалось древко топора, будто веточка.

Мертвяки больше не нападали. Лишь смотрели, как волки, пока вожак их, царь мертвячий, первым кровь пустит забредшим в его логово овечкам.

Ударил он еще раз. Я успел пригнуться, уклониться, но больная нога заныла. Нащупал в грязи камень, метнул его, но поскользнулся, и валун вместо головы пришелся в костяную ногу мертвяка. Та подогнулась. Не устоял вражина, упал на одно колено. Набросился я на него, схватил за плечи, собрался было завалить в грязь, но почувствовал боль жгучую в бедре. Глянул — откуда торчит нож. Мертвяк оказался умнее подручных и быстро вправил ногу на место.

Понял я, что конец мне, когда сам упал в грязь, обессилевший. Посмотрел в глаза проклятого царя, и опять показалось на мгновение, что улыбнулся он мне гнилым ртом. Занес меч в последний раз, а я простился с жизнью и представил, как встречаю Лизоньку свою. Опять она журить меня будет за то, что в битву ввязался. Скажет, что предупреждала множество раз. Вот и доигрался наконец, храбрый, но глупый воин.

Услышал я рык Чуденя, а за ним и крик Марфы, палкою сносящей черепушку одного из мертвяков. Клюв приземлился главному вражине на голову — и давай клевать, а тот, забыв обо мне, принялся отбиваться. На Мурку мертвяки напали не сразу: будто вначале своего признали, но тот был и костьми бел, и душой добр к живым, а потому, надев чей-то шлем и схватив щит, бросился на них.

Смотрел я на битву двух отрядов — живого и мертвого, держась за рану в бедре.

— Ну как? Справляешься?! — спросила Марфа и подала мне руку.

— Я тут понял кое-что… — ответил я, еле поднимаясь на здоровую ногу. Затем схватился за рукоять ножа и выдернул из бедра.

— И что ты понял? Что в помощи нужду испытываешь?

Марфа умело закрутила палкой над головой — и давай лупить мертвяков одного за другим.

— Не-а. Что стар стал для таких дел.

— А я говорила! — крикнула она и проткнула древком главного.

Того это только позабавило: он потянул Марфу к себе, но тут уже и я подоспел. Схватил его за ребра, он меня — за пояс, и началась между нами

борьба. Упали оба. Он оказался наверху, сдавил мне горло. Рядом промчался Чудень, держа в зубах громадную корягу и сбивая с ног проклятый отряд.

Голову царя со шлемом рогатым тоже сбил.

— Они встают и встают! — закричала Марфа.

— Разбивай черепа! — подсказал я.

Она подняла с земли валун и разбила одну из черепушек. Главарь, отпустив меня, пополз за своей головой, схватил за рогатый шлем и пристроил ее на место. Я все пытался встать. На помощь пришел Мурка, потянул ко мне руки; я схватился — и обе разом отсоединились от его тела.

— Прости, Мурка! — принялся я его руками от вражеских мечей отбиваться, стоя на одном колене.

Сам он, разбиваемый в кости, раз за разом собирался вновь и отвлекал врагов.

— Буря! — закричала Марфа, еле отбиваясь от царя с кровавым ожерельем. Тот поднял бревно и пытался ее пришибить.

— Чудень, помогай! — крикнул я, но зверя схватили сразу несколько гадов и утягивали в грязь.

— Буря! — закричала Марфа вновь.

Я попытался встать и понял, что опять подло кем-то схвачен.

Но тут Маришка пришла на подмогу: разбрасывая грязь во все стороны, прискакала ко мне. Лягнула двух, а я схватился за ее уздечку и поднялся.

Марфа взвизгнула, упав на землю, и потеряла, кажется, сознание.

— Марфа!

Я швырнул попавшуюся под руку мертвячью голову в царя, занесшего бревно для последнего удара. Он отвлекся, покачнулся, и бревно ударило в землю в другом месте.

Чудень, зарычав, поджег державших его мертвяков, но те, объятые пламенем, все равно его не выпускали. Очередное нападение Клюва заставило проклятого царя поскользнуться, и тот упал. Я заковылял на помощь Марфе, но меня, безоружного, окружили трое. Будь у меня меч, самый гнилой, самый простой, любой, даже тот, что нашел я в грязи на болоте и об который поранил ногу… хотя бы тот черный меч…

И меч тот, словно из воздуха взявшись, вдруг оказался в моих руках. В его черном лезвии не отражался свет, но он был легок и словно просился в бой. Будто ждал, что я его призову.

— Будь проклято все колдовство этого мира…

Вступил я в бой и быстро разнес в клочья вра-

гов своих.

— Марфа!

Царь мертвяков уже вновь заносил свой огромный меч. Марфа, к которой вернулось сознание, попыталась отползти, но главарь схватил ее за щиколотку и потянул к себе.

Он не успел ударить: я как мог бросился вперед. Оказавшись рядом, отбил опускающийся клинок, и меч врага сломался вдвое. Затем я нанес удар своим и отсек мертвяку руку, следом — вторую и ударом сверху расколол надвое рогатый шлем и голову вместе с ним. И подох он, наконец. А с ним и остатки его войска.

— Знаешь, Марфа, — сказал я, тяжело дыша. — Мне на роду написано, что не погибну я от рук живого человека. Но этот был мертвый.

Я развернулся к ней и показал ржавый сломанный меч, вошедший в мою грудь. Прямо туда, где каменное иль черное, но сердце находилось.

— Буря…

Она положила руки мне на рану. Я огляделся по сторонам. Все были живы.

— Столько битв пережить, чтобы тут, в грязи… незнамо где и против кого…

Я упал.

— Буря… — повторила Марфа.

— Дело сделано… Схороните… схороните… на доброй… земле.

Слеза покатилась по ее щеке и капнула на мою. На груди запрыгал Клюв. Чудень лизнул руку. Мурка привел Маришку. Она одним взглядом своих грустных мудрых глаз будто сказала мне, что все к этому и вело. И что молодец я и покой заслужил.

— Ты похожа на…

— Я знаю. На Лизу. Нам всегда говорили, что мы похожи.

Я, удивленный, открыл рот, но получился лишь хрип. А потом мои глаза закрылись, и понял я, что душа выходит из тела.

С надеждой увидеть любимую и со страхом, что ответ держать придется пред всеми душами, мною погубленными, я умер.

Глава 27. Марфа

— Он умер, — выдохнула Марфа, глядя на тело Бури. Может, еще не умер, но тут все понятно. Никакое проклятие меч из груди не сможет вынуть.

Да и какой еще Буря? Царь Владислав Непобедимый. Владислав Кровавый.

Нет его больше.

Это было на грани, еще немного — и пришлось бы ей выдать себя. Но теперь все кончено, убит он, отомщены любимые сестры. Все. Даже Елизавета Ясная, любимая сестра. Где был ее ясный разум, когда она влюбилась в этого ужасного человека?

Незаметно начался дождь, и под его каплями стали собираться мертвяки вновь, во главе с вожаком, а отряд Бури, растерянный, сжался

в комочек. Но им не стоило волноваться, ведь все с самого начала задумывалось не ради их погибели.

Марфа ударила по земле своей походной палкой, и превратилась та во всамделишный ведьминский посох — изогнутый кверху, с древними письменами. Вожак мертвяков уже встал на ноги, его располовиненная голова собралась вновь, и полсотни воинов кто во что горазд приготовились к новому бою.

— Не сегодня, — сказала Марфа. — Вернись в грязь, Проклятый, и отродья свои с собой схорони.

Не успел тот замахнуться мечом, замер: Марфа уже коснулась его кровавого ожерелья посохом. То разбилось, и вмиг сгинуло все нечистое войско.

Марфа оглянулась. Пальцы мертвого Бури все еще дергались, как и ресницы, но более не слышал он ее и не видел. И грудь вздымалась в последние разы.

«Наконец-то», — подумалось ей. Или не подумалось, но должно было. Ведь сделала она все как надо. План сработал, хоть и не с первого раза.

Будь кровавый царь обычным человеком, может, и убила бы сама ножом в спину. Но не было

шансов: двенадцать войн и сотню битв прошел он со своими войсками. Столько шрамов, столько ран — и жив-здоров. Ни ядом не взять, ни стрелой. Оттого-то и пришлось ввязаться в Большой военный поход. Чтоб уж наверняка, за ручку к погибели привести.

— Дурацкое название… — пробормотала она, опустившись на колени, в грязь.

Рядом застучал зубами Мурка.

— Я знаю, что временное. Но могли бы не делать всего этого… Посмотри, сколько земли погибло из-за возрождения Проклятого царя и его отряда. — Она огляделась по сторонам. — Если бы ты мог ткнуть его мечом!

Мурка посмотрел на свои белые костлявые руки и замотал головой.

— Вот. Из-за этого все сложности наши. Он убийца, — ткнула она пальцем в царя. — Жестокий убийца! А ты глупая и добрая душа.

— У-у? — спросил Клюв.

— Я не понимаю тебя. Но знай, птица, что не стоит этот человек наших слез. Если на то пошло, то из-за его дел *реки* слез текли материнских.

Она смахнула еще одну слезу и удивилась ей. Ведь первая была не по царю, а по сестрам, хотя глупец и думал, наверно, что по нему. Но откуда

взялась эта?

Чудень зарычал.

— А тебя я вообще не знаю! — крикнула она на него, зная: глаза ее стали на миг еще зеленее, будто вспыхнули. Природная суть ее, с детства забытая, просилась на свободу. — Не горюйте по нему! — Она встала. Потянула руку к Маришке, но та отпрянула, отошла. — Ну и ладно.

Марфа огляделась, нашла валун и положила на него большой прозрачный камень. Алмаз, алмаз возрождения, от беса полученный. Не предупредил, что зла от алмаза больше, чем возвращение к жизни мертвых. На то и бес. Если бы знала она, что землю травить начнут курганов захоронения, то другое бы решение нашла. Но дело уже сделано, а земля восстановится рано или поздно. В отличие от Бури.

— Вот чего удумал… — забормотала она, усмехнувшись. — Жить захотел в лесу. Себе в радость и сладость. После всего, что наделал… Конечно. — Она посмотрела на него еще раз. — Будь ты проклят, — выдавила она из себя. Прицелилась взглядом к алмазу и подняла над головой посох.

Мурка вновь застучал зубами.

— *Меня* спас? Да я так и задумывала!

«Или не задумывала», — мелькнуло в голове.

Ведь план был прост: найти способ погубить царя в дороге. Первой напала луговая тварь, но не смогла окутать его разум, да и отряд помешал. Потом был лесовик, и тут уже Мурка зачем-то вступился. Да и она сама слабину дала. Ведь зверь этот неспроста уснул. Это она силой ворожбы усыпила его, да так перетрудилась, что лишилась чувств. Упала с дерева, головой ударилась… В следующие ночи и на Ромашке, и в трактире размышляла она, почему спасла Бурю. Потому что хотела или потому что сама испугалась лесовика? Не нашла ответа и поклялась себе, что в этот раз не вступится. А вот Буря, наоборот, заступится за жителей Зеркального, если его подтолкнуть. А когда призрак утопит спасителя, Марфа и бровью не поведет, даст ему погибнуть. Не знала она, что от колдовства призрака уснет, но надеялась, что в этот раз царь умрет уже и будет отомщена ее семья — все погубленные им ведьмы.

Или не надеялась.

Открыв глаза, она тут же увидела, что, расталкивая всех, ковыляет к ней Буря, имя выкрикивает — так, будто дорога она ему. И подумалось ей: как хорошо, что он рядом. Всего на мгновенье подумалось, но как погано на душе стало! Что, она такая же предательница, как старшая сестрица,

Лиза Ясная? Сама влюбилась в этого негодяя?

Глядя в глаза его на празднике, пыталась понять она, что чувствует. И как чувство это прижечь.

Оставалось только дойти до кургана. Может, Проклятый царь и отряд его погубят Бурю? Но когда увидела она, что сделала нечисть с лесом любимым, как отравила саму землю, погубила живность всякую… стало понятно: не Бурю надо убить любой ценой, а нечисть эту остановить.

«Глупые вороны», — подумалось ей. Все три птицы сидели на ветвях. Почему не сказали, что дело приняло скверный оборот? Ведь должны были следить и за Бурей, и за Проклятым поочередно.

Она замахнулась посохом, но на валуне алмаза уже не было.

— Что? — она огляделась. — Где? Мурка?

Тот замотал головой. Руки его были спрятаны за спину.

— Мурка… Отдай алмаз.

Опять замотал головой.

— Покажи руки.

Он показал, но одну руку. Второй почему-то вообще уже не было. Марфа огляделась и увидела, как кисть, держа одним пальцем алмаз, другими по-паучьи взбирается на Бурю. Приложила она

алмаз к ране. Ничего не произошло. Попыталась несколько раз.

— Не надо, Мурка. Не для этого я тебя оживила.

Она подошла. Взяла в руки костлявую кисть, забрала алмаз. Посмотрела на него и на Бурю. Горе горькое мучило. Она знала, что будет тяжело. А как же иначе? Сдружились в походе, а может, и что-то большее промелькнуло, но это все ничто по сравнению с болью, которую принес этот человек всем на тысячи верст.

— Да и не Мурка ты никакой! Ты просто чьи-то кости! Я даже не знаю, кто ты! — Она с криком швырнула кисть в Мурку, но промахнулась. В этот раз он не пошел искать свою конечность. Он просто смотрел в глаза.

— Прости… — сказала Марфа. — Прости. — Она оглядела весь отряд. — Простите все вы. Не хотела я вам боли. Никому не хотела. Даже ему. Просто хотела, чтобы он вкусил то, чем одаривал остальных. Хотела, чтобы все было честно. Справедливо… А теперь хочу все это закончить…

Чудень подошел к хозяину и лизнул его щеку, затем, скуля, заглянул Марфе в лицо.

Все на нее посмотрели, наверное, в ожидании, что она поступит как *должно*. Как хороший человек. Коим она себя и считала. И пусть люди

думают, что ведьмы — зло. Многие ведьмы злом и были, но не она. Она всегда оставалась где-то между: и для людей, и для живности лесной старалась полезной быть, но, когда прознала, что сам царь поселился рядышком с ее деревней, показалось ей справедливым его убить. Будто сама судьба мольбам ее ответила.

Мурка в последний раз скрежетнул зубами.

— Почему же?

Он повторил.

— Не похоже на меня? Похоже! Я ведьма! Я делаю то, что пожелаю!

Она упала на колени рядом с Бурей и заплакала — по всему, что отнял он и ему подобные. По Лизе. Не таким был план изначальный. Сестрица должна была шпионить за негодяем и, если придется, — погубить, ради семьи, ради остальных, какими бы ни были. Семья ведь. Не должна была она его полюбить.

И Марфа тоже не должна была.

— Будь проклято все людское этого мира… — произнесла она и приложила кровавый алмаз к его сердцу.

Коль оживила Проклятого, то и этого, все еще теплого, могла оживить.

Произнесла заклятие, закрыла глаза и ждать

принялась. Взглянула на Бурю задумчиво. Не сработало. Не загорелся алмаз. Ослабла она? Потерла руки, крепче взялась за посох, прижала им алмаз к груди. Зажмурилась и повторила.

Опять ничего. Что-то мешало. Но что? Может, алмаз возрождения силу утратил? Вроде горел как надо. Что-то другое будто защищало Бурю от дел колдовских.

Догадалась. Лизин подарок. Оберег этот украла она у сестер, познав, что собираются они убить царя — мужа ее, отца ее детей. Украла и подарила ему.

Марфа разорвала рубаху на груди Бури, схватила оберег и зашипела от боли. Сдернула его и отбросила, но с ладоней уже потянулся дым. Перетерпела жгучую боль, собралась с силами и попыталась еще раз. На этот раз алмаз загорелся сильнее, вышли из него нити багряные и скользнули в рану. Схватилась она за рукоять меча и вынула его. Кровь не потекла, удерживаемая алмазом.

Прошептала она еще одно заклятие.

— Просыпайся…

Буря не двигался. Она прильнула к его груди и поняла, что сердце это более негодно, не бьется правильно, да и не бьется вовсе. Нужно другое.

Где ж его взять? Чем заменить?

— Ищите вереск… Все ищите вереск! — приказала она.

Вереск растет везде, вереску все нипочем. Нет на земле травы более упрямой, и нити жизни его под толщей земли и камня сплетаются в коренья. Которые испокон веков колдуны и чародеи, знахари и рунных дел мастера называли вересковыми сердцами.

Все погибло в этой смради. Только у вереска был шанс.

Глава 28. Что ты наделала?

Возвращались мы из похода, распевая песни победные, старались быть веселее обычного. Помнить торжество, но не то, чем война по сути своей является.

Да, сожгли царство супостата, но так вернее. Больше не будут на наши земли рты разевать, да и запомнят надолго пожар этот.

Встали последним лагерем на холме, глядя на то, как Солнцеград величественно возвышался надо всей долиною. И тут Андрей Палевкин раскатистым голосом как запоет песню о мальчике, сыне царском, имя которому Вереск, потому что

хоть и хворал с первого вдоха и умереть готовился, но выжил-таки. Выжил и получил затем новое имя, Владислав, но сердца верескового, неубиваемого не утерял. Стал воином великим и по сей день им оставался.

Мудр и храбр Владислав Непобедимый.

К вечеру под стук барабанов вернулись мы в столицу. Жители встретили нас радостным гомоном. Со всех сторон звучали благословения мне и всему войску, конь мой топтал цветы, брошенные на главную дорогу. Затем вышли мы на площадь, где встретил меня совет, а за ним и супруга, но не успел я подойти к ней, как дорогу мне загородил Еремей. Тот, что просился в бой, хотя не было ему еще и шестнадцати.

Обиженный, он сообщил, что за время похода ему исполнилось бы сколько надо летов и что он готов к битвам не меньше, чем молодняк, который мы набрали со всего царства. Он потребовал обещания, что возглавит один из моих отрядов в следующем сражении, если выиграет на турнире в честь нашего возвращения.

Я согласился, хоть и знал: не даст Лизонька взять его в поход. Молодняк молодняком, но старший сын — наследник трона. Я старшим не был, но отец сразу меня выбрал наследником, и потом пришлось мне почти до двадцати лет упражняться на чучелах и в шатрах военных отсиживаться. Такова судьба тех, кому царство уготовано, ведь не знал тогда отец, что не суждено мне от рук человека погибнуть. Живого человека.

Затем я подошел к царице. Я ждал любых слов, но не тех, что она произнесла:

— Наконец нагнала тебя смерть, любимый, но ты опять ее обманул.

— Смерть? О чем же ты говоришь? Вот он я пред тобой!

— Один ты одинешенек.

Я открыл глаза. Огляделся. Лежал я в своей постели, во временном моем домике.

Не сразу понял, что со мной приключилось. Может, кошмар какой? Попытался подняться,

но в голову сразу ударило что-то: то ли потолок обрушился на меня, то ли я взлетел к нему. Упал обратно. Все завертелось, закружилось.

Из окошка лился слабый свет. То ли утро было, то ли вечер, а за стенами слышался дождь. Я еще раз попытался встать, но не сумел, закрыл глаза — и уснул.

— «Погуляй со мной. Хоть раз. Пожалуйста».

Когда я проснулся во второй раз, за окном стало светлее, дождь кончился. В углу стояло отхожее ведро, а рядом — миска с кашей и питье дурно пахнущее.

— Чудень… — прохрипел я. Собрался с силами и повторил громче: — Чудень.

За дверью послышались шаги.

— Что со мной? На меня кто-то напал?

Я вспомнил битву, жестокую, грязную, не с людьми, но с нежитью — жмурьим отрядом и их проклятым главарем. И тот меня убил. Я испуганно приложил руку к груди, но там ничего не болело, хотя я был уверен: ранение мое смертельно. Я вспомнил, как прощался с миром. Как думал, что иду в объятия любимой. Да. Это был поход в далекие земли, там я спасал простолюд и боролся с чудовищами.

А теперь я дома. Будто сон. А может, сон и

есть?

Я усмехнулся. Привстал. Как ни крути, что-то со мной произошло, ведь тело ломит. То ли отравился, то ли в бою пострадал, вот и слег. А может, заболел? Судя по тому, что тело перестало отзываться как надо, да и брюхо подросло, пролежал я достаточно долго. И кто ж тогда ухаживал за мной? Зверь и сова?

Или… Я вспомнил зеленые глаза. Такие знакомые, словно Лизины, но чужие.

— Марфа… Марфа?

Никто не ответил. Да уж. Я усмехнулся: над тем, в каком положении оказался, над тем, в каком неповоротливом теле нахожусь. Видимо, это и есть старость. Сны о приключениях да скрип спины.

Кое-как поднялся на ноги. Отворил дверь. Ну да. Как и ожидал — все по-старому. Дом недостроенный, болото вонючее, и все тут.

— Ну и приснится же такое…

В отхожее место захотелось очень. Пошел я к кустам с выгребной ямой. Но не успел я дом обойти, как увидел, что у костра в моем котелке мертвяк суп помешивает.

— Горите мои пятки! — завопил я.

Мурка вздрогнул. Черепушка его отвалилась и

в котелок залетела, он давай ее доставать.

— Мурка? Ты?

Он кивнул.

— Не приснилось…

Я сорвал с себя рубаху и взглянул как мог на грудь. Там, где сердце мое, нынче шрам красовался. И не обычный, а зеленого цвета, и от него паутиной такие же зеленые вены под кожей пропадали.

— Что это со мной?

Мурка не ответил.

— А где… — Я испуганно захлопал по груди, полез в карманы штанов, принялся оглядываться по сторонам — Где оберег? Мурка, где оберег Лизин?

Он не ответил, но по лицу его безглазому понял я: знает он, что происходит. Вернулся в домик — оберега нет нигде.

— Да где ж… Да что ж… Потерял… Прости, Лизонька, потерял…

Услышал я на улице лай знакомый. Вышел из домика, дошел до ворот, и, хоть идти было тяжело, но нога не болела совсем. Выглянул за ворота, а там на лугу Чудень и Клюв резвятся, и рядышком Маришка траву редкую пощипывает.

Подошел я к ней, крепко обнял, посмотрел в глаза ее грустные в надежде ответы получить на

вопросы свои. Почесал голову.

— Выходит, было все? Большой военный поход был?

Чудень, заметив меня, бросил все игры и побежал в мою сторону. Приближаясь, он все рос и рос, уже выше пояса мне оказался. Силы и радости было в нем столько, что сбил меня с ног и принялся облизывать. Рога его подросли, да и оба нижних клыка, как у кабана, повылезали изо рта. Точь-в-точь адово отродье из сказок.

Клюв приземлился мне на голову и клюнул.

— Живой я, — усмехнулся я. — Живой.

И вдруг накатило что-то такое, ранее не знакомое. Задрожали губы мои.

— Живой…

И сползла со щеки моей, шрамами перечерченной, слеза.

— Живой.

И не понял я, отчего плачу. Рад ли я, что дышу, или печалюсь, что отвела меня судьба вновь от объятий любимой?

Вечером собрал я всех у костра — и давай требовать сказа о том, как это я все еще жив. Сказа не получилось: либо никто из отряда моего говорить не мог, либо говора их я не понимал, либо никто не хотел открывать правду. Но Чудень хотя бы

старался усерднее всех, а потому бо́льшая часть куропатки в награду досталась ему.

Съестного ничего не осталось, а значится, прежде кто-то меня им снабжал.

— Марфа? — спросил я.

Мурка кивнул.

— И оберег мой, стало быть, у нее?

Чудень залаял.

— И только она объяснит мне, что произошло…

— У-у.

— Решено. С утреца посещу Хвойное.

Спал плохо. Часто просыпался. Рана на груди чесалась, а когда стало нестерпимо, сорвал с себя рубаху и при лунном свете увидел: пропали руны, что с рождения нес. И не понимал, как чувствовать себя должен, — с одной стороны, возможно, проклятье снято, с другой — теперь каждый муж меня заколоть может? А будет ли меня опять простой люд в приключения зазывать, где ни окажусь?

Не знаю, но повод появился и к Шуше заодно зайти. Может, чего подскажет.

С утреца не получилось — чувствовал я себя неважно. После сотни шагов понял, что если развернусь, то едва-едва хватит сил добраться до

ворот. Тело не слушалось. Одышка и кашель заставляли задыхаться, голову иногда кружило так, что я необъяснимым образом оказался в другом углу домика, и не на заду, а на голове. И сердце иногда лупило так, будто просилось наружу. Будто не мое оно вовсе. А за всем этим постоянно наблюдали три вороны, но больше не смеялись они. Только следили.

— Буря.

Голос этот вывел меня из сна. Был он так нежен, будто мать меня окликала. Ее я не мог помнить, потому что умерла после рождения моего, но ощутил эту схожесть.

Когда открыл глаза, на пороге увидел Марфу. Она улыбалась мне, но в глазах ее я прочитал и что-то другое. Пропали хитрая улыбка и дерзкий взгляд, и показалась она мне красивой, как никогда прежде.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я сейчас выйду, — сказал я.

Она скрылась за стеной, а я испуганно взглянул в угол. Какой молодец, что избавился от отхожего

ведра! Вот было бы зрелище… Хотя все эти дни она бывала тут. Видела всего меня. И знает тоже все.

— Тебе снился сон. О сыне, как я поняла.

— Это был турнир, что прошел много лет назад в Солнцеграде.

— Расскажешь?

Я сел напротив нее, у костра, где тлели последние угольки. Подбросил еще веток.

— Если ты считаешь меня самым храбрым и упрямым, то ты еще не видела моего сына. Смолоду он управлялся с мечом лучше всех ровесников и многих постарше. А едва ему исполнилось десять, начал проситься со мной в военные походы. В очередной из таких я его не взял, хотя он уже был окрепшим юношей… Мы заключили уговор. Если он победит на турнире, я возьму его в следующий раз.

— Он победил?

— Да. И так легко, как не побеждал никогда я. Захлестнули его обида и гордость настолько, что следующим он вызвал на бой своего… — я чуть было не проговорился и вдруг понял: готов ей открыться, кто я. Или кем был, ведь теперь я чувствовал себя другим. Чувствовал себя Бурей больше, чем Владиславом. — Отца. Одного из приближенных к царю воинов. И потребовал

за победу самое ценное мое оружие — секиру, с которой не расставался я никогда. И хоть супруга отговаривала меня, я принял вызов. Народу хотелось зрелища, я же решил преподать сыну урок. Что не только в победах определяется нутро человека. Он должен был проиграть, как проигрывал я много раз. Должен был почувствовать, каково это — падать перед всеми и учиться ходить заново. И мы сразились. Он удивил многих, потому что был хорош. Немудрено: он учился, наблюдая за мной, и полагал, что знает меня в бою. Но он ошибся, посчитав, что у отца нет времени наблюдать и за его работой с мечом. Я знал его лучше, чем он меня.

— Ты победил?

— Я дал ему показать себя, а затем показал и себя. Но он не был готов признать поражения. Он нападал вновь и вновь, так, словно готов убить родного отца. Мне оставалось или навредить его телу, или навредить его нутру. Я выбрал второе и ошибся. Момент его величия я превратил в насмешку, из раза в раз показывая, что в бою против Бури юнец ничего не стоит. Когда распорядитель боев попытался остановить нас, мой сын сказал, что готов умереть. Я же попытался его успокоить, объяснить, почему он все падает, а я стою. Но я

сделал только хуже, позабыв, что он мой сын. Я сказал, что дерется он не хуже меня, но, видимо, нет в нем богатырской крови, и простому человеку не по силам победить того, кого возвысил сам Создатель.

— Глупо, — произнесла Марфа. — Очень глупо.

— Да. Я глупец, забыл о многом в тот день. И о нашем родстве, и о том, что он всего лишь мальчишка, мечтающий о величии. Мальчишка, которому прославленный воин предлагает смириться с тем, что есть вещи, от него не зависящие, сколько бы он ни старался. С того дня мой сын со мной и со всем миром стал другим. Больше никогда я не видел доброй улыбки на его лице. Только злую ухмылку в бою, серьезный взгляд на совете и боль, когда вспоминал мать свою.

— Он ненавидит тебя?

— Нет. Совсем нет. Сын все понял уже через день. Он много раз после этого благодарил меня за тот урок. Клялся, что нет в нем обиды, и думаю, что это правда. Он хороший сын, прекрасный воин, но боюсь, отцом хорошим не будет. Ведь в тот день его сердце затвердело навсегда.

Я закончил историю. Мы немного помолчали.

— Ты теперь носишь перчатки? — спросил я.

Она сразу спрятала руки под себя.

— Слышала, в ваших больших городах их особы высшего сословия носят. Решила не отставать.

— Особы наши носят белые и на вечерах всяких.

— А ведьмы — черные и в народные дикие праздники.

Мы оба слабо посмеялись над шуткой, и все же пришло время поговорить о нашем походе.

— Сколько я пролежал тут?

— Месяц.

— Я ничего не помню. Только то, что нашли мы курган и вступили в бой.

— Немудрено. Ты еле жив остался.

— Об этом и думаю. Как жив остался и как дома оказался? Не ты ль меня на своих плечах через горы и поля несла?

— Не я. Всехними стараниями. — Она оглядела каждого из отряда. Почесала лоб Чуденя, погладила перья Клюва. — Маришку свою благодари и Чуденя. Силы в нем, что в трех быках. Так и донесли тебя до Зеркального, там выходили, а потом по речке, той самой, в которой навь тебя топить собралась, да в аккурат течением обводя Ромашку вниз, на лодке сплавились. Затем повозку в деревушке на остаток монет прикупили и на ней тебя до дому довезли.

Я усмехнулся.

— Чего? Не веришь?

— Верю.

— Чего тогда смеешься?

— Мы с такими приключениями до кургана добрались, можно хоть поэму сложить, а обратно как-то легко и скукотно вернулись.

— Поверь, легко не было. И скучать не приходилось. Было с кем хлеб преломить и на кого оружие поднять. Были у нас и без тебя приключения. — Марфа показала свою походную палку, и вспомнил я, как хорошо она в битве против мертвяков ею управлялась.

— Ты храбро сражалась, — сказал я, она же на хвальбу мою прищурила хитро глаза, будто пыталась понять, говорю ли я правду.

— Это все, чего ты помнишь?

— Да.

— А как одолели Проклятого царя?

— Я дрался и победил его. Наверное. Кто ж, если не я? Не Мурка ведь? — Я подался вперед.

— Ты, — кивнула она, но взгляд перевела на костер. Затем с грустью продолжила: — Ты дрался храбро и спас меня и всех. Хотя сам… и был ранен.

Я почесал свой большой шрам на груди.

— Я хоть и не лекарь, но ран боевых видел много. Это, — я показал ей шрам, вокруг которого пульсировали зеленым свечением нити жизни, — выглядит так, будто я не должен был выжить.

Я посмотрел в ее глаза. Она что-то скрывала. Они все что-то скрывали.

— Чего ты хочешь узнать?

— Хочу узнать, как выжил, — пожал я плечами. — Хочу узнать, что это у меня на груди случилось. Хочу понять, как нога моя излечилась, и хочу, чтобы ты вернула мне мой оберег.

Я протянул руку.

Она достала из кармашка сверток. Я решил, что это хорошая возможность рассказать и про оберег, и про то, что дарован он Елизаветой мужу своему — царю Солнцеграда Владиславу Непобедимому, на поле брани за отвагу и умения свои Бурей прозванному.

Я ждал, пока она мне его отдаст, но Марфа не отдала. Потянула обратно к себе. Не понравилась мне шутка с последней вещью, от Лизоньки доставшейся.

— Вначале расскажи мне о ней, о своей любимой, а потом отдам.

— Зачем тебе это? — Я нахмурился.

— Хочу знать, чем тебе она так полюбилась, — слова Марфы звенели обидой.

Неужели потому, что хоть немного, но полюбился ей Буря? А тот дурак на веки вечные сердце свое другой отдал. Об этом я и говорил Перепейке. Та, что захочет быть со мной, должна будет смириться с этим горем. И оттого сложнее мне было давать от ворот поворот Марфе, ведь чувствовал я, что видеть и слышать ее мне хочется больше всего. И все же на кой сдался этой девице, умной, красивой и молодой, старик, битвами израненный? Глупое женское сердце. Пусть ищет себе красавца.

— Не скажу. Хватит тебе историй моих. Ничего не осталось, кроме памяти о ней. С собою схороню под землей. Отдавай оберег.

Попытался я не ранить ее, но задеть. Чтобы после этой встречи прокляла меня и забыла. Хотел ярость вызвать, а она возьми да слезу пророни.

— Ты можешь о себе ничего не рассказывать, — вымолвила она. — Но расскажи о той, которую любил. О Елизавете Ясной расскажи. Какой жизнью она жила? Была ли счастлива с тобою? Какими были ее последние слова?

— Ясной? — спросил я. — Откуда ты…

И тут же вспомнил я, что и ранее она называла

это имя, когда спросил ее, сном нави окутываемую, что знает она обо мне, чего не знает навь. И ответила она, что про Елизавету знает и про отравленное яблоко. А стало быть, все это время знала, что я…

— Да, царь Владислав. Ясной она была задолго до тебя.

— Да что ты о ней знаешь?! — рявкнул я, вставая. Встала и она.

— Все знаю, но не знаю, что нашла в она в царе кровавом! — ответила Марфа. — Скажи, зачем она подарила тебе это? — Держа на шнурке, она показала мне оберег.

— Оберег защищает от колдовства! Отдай! — Я попытался его схватить, но она спряталась за костром. — Отдавай, говорю!

— Зачем же царю защита от колдовства?

— Ведьмы! Ведьмы поклялись избавить землю от рода царского!

— А с чего вдруг они эту клятву дали? — допытывалась Марфа.

Я не ответил, но ответила она:

— Потому что вы избавляли землю от них и колдовства!

— Колдовство — источник всех бед рода людского!

— Поэтому спишь в мученьях? — спросила она. — Поэтому видишь лица тысяч убитых твоей рукой и приказом? А пытался ли ты сосчитать, сколько сам принес бед, собирая земли в царствие свое? А знаешь ли, что за стенами тебя только Кровавым и кличут?

Марфа бросила оберег мой в костер.

— Нет! — вскрикнул я и пнул котелок с водой. Тот потушил костер, поднялся дым, и я быстро нашел оберег. — Да что с тобой, женщина? Чего надо тебе от меня?

Я протер и поцеловал оберег.

— Не надевай, — сказала она.

— Это все, что осталось у меня от любимой!

— Чем бы оно ни было — больше не надевай. Больше нельзя.

— Как это? — спросил я и сразу надел — ей назло.

Она посмотрела на шрам, за которым билось мое сердце.

— Ты ошибаешься, царь. Ты должен его снять.

— Никогда не сниму!

Я встал в полный рост и почувствовал, как заболело в груди, как стало вдруг жарко. Ноги мои подкосились, и в глазах почернело. Закружилась голова, заныло тело, и я упал на колени, затем на

четвереньки, не в силах ничего сказать.

Марфа подошла, сняла с меня оберег и положила рядом. Только тогда мое сердце забилось вновь.

— Колдовство… — выдавил я из себя. — Колдовство… внутри… меня…

— Прости, — сказала она, вытирая слезы. — Другого способа не нашлось.

— Будь… проклято все кол…

— Прости. Я пыталась тебя спасти…

— Что ты наделала…

Она, вытирая слезы, попятилась к воротам.

— Не надевай оберег. Больше нельзя.

— Я мог уже быть в объятиях любимой, — с ужасом выдохнул я. — Вон… уходи… Придешь еще раз, и я…

— Прости.

Она ушла, а за ней и Мурка, махнув нам рукой на прощание. Я, еле вдыхая воздух, смотрел на оберег и пытался понять, кто и что сделал со мной. Чудень принялся лбом меня толкать, а Клюв, ухватившись за рубаху, когтями ему помогал.

— Уходите все! Уходите вон! Вы все — колдовские отродья!

Прогнал. И просидел до ночи у костра, думая о своем положении незавидном. О том, что мог

умереть благой смертью и быть с Лизонькой. Ее убило зачарованное яблоко. Яблоко, предназначенное мне. И то последнее, что защищало меня, — оберег — теперь стал ядом смертельным для меня самого.

И нет больше разницы между мной, проклятыми мертвяками, навями и прочей нечистью. И бесом…

Значит, стал я тем, что больше всего не выношу. Тем, с чем боролся яростней всего на свете.

Ночью я несколько раз прикладывал оберег к сердцу, но убирал в последний момент. Мне хотелось умереть, ведь за меня решили, что я продолжу жить с колдовством в груди. Но ведь раз я жив, значит, на то была Его воля. Его волей Марфа нашла колдунов, или ведьм, или кого бы то ни было еще, и те негодяи сделали свое гнусное дело. Нет, не мне лишать себя жизни, и умру я тогда, когда Ему будет угодно, а до той поры буду делать то, что с самого начала задумал.

И больше никогда. Никуда. Помяни мое слово, матушка-Судьба. Больше не поддамся хитростям твоим.

Глава 29. Как думаешь, теперь он любит меня?

С неделю я горевал о приключившемся со мной. Знал ведь, знал с самого начала, что не должен поддаваться уговорам зеленоглазой старосты. И винить ее не было особого смысла. Кто она в руках Судьбы? Лишь инструмент. Откуда ей знать, что судьба вечно пытается подкинуть мне новое приключение. Всю жизнь так и играла в кости со мной Судьба. Бросала их и смотрела, что выпадет на мои плечи. Но со временем стал я замечать всякие странности, вокруг происходящие. Понял суть ее коварной игры. Отправлял вместо себя храбрецов-удальцов. Пущай в приключения ввязываются, а я — человек другого пошиба. Мне

суждено весь род людской к свету вести.

И вспомнил я истинную суть свою.

Я царь! Но бывший.

Непобедимый воин! До недавнего времени.

Борец с нечистью! Пока сам ею не стал.

Какой есть Владислав… нет. Какой есть Буря, такой есть, и все тут.

Вернулся я к трудам, и больше никто меня не тревожил — ни неправильная сова, ни зверь чудной. Даже вороны, на смех поднимавшие, пропали.

Только Маришка была рядом. Днем с бревном поможет, а ночью горевать не даст.

Еще через неделю работа пошла как надо, силушка богатырская вернулась в тело мое. Нога больше совсем не болела, шрам на ней зеленым, колдовским стал. Только сердце шалило. Будто чужое. Если перетружусь, напоминало, что более не человек я.

Закончил пол и стены первого этажа и принялся крышу сооружать. Заметил, как смрад болотный отступать начал, а все потому, что дом из дерева, со своим благородным запахом, и в битве со зловонием он был молодцом. Давно я в деревянных домах не жил. Будучи царем, привык к мрамору и прочему камню.

И земля тверже стала под ногами. Почувствовала волю добрую над собой.

Разок-другой забредал деревенский люд. Я им помогал чем мог, а взамен полезностями обзаводился и едой. И разбойники являлись пару раз, мечи свои обнажали, но ничем хорошим для них это предприятие не заканчивалось. От обета не отказался, а потому никого жизни не лишил, но помял негодников так, что полезными люду простому сделаться захотели. Хорош я в воспитательных работах. Тут дело нетрудное — пересчитаешь молоточком пальцы, так человек сразу в хорошего оборачивается. Как колдовство, но лучше. Действенней.

Из Хвойного тоже вести доходили. Дела у них шли хуже прежнего. Староста, говорят, одиночество полюбила, нрав бойкий утратила и дела хозяйские организовывала плохо. Скоро придется к ним наведаться: на недели вперед огородиной закупиться и всяким нужным для стройки, и это меня тяготило. Может, поздно ночью прийти или рано утром, чтоб не столкнуться с нею? Надо было решать, да побыстрее.

Свое сажать пока получалось не очень хорошо. Ни дикий лук, ни кустики с ягодой корни пускать не хотели. Оно и понятно… Тут разве что вереск

упрямый приживется. Ничего. Может, через годик огород свой все-таки появится, и тогда не придется в Хвойное ходить совсем, от красавицы прятаться. Да и как спрячешься с телом таким…

«Ох, богатырь, богатырь», — послышался в голове голос Марфин насмешливый. Так и захотелось ответить ей, что не богатырь я никакой.

Да… Частенько слышался мне голос ее. Бывало, и во сне увижу вместо Лизы. Слишком много времени мы вместе провели. Хотя нет, всего-то недельку, но та была полна приключений разных. Приключений, разговоров… Слов и мыслей Марфиных немало застряло в голове моей. Иногда грубых, иногда насмешливых, но были и такие, будто мы с ней…

— Никаких! — сказал я себе. Взял бревно на плечо и понес по тропинке.

Остановился. Развернулся, посмотрел в лес и сказал то, что давно сказать должен был:

— Знаю я, что вы тут. Выходите уже.

Захрустели ветки да листья, и выпрыгнул из-за сухого древа Чудень.

— Тоже мне, спрятался за тростинкой. Иди сюда.

Тот засеменил, опустив морду, будто виноват был во всех шалостях мира. Обнял я его и почесал

бока, на которых все еще виднелись следы битвы нашей давней.

— Прости, Чудень, — сказал я. — Ты за меня в воду и пламя, в яму и гору, на мечи и стрелы, а я тебя прогнал.

На плечо мне сел Клюв.

— И ты тоже, глупая птица, прости. Хоть толку от тебя нет никакого.

Совенок клюнул меня в ухо.

— Простите оба. Ярость ослепила и обида за то, что сделалось со мной.

Вернулись втроем. Маришка приняла Клюва и Чуденя, будто детей, в долгом путешествии нагулявшихся. Продолжили строить дом вместе, а вечером в игру играли. Брошу маленькую веточку в одну сторону, палку — в другую. Клюв полетит за своей добычей, а Чудень — за своей. Кто первым вернет брошенное, тот и победил.

Вспомнилось, как в Зеркальном с костяшками Мурки в такую же игру играли. Эх, хорошо было с ним. Хоть и жмур. Будь человеком, может, и сдружились бы.

— Будь проклято все колдовство!..

Бросил я со злости не глядя палку, и улетела та в болото. Чудень — сразу за ней.

— Стой, оставь! Не лезь в болото поганое! —

крикнул я ему, а его опасения мои только раззадорили. Вот глупый, все равно что сын мой, видит опасность и храбриться на людях пытается.

Долго не возвращался он. Пошел я за ним по смрадной липкой мерзости. Вижу — лает. Застряла палка в расщелине. Сунул руку и, немного повозившись, достал. И, словно молнией, в голову вдарило воспоминание, как меч черный, солнечный свет не отражающий, достал из болота этого. Как угостил его кровью своей. И как меч этот затем в бою с Проклятым царем на зов мой откликнулся: я только волею своей заставил его в руке оказаться. С помощью чуда того спас я Марфу и Проклятого убил.

Не скрывая страха, выставил руку ладонью кверху и сказал:

— Приди!

…

— Меч!

…

— Колдую!

Замер, прислушиваясь.

— У-у?

И снова тишина.

— Думаю, тут нужно правильное словцо подобрать. Ко мне — оружие!

…

— Явись, нечистая сила!

…

— Ыть!

…

— У-у?

Ничего.

— Что-то я делаю не так. А может, и не было его? Чудень, ты видел у меня меч?

Тот не ответил: уставился на дом и тихонько зарычал.

— Чудень?

Он пригнулся и напряг лапы. Я видел это не раз и быстро понял, что Чудень чувствует намерения живых существ. Чувствует, когда приближается нечто недоброе.

Мы быстро пошли в сторону дома. Оружия при мне никакого не было, поэтому пришлось сжать в руке палку, что бросал зверю.

Мы вышли с болота и аккуратно обошли дом. Некто сидел на крыльце, на деревянных ступеньках. Лица его я не видел, но смог узнать его доспехи — мои, царские. Я убрал палку.

— Еремей?

— Помнишь, ты говорил, что истинный шрам, такой, как сотня твоих, можно лишь заслужить?

Что шрам, полученный в битве за святое дело, — это…

— Метка, оставленная Создателем только избранным воинам, — продолжил я мысль.

— Знак его любви. Как думаешь, теперь Он любит меня?

Еремей поднял на меня глаза. Я обошел его и оглядел всего как есть: латы были искорежены, смяты битвой — возможно, не одной, а лицо теперь наискосок пересекал ровный шрам. Шрам, изуродовавший лицо самого красивого жениха в Солнцеграде.

— Вижу, и слухи о монстре, помеси кабана, быка и волка, не врут. — Он кивнул на Чуденя. — Полезен в хозяйстве зверюга?

Я кивнул. Утаивать его не было смысла, поэтому я размножил слух о странной скотине, что завел на болоте.

— Я рад, что у тебя все хорошо, отец. А я вот — вернулся из похода. Если ты помнишь, мы выступили против южных горных народов. Варваров. — Он усмехнулся.

— А где войско твое?

— Возвращается в столицу. То, что от него осталось.

— …то, что осталось? — переспросил я.

— Горные варвары оказались не племенами с копьями да камнями. — Он встал и с трудом выпрямился. Битвы изнурили его, но Еремей Пламенное Сердце был из лучших моих воинов, даже без богатырской крови. — И оказалось, что их там много больше, чем я ожидал…

— Что произошло?

— Мы проиграли, — ответил он не сразу. Это был второй раз, когда я увидел на его лице слезы. Я знал, чего стоило ему произнести такое перед отцом, к величию которого он стремился с первого шага.

— Что… — Я сглотнул. — Что с Григорием и Радиславом? Что с твоими братьями?

— Жаль, что ты отказал мне, — ответил он. — Нам бы пригодился твой совет величайшего полководца.

— Что с моими сыновьями? — повторил я.

— Нет их больше. Как и половины войска.

Сердце мое заколдованное забилось сильнее. Я медленно потянул руки к Еремееву лицу, не зная, чего хочу больше, убить его или обнять. Убить собственного сына отцу не дано, но обнять я его мог, хоть ни разу в жизни своей царской не обнимал. Я прижал его к себе, но тут же он меня оттолкнул.

— Ты предал свой народ! — произнес он, но я понимал, что говорит в нем обида. Передо мной стоял малец с разбитой душой. Ищущий виновника своих бед. Не моих.

Я попятился и сел на колоду.

— Зря ты пошел в тот поход. Не нужно нам более никаких земель.

— Не ты ль сказал мне, что не будешь меня отговаривать?

— Коль вспоминаешь мои слова, вспомни и тот единственный совет, что я тебе дал: изучи своего врага! — не выдержал я.

Сын помолчал, затем словно сам себе, с горькой улыбкой кивнул.

— Если бы ты сказал «не воюй», я бы не стал нарушать твоего указа.

— Стал бы. — Я посмотрел в его глаза. — Мы оба это знаем, Еремей Пламенное Сердце, что стал бы. Когда явился ко мне, ты все уже решил.

Робкие слезы на его лице сменились гримасой боли. Сгорбившись, он заплакал. Я снова встал, протянул к нему руку, но он отпрянул, а затем выпалил:

— Ты не должен был уходить! Не должен был оставлять трон!

— Я отдал трон тебе, веря, что ты его достоин.

— Ты ошибся! Ты оставил его на глупого мальчишку! И ушел ты не ради меня, нет! Ты сам захотел уйти, ради этого! — Он указал на мой двор. — Ради лачуги в лесу!

Еремей схватил из костра горящее полено и швырнул в дом. Чудень зарычал, и сын, развернувшись к нему, неловко вынул из ножен меч.

— Чудень… — успокоил я зверя. — Погуляй-ка в лесу.

Он оглядел Еремея еще раз и ушел.

— В твоем решении мне не было места. Ты просто устал и сбросил с себя тяжесть короны! Ты отвернулся от своего народа. От царства, что сам и возвел.

— Если крестьянин повинен в предательстве, царь может приказать его казнить, — произнес я спокойно. За спиной Еремея задымилось мое крыльцо. — И раз ты тут, то можешь сам исполнить указ, как делали первые цари нашего рода. Без палачей.

Еремей усмехнулся. Поднял меч, посмотрел на него и вложил обратно в ножны, затем взял ведро воды и потушил им место возгорания — так же неуклюже, одной рабочей рукой.

— Крестьянин… ты должен мне десять монет, — напомнил он.

— Я верну, царь, — ответил я.

— Может, заодно и это вернешь? — Он снял перчатку и нарукавник с левой руки и обнажил окровавленный обрубок до изгиба локтя.

Я ничего не ответил.

— А. Прости, отец, забыл. Только царь несет ответственность за все свои решения.

Еремей ушел, а я сел на то же место, где встретил меня он. Я сидел так весь день и всю ночь, с горечью и теплотой вспоминая сыновей младших. Вот только мало чего я мог вспомнить, ведь все время, что они росли, я воевал, а в дни, что рядом был, уходил в царские дела. Зато помнил я Лизоньки упреки: мол, отцовский долг не исполняю. Я отвечал: «Отец я не только им, но и всей земле моей». Напоминал, что обязан сделать счастливым всякого подданного: и знать, и простолюд. И что каждый день строю я им, всем детям моим, будущее.

Казалось мне до ночи этой, что выполнил я задачу на славу. Но не оказалось сыновей в будущем этом.

Глава 30. Ну и дурак же ты старый!

Неделю оплакивал их. Ничего не делал по дому. А потом вспомнил, как наутро после дедовых похорон вышел во двор, а там отец деревья высаживает. Ох, и обиделся же я на него. Все высказал начистоту. Что не любил он своего отца, моего деда, раз так легко делом глупым и никому не нужным занялся. Но объяснил он мне все как есть. Рассказал, что сам дед ему говаривал. Со времен первых людей не изобретено лекарство от грусти лучше, чем дело простое, полезное и благородное: да хотя бы деревья высаживать, дом строить, скотинку кормить. И земле, и человеку, и животине польза будет. Любую работу, душе

приятную, делать надо.

Ушел я. Весь вечер искал дело: чтоб и полезное было, и мне самому по душе. Нашлось оно: точил до утра мечи в оружейной. Тридцать семь успел, а потом пришли воины наши, обсмеяли мою работу: мечи-то острые стали, но форму я испортил, на манер восточных сделал, с изгибом вовнутрь.

Расстроился я. Заплакал. Вернулся к отцу, а тот опять с утра деревьями занят. Рассказал ему историю, а он говорит, что Создатель так урок мне преподал, ведь выбрал я дело не то. А я разозлился и давай спорить: как же так? Это мечи-то наточить неправильное дело? Неблагородное? Неполезное? Улыбнулся отец и сказал, что и тут я услышал не все о свойствах дела правильного. Забыл я главное: оно непременно добрым быть должно. Затем спросил отец: как же доброе дело с мечами острыми связано? Сжал я кулаки, нахмурился, готовый объяснить ему, но, когда открыл рот, ни слова оттудова не вышло. И сказал отец:

— Вот… Не будет никогда военное дело с добром повязано. С необходимостью горькой — да, но не с добром. Не может быть добрым ни одно дело, венцом которого будет отобранная жизнь. Даже дикого зверя. И потому, сын, вынимай меч только в самом конце. По необходимости крайней.

Подумал я над словами его. Попытался найти правильное дело. Опять вспомнил о любимом дедушке. А потом спросил: что, если ничегошеньки делать не хочется? Если так плохо на душе, что не встанешь с постели? Что, если жить не хочется больше?

Отец ответил, что на такую беду есть очень простое правило: делай обратное. Когда хвораешь, пей целебные отвары и выздоровеешь. Когда слаб — займись тяжелым трудом, и окрепнешь. Когда голоден — поешь. Когда плохо на душе — делай обратное.

— Что же?

— Все то же доброе дело, — рассмеялся отец. — Даже если не очень хочется. Ты поймешь, когда сделаешь.

В тот день он дал мне корзинку яблок, в меду сваренных, и отправил по крестьянам — детишкам вкусность раздавать. Не знал я прежде, как много счастья может принести кому-то одно яблоко. Но увидел, что дети, сладость обычную получив, пляшут вокруг меня, будто я им сундук с золотом принес.

Простое доброе дело.

Вспомнил тот случай, пустил последнюю слезу и вновь за работу принялся.

«Когда плохо — делай обратное».

К вечеру, когда закончил часть крыши, и настроение поднялось. Поразмыслил, как же яблоню заколдованную из дома вывести. Все еще не нашлось верного способа.

Вышел на добрую сторону леса, ближе к Хвойному, по грибы, а когда возвращался, услышал: песнь кто-то горланит, да какую? О Буре! Обо мне поет, ту, что Перепейка в Зеркальном напел. Сразу понял я, что пришел-таки певун меня навестить.

Вышел я на дорогу, вижу: идет себе с обозом, барахла полным, да поет, каким хорошим человеком был этот «скрывшийся в ночи» богатырь. Я давай его нагонять и сам удивился тому, как рад встретить надоедливого певуна, но сердце упало, когда обернулся он и не Перепейкой оказался, а простым бродячим купцом.

— Откуда песню знаешь? — спросил у него.

— Дык ее каждый певун в деревнях теперь напевает. Один раз услышишь — как налипнет на душе. Тот, кто ее первым напел, должно быть, нашел заколдованные гусли иль у самого черта выменял на душу свою. А то как так получается — ни одного слова в рифму, а на душу ложится как родная.

— А видел его самого? Сочинителя.

— Не-а. Но говорят, что целые площади теперь собирает. Как же то модное слово… Концерты дает! Тут каждая девица за него замуж побежит. Хотя слухи ходют, что на голове у него ведро с волосами. Что лысый он, понимаешь? И что нет в теле его стройности, да и общей красивости лишен. И все равно — хорош песельных дел мастер! Даже как-то самому хочется в приключения податься и стать настоящим Бурей!

— Каким это еще настоящим?

— Ты, деревенщина, в лесу своем, видимо, новостей последних не слыхал, — усмехнулся он. — Стране нелегко сейчас. Молодой царь Еремей войско на юг повел и вернулся поверженный. Народ простой многих потерял. Все слабину царского трона почувствовали. Приграничные князья земли назад требуют. Разбойники появились на дорогах, приходится откупаться нам. Вот будь у нас богатырь… Вот о чем грезим. А тут песня эта о Буре и его чудном отряде появилась вовремя. Надежду простолюду дарит, что где-то живет он среди нас и справедливость мечом и добрым нравом сеет. Оттого и жаль, что выдумки все это. Что нет никакого Бури.

— Выдумки?! — удивился я.

— Ну мужик! Ну простой ты, конечно! Сам посуди: какой еще богатырь сегодня? Дык вымерли они — это всем известно. А зверь, пламенем чихающий? Его певун украл из сказок о драконах! Кто там еще? Сова, как человек ходючая и умные советы дающая? Бабьи сказки. А живой мертвяк? Ну то пущай будут, так сказать, сказочные допущения. Но все это ничего. Все прощаю ему, но женщина-воительница?! — усмехнулся он. — Эт ж надо выдумать такое! Баба с оружием, злые войска побивающая? Ха! Но народу хоть бы что. Душа наша — она ж простая. Хотим верить мы, понимаешь, мужик? В добро и в то, что есть еще на земле добрыни такие. Простой люд от зла оберегающие, — закончил он мысль свою, а потом посмотрел на меня новым взглядом и спросил: — А ты-то кем будешь? Стар, но крепок, вижу.

— Бурей, — ответил ему, а он посмотрел серьезно и давай смеяться на весь лес.

— Ох, веселый ты! Тот песенник концерты свои дает, а ты ходи и шутки рассказывай, не как шут, без кривляний всяких, а с суровым видом своим. Если народу этот неправильный «белый стих» понравился, то, глядишь, и «суровая шутка» тоже. Ну ладно, Лжебуря. Идти мне надо. Хочешь купить чего?

Он приподнял полотно и показал самый разный хлам. Тарелки, самовары, ножи восточные, кинжалами называемые, одежку диковинную, дудку, бусины всякие…

— А это что? — указал я ему на блестящий кругляш.

— А это делание новое. Только-только на наши земли приходящее. Вот раньше ты куды смотрел, чтоб лицо свое увидеть? В лужицу! А это, считай, куда хочешь с собой лужицу для смотрения на себя в карманцах несешь. Отражельем называется!

— А чего в нем нового? Если можно в меди да серебре, на худой конец и лужу найду.

— Качество, друже. Качество! Смотри! Каждую морщинку твою видно. А у тебя их на лице много. Будто шрамы какие.

Я взял отражелье, присмотрелся. И действительно: каждый прыщ, каждую морщинку разглядел. Испортилось настроение — постарел на гляд.

— Беру.

— Очень хороший выбор. Баба твоя подарку обрадуется! Будет с утра до ночи в отражелье глядеть на саму себя.

— Да нет никакой бабы, — ответил я нерешительно, но сразу Марфу вспомнил. Она-то не

баба никакая. А женщина, красотою необычной наделенная.

— Ну, смотри сам! Хочу за отражелье два серебряных.

— В дар возьму, — ответил я и взял.

— Это как? — удивился он.

— Будешь деткам своим рассказывать, что тому самому Буре подарок сделал.

— Не шути так, мужик! — нахмурился он. — Отдавай обратно, коль платить нечем! Иль ты разбойник…

— Говорю же. Буря я.

Я свистнул, и из кустов с зайцем в пасти вылез Чудень.

— Ох, Создатель! — Купец запрыгнул в обоз. Да и кобыле его зверь мой домашний не понравился. — Чудной зверь! Тот самый?!

— А это сова, люду подражающая, — сказал я, когда ко мне подлетел Клюв, но по глупости стукнулся в мое плечо, упал наземь и принялся, как человек, в разные стороны расхаживать с грозным видом. — Мертвяк тут где-то неподалеку ходит, но могу женщину-воительницу показать. Правда, злобная она… Глядишь, за то, что не признал меня, голову твою с плеч…

— Не надо! Верю на слово! Так ты и есть бога-

тырь?! Первый или последний.

— Я Буря, но никакой я не богатырь. Мужик простой. Деревенщина, но коль придется, и за рукоять меча могу взяться.

Шли домой мы в хорошем настроении, прознав об успехах песенных Перепейки.

Мне вдруг подумалось, что хорошо было бы вернуться в Солнцеград, но чего тогда жители, схоронившие царюшку, скажут? Создатель из могилы вынул? Иль самозванцем назовут? Дадут ли царство вновь с колен поднять? Решил — посещу под видом крестьянина однажды. Хоть на **статую** свою гляну. Говорят, более величавого изваяния нигде не встретишь. Кому ж, если не Владиславу Непобедимому, ее посвящать?

На радостях взял отражелье, посмотрел еще раз на себя, и тут-то ясно стало мне: не так что-то с харею моей!

— Горите, чертовы пятки! Это теперь что такое?!

— У-у?

— Ну посмотрите! Откудова у меня взялись зеленые глаза?

Я взял Чуденя за рога и встал лицом к лицу.

— Ну, скажи, не чудится ли мне? Зеленые ж?

Он склонил голову.

— Ну ты хоть кивни иль полай.

Он меня лизнул.

— Тьфу. Зеленые они у меня!

Я от зрелища этого так содрогнулся, что шрам на груди зачесался, а когда тронул его, понял: все из-за сердца заколдованного. Да если б утром не порезался и не увидел кровь алую, подумал бы, что уже зеленая, как у кикимор — тварей болотных.

— Горе, горе мне, братцы. Зря вы меня спасли.

Чудень толкнул меня и заскулил.

— А может, я не хотел вот так? Может, пошел в Великий поход, потому что помереть уже хотел. Посмотрите на меня! Ничего не осталось. Царство отдал. Живу на болоте, один, заколдованный. Будто Водяной!

— У-у.

— Ну да. С вами. А больше никого. И не хочу я больше в жизни своей людей никаких видеть. И правда, пусть думают, что не было никакого Бури. Пусть поют песни обо мне да сказки рассказывают. Глядишь, там и драконы, и великаны появятся. Преданием сделаюсь. Эх… устал я от людей.

— У-у?

— Всех людей не хочу видеть. И Марфу тем

более. Хотя… другая она. Как… ну… как… Вот знаешь, Клюв, бывает человек как человек, а потом как поменяется… и не сам поменяется. Он-то прежний, но для тебя как будто другим сделается. Ну ты понял.

Мы подошли к воротам, я подхватил деревья недавно срубленные и занес на участок.

— У-у? — Клюв склонил голову.

— Да не знаю я! Чего пристал. Другая она, и все тут!

Чудень залаял.

— Ни за что! Ни за какое богатство мира! Хватит с меня женщин этих.

Мы вошли в дом, где я кровать, стол да стул уже соорудил. Из печи временной достал котелок, налил себе отвара травяного. Сел и уставился в окно, покамест без стекла. Задумался, голову кулаком подперев.

— Тут ведь такое дело… С Марфой не по себе мне. Есть в ней что-то такое, скрытое от глаз. Будто заколдованное… В глазах ее зеленых. И видит она меня другим.

— У-у?

— Ну. Без всего этого. — Я опять посмотрел в свое отражение. — Как человека видит, не воина и не царя, и оттого не по себе мне, будто знает

она обо мне что-то потаенное. Мне легче, чтоб на меня как на Бурю смотрели. Чтоб побаивались и думали три раза, перед тем как что-то сказать мне, а Марфу вы знаете. Ей дай только ухи свободные. Наплетет всякого, чего было и не было. И шутить будет по-своему, жгуче. И ничего не ответишь ведь! Попробуешь, а она тебя твоим же словом на лопатки уложит! Ну, женщина. Все равно что ведьма. И глаза ихние. Зеленые. Как у меня.

Я помолчал немного, затем повторил:

— Как у меня…

И вправду. Зеленые глаза у многих, кто с природою, как с матерью своей, живет…

— Но ведь нет их! — Я вскочил со стула. — Нет ведьм. Мы перебили их всех! Или нет? Да мы еще больше перебили, чтоб наверняка!

Возможно ли такое, что Марфа — колдунья? При мне она ничего необычного не делала. Да, странная, грамоту знает, о зверях разных и растениях тоже, словечками сыплет чужими, носится с палкою своей, как с посохом… Бес! Будь он проклят! Они ведь знакомы. У них был какой-то уговор… Не будет бес с простым человеком беседы вести. Да и не знает человек, как вызвать хвостатого. А ведьма знает…

Я взялся за колотящееся сердце. А ведь оно подсказывало, что колдовство это со мной сотворила Марфа. Не везла она меня к целителям. Сама вернула к жизни, и оттого-то глаза мои цвет сменили. Я пропитан был ведьминым чарами.

Этими же чарами девять ведьм пропитали яблоко, что убило мою Лизоньку.

Что же делать сейчас? Пойти и сказать ей, что все знаю? И что, если так? Да, я поклялся что есть мочи избавлять землю нашу от любого колдовства, но тогда ведь был я царем. А что сейчас? Сейчас я окружен колдовскими отродьями. И нет от них вреда мне никакого. И даже наоборот, добрее любого человека оказались.

А если мстить, то кому? Митар Темнолик и дочери его вместе с ним — всех сгубили. Кто сказал, что Марфа из них? За все эти годы никому на землях наших ведьмы больше не встречались, только на других были. Вот ведь, нашлась, пущай и по-другому называется, но была на севере та, что оставила проклятье на моих руках.

Неважно, кто Марфа. Суть ведь в том, несет она зло людям или нет?

— Не несет, — ответил я на свой же вопрос, — но о Лизе спросить я обязан. — Я опрокинул ногой стул. — Марфа — ведьма. Ну и дурак же ты ста-

рый! Как сразу-то не понял?

В тот же миг застучали в ворота так напористо, будто по душу мою пришли. Взял я топор и пошел к ним. Чудень же, вместо того чтобы ощетиниться, радостно залаял и завертел хвостом. Нет ни одного живого человека, которому он бы так обрадовался.

Кроме Марфы.

Я распахнул ворота, послышался удар, а затем треск, будто упала связка сухих веток. Это оказались не ветки, а кости, что начали собираться в Мурку. Чудень радостный принялся ему помогать. А Марфы с ним не было.

Обретя облик, мертвяк серьезно указал зверю на место, а затем посмотрел на меня и махнул в направлении, в котором мы поскорее должны были выдвинуться.

— А где Марфа? — нахмурился я. В ответ он несколько раз указал в ту же сторону, да так, что рука его отвалилась. — Марфа там?

Он закивал, потом задумался и помотал головой.

— Там или не там?!

Мурка изобразил людей, размахивающих мечами. Большего мне было не надо.

Глава 31. Иль не Буря я никакой

Мне не пришлось подгонять Маришку. Она скакала что было мочи, словно все понимала. Сидя на Чудене, поспевал и Мурка. А первей всех был Клюв.

Вошли мы в деревню и сразу на простолюд взъерошенный наткнулись. Все собрались на сходе у костра и давай ругаться кто о чем. Прислушался, но из гомона ничего понятно не стало.

Наш чудной отряд быстро заметили. И если в мужике с кобылой и совой ничего странного не было, то мертвяк верхом на звере всех распугал. Народ, молясь Создателю, разбежался кто куда. Один старик Серема все крутился вокруг нас, вопя, что предупреждал, мол, от меня одни

только беды.

— Какие еще беды?! Не моими ли силами было побеждено Злое зло? — обратился я ко всем попрятавшимся в домишках жителям.

— Какое еще Злое зло? — послышался вопрос из кустов.

— Как это какое? Мертвяки! Вот, такие, как он. — Я указал на Мурку. Он оглядел себя. — Ну… только с мясом смрадным. И кожей облезлой. И волосами. — Мурка задумчиво потер белоснежную черепушку. — Не вы ли ими пуганы были?

— Мы отродясь мертвяков не видели! — ответила теперь какая-то бабуля, высунув голову из окошка.

— Это ты сюда привел мертвяка! — добавила другая.

Я задумчиво сунул пятерню в бороду и почесал.

— Дык ко мне Марфа приходила. Сказала, кошмарят вас живые мертвяки! Я ради вас на край земли нашей пошел! Полчище мертвяков своими руками загубил!

— Хватит сказки выдумывать, деревенщина! — ответил кто-то из дома.

— Да какие сказки?! А ну, выходи, народ честной, ответ держать! Что за чертовщина тут

происходит? И где Марфа?

— Перестань ругать крестьян, царюшка, — услышал я бабий голос. Развернулся и увидел Шушу. — Коль раньше не ругал, то и начинать незачем.

— Какой еще царюшка? — возмутился Серема.

— Выходи, простолюд Хвойного. Нас проведать пришел царь Владислав Непобедимый, — объявила она. — Он же, в песне по новине распеваемой, Бурею зовется. Последним богатырем. Иль первым за многие века, тут уж как считать.

— Это царь? — послышался вопрос от старика.

— Последний богатырь? — спросил мальчишка, слезавший с яблони.

— И это, стало быть, его прославленный чудной отряд. — Шуша обвела рукой мою дружину. — Одолевший и лесовика, и навь-утопленницу, и войско Проклятого царя. Защитники народа простого.

— И вправду, братцы! — Старик, подтянув штаны, указал на нас пальцем: — Все тут! И зверь — не бык, не кабан, не волк, и сова с разноцветными очами, и мертвяк… только кобыла не похожа на царского боевого скакуна.

Маришка на слова эти нос вздернула, и старик в толпе спрятался.

— Замолчите все! — крикнул Серема и, когда тишина нависла над Хвойной, подошел ближе ко мне. — Ты и вправду царюшка наш, Владислав, за которого все пять сыновей моих жизни отдали?

Тяжело было смотреть в его глаза, полные слез. Отвернулся я и ответил:

— Я. Устал от всего. Сыну царствие отдал, а сам тихую жизнь начал у болота… — Я оглядел простолюд. Не нашел ни радости, ни злобы. — И умереть хотел тут! Но пришла ко мне Марфа, сказала, что мертвяки объявились тут и что помощь вам нужна, вот и отправились мы в поход. Братцы, нет у меня времени сказки и песни обсуждать. Скажите, где Марфа?

— Царевы посланцы пришли собирать дань не по сроку, — ответила Шуша.

— Царевы? — переспросил я.

— Еремея Побежденного!

— Еремея Однорукого!

— Еремы Глупца!

— Сына твоего!

Повалили со всех сторон обидные прозвания.

— Он для нового похода опять мужей собирает, — продолжила она. — Дык нет уже у нас никого. Старичье да детки.

Я снова оглядел окружающий меня простолюд.

— Не нашли никого дельного, решили Лютоборушку хотя бы забрать. А ему только вчера тринадцать исполнилось.

Сразу вспомнился мне хиленький мальчишка с дерзким взглядом, в ларьке огородиной торговавший. Мечтал он в царское войско вступить, да вот рановато мечта сбылась. Такие по храбрости своей ряды не держат, вперед бегут и стрелы первыми ловят. Если встречал детвору в отрядах своих, старшин без разбирательств на год в темницу сажал. Детям в войнах делать нечего. Только ворон кормить почем зря.

— И чего? Продолжай, Шуша.

— Да вступилась она за него. Не отдавала. Они достали мечи и давай угрожать. Тут-то и ясно стало все про Марфушеньку нашу.

— Ведьма она! — выкрикнул кто-то.

— Околдовала нас! — добавил другой.

— Добрая душа она! — влез третий.

— Никто никого не околдовывал, — вступилась Шуша. — Превратила палочку свою в посох и давай посланцев отпугивать ведьмовством своим. Те убежали, но с дружиною вернулись. Обещали деревню нашу огню предать и каждого несогласного головы лишить.

— Где Марфа?! — повторил я и сам со страху

оглядываться начал.

Не погубили ли ее? Ведь указ был мой: брать на меч за любое колдовство, без разговоров. Пытался я по просьбе Лизоньки миром все решить, предложил Темнолику уйти из долины и дочерей своих проклятых забрать. Но тот оказался плохим договорщиком, и решилось все, как и ожидал я. Мечами, вилами да высокими кострами.

— Казнить собирались на месте, но решили, что царь Еремей за мать свою, Елизавету Ясную, сам отомстить захочет. Увели в Солнцеград.

— В Солнцеград, — повторил я слова Шуши. — Туда и направлюсь. Вызволю Марфу мо… — я чуть было не назвал ее своею и сам испугался мысли этой, — старосту вашу и домой верну.

— А ты успеешь? — спросила девочка, прячась за Шушиным платьем.

— Успею, — ответил я. — Иль не Буря я никакой, не защитник простого народа.

Глава 32. Лови демона!

Поскакал я в Солнцеград родной — место, что тысячу лет царями храбро строилось ввысь и скромно ширилось. До Иоанна Мудрого думалось многим, что надо высокой стеною ото всех оградиться: и от соседних царств, и от болота проклятого. С ним же решили иначе. Солнце тьму рассеивало, гниль отступала. Но не понравилось это колдунам. Не понравилось, что источники их погасли, так же как не понравилось соседям нашим, что истуканы их порушены были. И вступили мы в век войны, озаренный славными победами рода моего. Моими победами, что земли в пять раз наши расширили. И над ними всеми нависал Солнцеград.

Люд провинившийся казнился всегда на закате, чтобы солнце с собою душу забрало: темную во тьму сбросило, а светлую к Создателю вознесло.

Много часов потратили на дорогу мы, но успели ко времени до ворот царских. Чудной отряд никто б не пустил внутрь, пришлось их попрятать на въезде.

— Куда идешь, старик? — спросил меня стражник у ворот.

— Не старик я, а воин, — ответил я.

— Ты? — Он окинул меня взглядом. — Вид у тебя, конечно, могучий, но не вижу я на тебе доспехов. Ни городской стражи, ни царевой дружины.

— Где меч твой иль щит? — Подошел второй, хохотнул. — Да и староват ты для войска, отец. Дома б тебе строить иль деревья рубить.

— И то и то умею. А что до доспехов — я свое отвоевал, давно. Иду на казнь посмотреть.

— Да! Сегодня будет весело, колдунью обезглавят, — улыбнулся первый.

— А говорят, если поджечь тела их, горят зеленым пламенем! — добавил второй.

— Не зеленым, — ответил я горько и со знанием дела. — Обычным горят.

— Смотри на него, Андрейка, какой знаток. Ну

и кем ты будешь, старче? Прости, что не уважили, но нет на тебе знаков никаких.

— Вот мой знак. — Показал я ему накидку свою царскую, с семейным гербом. Знал, что признает во мне царя, а чего делать-то? Не с боем ведь прорываться к трону.

— Это? Это ж… — Первый стражник оцепенел. — Это… Откуда это у тебя, старик? — Он взялся за рукоять меча. Дело пошло не как я задумывал.

— Мое оно, братцы, клянусь.

— Твое?! Имя тогда назови! — велел второй и, сделав шаг назад, тоже взялся за рукоять меча.

— Вереском родители назвали, — ответил я. В дороге готовил эту речь для совета. Хотел правильно объявиться, из гроба выйти, чтоб все сразу признали. — Бурею — воины, с которыми плечом к плечу стоять пришлось на Ромашке! А народ мой звал меня Владиславом Непобедимым. Хотя убедился я и в другом прозвании: Кровавый я!

Признался я им так громко, чтобы каждый прохожий услышал. Пусть знают: вернулся бывший царюшка домой. Пусть проведут с почестями к Еремею, а слух о возвращении из уст в уста быстрее побежит. Пусть полюбят, как любили всегда.

— Демон!

— Бес!

— Адово отродье!

Тьфу. Бестолочи.

Схватил одного за латы, дернул к себе. Стукнул лбом, забрал меч и щит. Прикинул вес — ух, давно же наши родненькие мечи в руках не держал.

Второй стражник завопил и ринулся в бой. Бьет и так и сяк, да маневры его знакомы, словно сам я обучал дурака. Отбил удар, стукнул ногой в брюхо — он закряхтел и завалился. Полетели три стрелы со стены — я принял на щит и вбежал в ворота.

Сразу на рынок бросился. Уворачиваясь от толпы, вбежал в узкий проход, оттудова — по ступенькам, вправо, влево, вправо и прямо наверх, чтоб весь город обойти по защитной стене и попасть к крепости, на площадь главную, к месту казни.

Наверху встретил меня дозорный, ударил, а я — опять на ступеньки. Он ударил еще раз, я мечом в меч отбился, бросил щит ему по ногам, и он с криком упал. Я пнул его, чтобы дальше вниз покатился, забрал его щит и дальше побежал.

— Ух, лестницы… ух, стар я для вас, — прокряхтел я, принимая стрелу на щит.

Закрыли мне путь еще два воина: бьют да друг

другу мешают. Один удар я щитом отбил, второй — мечом, дал им отмахаться, задышали тяжело. Услышал: сзади бегут еще двое. Не было выбора. Закрылся щитом и побежал на уставших. Те растерялись, ударили кто как мог, все в щит, а я их плечами, как бык, растолкал кого куда и ринулся дальше. Полетели вновь стрелы. Все рядышком, а одна плечо царапнула. Хорошо, солнце было на моей стороне, светило из-за спины так, что щурились стрелки.

Добрался до сторожевой башни, через нее собрался махнуть на следующую стену. С обеих сторон побежали ко мне воины. Тех, что сзади, я за дверью оставить успел и кованым сундучищем ее подпер, а передние опять давай сталью передо мной махать.

— Да царь я ваш! Владислав! — крикнул я.

— Ну тогда я шут! — ответил один.

— Запомнил лицо твое. Вот доберусь до трона и сделаю тебя шутом. Помяни мое слово!

Обменялись ударами. Хорош воин оказался! Пришлось хитростью брать: схватил масло, что для врагов под стеной припасено, и плеснул им под ноги — проскользили двое вниз по лестнице. Третий, который шутом будет, устоял.

— Коль царь, значит, воин отменный? — спро-

сил он.

— Лучше не бери на слово царя, — пригрозил ему я.

— Один, два, — взяли! Один, два, — взяли! — услышал я за спиной, а затем грохот доспехов. — Почти поддалась, братцы!

— А ты покажи, на что горазд! — Будущий шут снова ударил меня мечом.

— Обещал я женушке больше ничьей крови не проливать! — отбился я. — Но коль такое дело, покажу кое-что, чего, пока в скользкой грязи с мертвяками дрался, понял.

Ударил сверху, затем снизу. Еще раз. И еще. А дальше обманул: пнул его в переднюю ногу. Не удержался он на масле — и задом в пол. Я замахнулся мечом так, будто голову собираюсь отсечь, он руками закрылся и вскрикнул.

Когда дверь поддалась, я уже был на другой стене, но и там меня ждали. Пришлось по лестнице вниз бежать, но отовсюду слышался лязг металла. Закрывали пути братья по оружию.

— Сдавайте, лжецарь! — крикнули сверху.

— Да, сдавайся! — добавили снизу.

— То Лжебуря, то лжецарь… — буркнул себе под нос. — А к царю отведете, если сдамся?!

— Не-а. Сразу на плаху!

— Это еще успеем! — крикнул я и спрыгнул вниз, на крышу какой-то постройки, с нее скользнул, сам того не желая, на вторую, а оттудова — прям на какую-то хибару, чья крыша под задом моим проломилась, словно последний лед на озере весною. Не сразу пришел в себя, а когда пришел, смотрю — вокруг птица летает. И не одна. Вот уж чудо. Куры со страху в небо просятся.

Дверь курятника с криком отворилась. Схватил я петуха и бросил стражнику, отмахнулся он от птицы, но от яйца брошенного — не успел, и от кулака царского тоже.

Я выполз из курятника, выплюнув перья, и через узкие проходы побежал дальше. За спиной слышался крик воинов. Со всех сторон дорогу закрывали.

Пришлось в дом знатный забежать. Там боярышни благородные в платьях кружились, но когда меня увидели — завизжали. Через другое окно вылез.

— Слышу его! — опять крикнул кто-то.

— Лови демона!

— Да чтоб вас, мужики… — закряхтел я и вновь нырнул в переулок, а оттудова вдруг — в толпу людскую. Та двигалась не спеша к царскому дворцу.

— Площадь, — проронил я, оглядываясь. Затем замер взгляд мой на золотом изваянии в самом центре. Грозный воин с секирою наперевес глядел вдаль. Густая золотая борода его, словно облако, застыло под дуновением ветра, а суровый взгляд напомнил мне то, что видел я каждое утро в отражении в болотной жиже.

На широких ступенях дворца стоял трон — как и всегда, когда на площади проводили турнир или казнили кого-то достойного царского внимания. Ведьма была достойна, и посадили ее в клетку, как дикого зверя. На троне же сидел мой сын, окруженный стражниками. Не было на лице его ни самодовольства, ни злобы, другое видел я там — отражение себя прежнего, сурового и властного.

Того, на кого он так рвался походить.

— …посему, руководствуясь указом Владислава Непобедимого, каждый сподручный колдовского дела должен быть казнен! — объявил глашатай. — И ведьма эта, Марфою себя называющая, а также самопровозгласившая себя старостой деревни Хвойного, лишится сегодня головы! Но пред этим государь слово молвить хочет!

Он глубоко поклонился Еремею, и сын мой выступил к плахе. Вместо отнятой левой руки

его к царским доспехам была приделана золотая перчатка. Он посмотрел на Марфу и заговорил:

— Как вы знаете, я недавно вернулся из военного похода. — Народ сразу поднял гомон, и сын продолжил громче: — Я проиграл — по множеству причин. Первою из них признаю я свою неопытность. Признаю и глупость свою пред всеми вами, ведь отец воспитал во мне и в моих братьях честность. Я раскаиваюсь. Вчера ночью я плакал и молился Создателю. Я просил дать мне знак, и он его дал. — Еремей указал Марфу. — Я должен был продолжить дело отца. Сегодня утром я собрал военный совет, решая, в какие земли выступит мое новое войско, но затем узнал о ней, о ведьме на наших землях. Вот он, путь отца. Борьба с колдовством в любом его виде! Этим мы и займемся! И пусть сегодняшняя казнь будет вестью для каждого заигрывающего с чертом и его приспешниками. Наша сталь коснется вас, как моя сегодня коснется этой колдуньи!

Народ заликовал.

— Этому не бывать, — произнес я.

— Что?! Кто это сказал?! — крикнул один из воинов царя.

— Вот он, демон, нашли его! — закричал кто-то за моей спиной.

Я направился к ступеням, расталкивая зевак, но воины все же обступили меня, схватили и повалили на колени. В горло уперся меч одного из них.

— Кто возразил царской воле? — спросил глашатай.

— Его отец. Простой крестьянин.

Вокруг меня зашепталась толпа.

— Колдовство!

— Он принял облик покойного царя!

— Демон!

— Отпустите моего отца, — сказал спокойно Еремей. — Царя Владислава Непобедимого.

Стражники переглянулись, помедлили, но расступились. Я встал и направился по ступеням наверх. С каждым моим шагом рос я и уменьшался весь еще недавно бывший моим народ Солнцеграда.

— Но как такое возможно?! Мы ж его схоронили! — завопил глашатай, а потом посмотрел на меня и раболепно повторил: — Мы ж схоронили тебя! — и освятил грудь. — Царюшка?

— Не умирал я никогда, но устал от царствования. Хотел я себе простой жизни. — Я посмотрел на Марфу и добавил: — И сейчас хочу. Не надобно мне от вас ничего. Я пришел за Марфою и прошу

ее, царь Солнцеграда Еремей, отпустить со мной.

— Но как? — растерялся сын. — Ты говоришь о ведьме. Отец, ведьмы убили мою мать!

— Знаю, — ответил я. Марфа лишь опустила глаза. — То была война, и убить пытались не ее, а меня. И не Марфы это дело, а девяти сестер. Марфу я знаю как человека, создавшего уют в жизни деревни у заколдованного болота.

— Она навела на царских посланцев свои чары!

— Но до того момента она не колдовала. Ты можешь отправить дозорцев в Хвойное. Нет там зачарованного люда. И я, клянусь Создателем, никогда не видел этого. Но раз народ видел ее колдовство — отрицать не буду. Многие в том грешат.

Сын поочередно окинул взглядом меня, Марфу, совет из знатных семей и тысячу зевак, собравшихся на площади ради казни. Бросил еще одно обвинение:

— Ослушалась приказа царя!

— Какого приказа?! — не удержавшись, рявкнул на него я. — Какого?! Не дала тебе ребенка в армию для нового похода?!

— Не тебе осуждать решение царя! — ответил мне он так же громко, но по лицу его стало понят-

но, как испугался он своих же слов.

— Зря я отдал царство тебе, — сказал я разочарованно, зная: слова эти разобьют моему сыну сердце. — Зачем ты снова ввязался в войны? Ведь я оставил тебе мир…

— Мне нужны были свои победы! — снова повысил он голос.

— Зачем тебе все это?!

— Как зачем?! Да потому что у меня не было ничего! Не было своей истории. Все на меня смотрели как на недостойного носить корону после Владислава Непобедимого, великого царя!

Он помолчал. Успокоился и глуше, горше добавил:

— Все смотрели так, словно я никто. Словно я получил объедки, а не трон Солнцеграда. Словно я недостоин.

— Сын… — Я сделал шаг к нему, но он меня перебил:

— А еще, отец, другому ведь ты с детства меня не учил. Только войне. Сотни раз говорил, что однажды я стану царем и величайшим полководцем. Разве нет?

— Признаю. Признаю вину и ошибку. Прости меня за это, сын, не видел я другого счастья для царства, всех хотел завоевать. Всех на колени

поставить. И тебя только этой науке учил, а не как жить в мире. Прости, — закончил я, опустив голову.

Еремей долго молчал, и понимал я почему. Он вырос, видя, как писалась легенда об отце, и готовился писать свою, а теперь ее потерял. Наконец он снова заговорил:

— Прощаю, отец. Пошатнулись из-за меня границы, но я все исправлю. Наберусь опыта, буду слушать совет, как ты и хотел… сегодня же продолжу другое твое дело. — Он указал на Марфу. — Я буду превращать в пепел тех, кто лишил меня матери.

— Не будешь, — отрезал я, а затем во всем признался — и себе, и всем, и сыну, верившему в мою бесконечную любовь к Елизавете Ясной: — Мсти кому угодно, но не моей Марфе.

Она взглянула на меня, и теперь мой черед пришел отвернуться виновато.

— Твоей? — повторил сын, сжав секиру единственной рукой. — Твоей Марфе? Как же так? — Он посмотрел на нее и на меня. Улыбнулся страшной улыбкой. — Вот она где правда. Одурманила!

— Нет.

— В себя влюбила! — Еремей размахнулся се-

кирой и ударил по клетке, пробив несколько прутьев. Марфа, закрывшись руками, вскрикнула.

— Нет!

— А как же мать?! — Он с трудом выдернул оружие и ударил с другой стороны. Прутья лопнули и там. — А как же любить до последнего вздоха?!

Он замахнулся вновь, но я встал между клеткой и лезвием.

— Остановись, Еремей. Я всегда любил и по сей день люблю твою мать. Засыпаю и просыпаюсь с мыслею о ней. Всегда так было и будет.

Он взглянул на Марфу и вздохнув, сказал:

— Я тебе верю, но этого ведьме простить не могу. Казнить ведьму!

Стражники не спешили выполнять его указ. Еремей повторил громче:

— Казнить ведьму, я сказал!

На этот раз стражники нехотя подступили, но только они оказались рядом, как я вырвал у одного из них меч и сбил с ног второго. Вмиг услышал, как на полусотне луков натянулась тетива и лязгнул металл обнаженных мечей.

— Нет! — сказал сын, подняв золотую перчатку. — Стойте! — Он вышел вперед.

— Буря, не надо, — услышал я голос Марфы

из-за спины. — Отступись.

— Не бывать этому, — отрезал я.

— Отец! — снова окликнул меня Еремей. — Тебе, верно, кажется, что поступаешь ты по совести, но твое сердце отравлено. Услышь разум. Опусти оружие. И уходи. Это не людской суд, а божий. Колдовству суждено сгинуть с нашей земли.

— Она живой человек. Самый обычный человек, добра желающий всем вам!

— Мы оба знаем, что это не так. Твой указ гласит, что колдовские отродья живыми существами не являются. Души не имеют. Разве ты забыл?

— Не забыл. Но я был глуп. А коль ты глупость мою все считаешь истиной, то требую я у тебя *судьбабой*! Создатель решит, кто прав.

Сын замер.

Я вернул ему давний вызов: когда потребовал он в случае победы надо мной царскую секиру. А проиграв, не только лишился на годы права покидать военный шатер и вступать в бой с врагом, но и был мною-дураком высмеян, отшлепан за дерзость священным оружием, которое теперь держал в единственной руке.

— В случае победы царем будет издан указ, что промышляющие колдовством тоже люди, душою наделенные, и будут судиться они по мере вреда,

ими наносимого. Так же, как все прочие подданные наши. А мы с Марфою просто уйдем.

— А в случае моей победы? — спросил Еремей и горько усмехнулся. — Что ты предложишь царю?

— Царство, — ответил я. — В своде законов указано, что царствие мое — покуда не умру или не отрекусь.

— И ты отрекся.

— Отречение это происходит пред советом, пред ликом Создателя, с рукою, держащей свод законов, а не на холме с коровьим навозом. И может, не уходил я навсегда, просто отдохнуть хотел… Кто ж теперь вспомнит точное словцо? — пожал я плечами. — И оружие мое, которое ты носишь как свое, оставлю тебе навсегда.

— Хитро, — сощурил он глаза. — Знаешь, отец, Создатель мне свидетель, ничего я более не желаю, чем вернуть тебе трон и секиру, — он указал на собравшийся люд, — и все царствие твое! И тебя самого вернуть с болот проклятых обратно в эти стены! И продолжить учиться у тебя! — Он опустил оружие. — Ведь ты всегда был и будешь для меня богатырем из сказок, таким тебя и запомню. — Так же ровно он закончил: — А не тем, кого вижу пред собой — предателем царства, предателем той, что жизнь свою за тебя отдала!

Он шагнул ко мне и, неожиданно размахнувшись, нанес секирою удар, но не по мне, а по клетке. Замок раскололся надвое, и дверца отворилась.

— Ты не Владислав Непобедимый!

Марфа вышла к нам.

— Никогда не думал, что такое произойдет! Что великого царя я — его собственный сын — не узнаю! В чем тут секрет? Что же с тобой случилось на проклятом болоте? Дела сердечные ли это или колдовство? Но ты не он. Еще там на болоте я увидел цвет твоих глаз. И убивать я буду, стало быть, не отца. Да будет судьба́ бой.

Глава 33. Кто ты такой?

*Мой первый судьбаб**о**й произошел, когда мы осаждали крепость — в дальних землях, на холме, укрытом со всех сторон горами. Вельможа один, хозяин ее, решил объявить себя тамошним царьком. Мне еще двадцати не было, но наш воевода разрешил мне сражаться.*

Победив, я сохранил жизнь врагу, а крепость вернул. Отец гордился мной и пиром в честь победы той вписал мое имя в историю. В ту ночь пели песни и слагали стихи о молодом царевиче. Отец же, поднимая кубок, ни слова не сказал о моей храбрости и свирепости. Он говорил

о моей мудрости, о том, как много я дал нам, предпочтя жизнь смерти. Это была красивая здравица. Я слушал ее и соглашался, но в глубине сердца понимал: дело не в мудрости, а в жалости. Это была легкая победа и совсем не то, чего я ожидал от первого в своей жизни судьбабоя.

Позже я раз за разом делал то же: и в легком, и в тяжелом сражении сохранял врагам жизнь. Но в одной битве, в битве на Ромашке, все изменилось.

*Воин, что выступил против меня, во всеуслышание спросил, не тот ли я царский отпрыск, у которого никогда не хватает мужества на последний удар? Не Владислав ли я Мягкосердечный? Не Владислав ли, боящийся вида крови? Он потребовал, чтобы, если проиграет, я все же нашел где-нибудь мужества горстку и сделал то, что д**о**лжно.*

*Я сделал. И победили мы в той битве, ни одного воина не потеряв. Поле, полное ромашки, уцелело, никем не топтанным остаться могло. Вот только не снес я обиды, как д**о**лжно мудрому царевичу. Позабыл обо всех договоренностях. На-*

бросился вдруг на войско, склонившее колено пред моим отцом. И закончилось все кровавою бойней.

*В тот день родилась легенда о Буре, что обрушилась на Горную страну. Не слушает ведь истинная буря никого. Никому не подчиняется. Творит, что д**о**лжно, что Создателем уготовано, и уходит до следующего разу. Таким был я. И стоял я там один, когда буря кончилась, а все вокруг меня лежали. И свои, и чужие. Тысячи воинов.*

Вместо помощи своим я вопрошал, глядя на раненых чужих, остался ли хоть один, считающий, что нет во мне мужества. И не было у меня более судьбабоя, завершившегося пощадою. Тридцать семь побед. Тридцать семь смертей от моей руки.

На обрубок Еремеевой левой руки надели царский вытянутый щит. Правой же он крепко держал секиру, предназначенную для двух рук.

Он был силен, храбр и умел. Последним поражением его на памяти моей был давний день турнира.

И вот мы вновь там же.

Я предпочел простой меч и щит, как у стражников, и встали мы друг против друга.

— Отец, ты помнишь день, когда погибла мать? — спросил он.

— Помню, — ответил я, и он нанес удар.

Первый, второй, третий — все сильные, злые, не укрытые боевой хитростью. Будто чтобы я проснулся, чтобы понял: намерения его серьезные. Что более это не игры на деревянных мечах. Что должен я одуматься, пока не поздно.

— И что это был за день?

— Это было празднование.

Он снова напал. Удар сверху, снизу, сверху, снизу, потом — тяжелым сапогом в мой щит. Я упал на колено. Он не стал добивать.

— Какое?

— Не помню. — Я тяжело поднялся. Недавняя погоня давала о себе знать. — Это была победа. Победа в какой-то битве.

— Нет. — Он помотал головой, затем направил на меня секиру и с упреком добавил: — Попробуй вспомнить, что праздновали мы.

И снова он напал — теперь бил наискось. Худой и быстрый воин увернулся бы от этих ударов, но я был не таким, поэтому пришлось отбиваться щитом. Последний удар отломил его часть и оставил на моем бедре красную борозду.

— Буря! — крикнула Марфа.

— Буря, — усмехнулся сын. — А знает ли ведьма, как ты прозвище это получил?

— Нет, — прохрипел я.

— Если останешься жива, если я погибну от рук собственного отца, вам будет что обсудить на болотах!

Он снова напал, и удары его были отточены, но не смертельны. Он ждал, пока я сдамся, ждал, пока опущу щит.

— Не вспомнил, что же мы тогда праздновали?

— Я не помню.

— А во что ты был одет? Был ли это воинский доспех?

— Не был, — вспомнил я. — Кафтан был златотканый, от отца доставшийся.

— Значит, не был пир этот с войною связан. Что же мы праздновали?

— Я не помню, сын…

Еремей снова напал, и с каждым ударом разносил он защиту мою в щепки. С последним лезвие

секиры вошло в щит и застряло в нем. Дерись сын с двух рук, он бы снес мне с одного удара и щит, и наручи, и руку.

— Вспомни! — крикнул он и, вырывая секиру, забрал с собою щит, который сбил ногой. — Вспомни! Вспомни! Вспомни!

Теперь он наносил широкие удары в моем духе, сродни буре, что поразила бы легко с десяток врагов. Я уворачивался и отбивался мечом, но в конце концов споткнулся и упал. Сын опустил секиру и тяжело задышал.

— В этом-то и суть, отец. Не знал ты ничего в этой жизни, кроме войны. Это был мой восемнадцатый день рождения. День, когда принять меня должны были как защитника царства. День, когда каждый мальчик воином делается по праву природы. В тот день надкусила она яблоко ихнее. — Он указал на Марфу.

— Ты прав, — кивнул я, не в силах подняться. — Прости, что забыл. То был тяжелый день для всех.

— На следующее утро я спросил тебя про ее последние слова. Ты ответил, что забыл. — Он покачал головой. — Да, ты постарел. И памятью, и телом. Уравняем же шансы. — Он бросил секиру и получил вместо нее такой же простой меч. —

Либо просто не хочешь ты битвы со мной. Лучше бы первое. Потому что вторым ты вновь меня унижаешь, как в тот день, на турнире. Вставай! Вставай и дерись!

Я встал на колено. Он снова нанес удар, и его сталь легла на мою, в разлом, что остался в моем лезвии от секиры.

— Покажи себя, отец!

Я что есть мочи оттолкнул его, и, попятившись, он ударился о прутья клетки.

— Мы оба знаем, отец, что ты не можешь проиграть, а я могу. Не погибнет от рук простого смертного мужа проклятый с рождения царь.

В тот миг понял я, на что он надеется. Хочет просто умереть от моих рук, от рук богатыря. Но не был он в страданиях своих повинен. Больше не видел я сына своего — видел израненного наихудшим отцом мальчика. Он был потерян во тьме, окружен врагами, и мир этот с самого детства создавал ему я, словно не было ничего, кроме войн и воинов, на этих войнах славу добывавших. Давно ушедший за двадцать лет, не желал он ни семьи, ни продолжения нашего рода. Он, как и тысячи других, стал жертвой моих желаний. Только Еремей был пока жив, а те уже погибли.

И Лизонька тоже погибла.

Я вызвал его на бой, надеясь вразумить, напомнить о сердце его благородном, но не заметил я, как глубоко он во тьме. Не было более других решений. Я отбросил меч. Разорвал рубаху и показал свою грудь.

— Нет, сын, на мне больше проклятия. Теперь всякий убить может. И ты можешь.

Он, ошеломленный, пригляделся. Даже без лунного света знающий заметил бы следы на коже. Не теперь. Ушли руны, когда от рук мертвячьих я пал.

Я опустился на колено, преклонил голову.

— Я сдаюсь. Нет сил, и желания тоже нет биться с сыном. И молю его, своего царя, проявить милосердие к нам.

— Не хочешь ты кровь сына проливать, — сказал он. — Это благородно. Я проявлю к тебе милосердие в память о матери, в отличие от тебя сохранившей любовь до последнего вздоха. Но в память о матери я не могу сохранить жизнь ей.

Сын пошел к Марфе, занося меч. Я рванулся за ним, но не мог ему помешать: не было у меня ни щита, ни оружия. И все же клинок Еремея не нашел цели — был отбит черным, не отражавшим солнца мечом, словно из ничего появившимся в моей руке.

— Колдовство… — Еремей попятился, испуганный. — Колдовство!

— Молю тебя, сын. Остановись.

— Это колдовство! Смотрите, что это у него на груди?! — закричал кто-то из толпы, указывая на меня пальцем.

Из-под разорванной рубахи, будто взамен рун, теперь проглядывал светящийся шрам. От сердца и во все стороны тянулись зеленые нити жизни.

— Кто ты такой?! — выдохнул Еремей.

— Я твой отец, — ответил я.

Он напал, но слабый удар его я легко отбил.

— Кто ты такой?!

— Я твой отец, — повторил я.

— Нет у меня больше отца! — вскрикнул он и ударил сверху, я же встретил удар своим, и клинок с дребезгом упал на камни площади.

— Ты не он, — проронил Еремей. Губы его задрожали, и он упал на колени.

Я разжал пальцы, и черный меч исчез.

— Верни моего отца, ведьма, — произнес Еремей, и из глаз его полились слезы. Я же обнял его, прижал к себе. — Где мой отец…

— Я тут, — ответил я. — Прости.

— Что же это творится на земле нашей… Ты не Владислав Непобедимый…

— Ты прав. Я больше не он, а может, никогда им и не был. Зато был Кровавым… Таким, видимо, и запомнюсь средь простолюда и тех, кто не хотел под крылом моим жить, да кровью своей поплатился за это. Не хочу, чтобы и мой сын запомнился тем же. И все же… прости снова. Я виноват. — Я поднял его на ноги. — В бесконечных боях и книгах о военном деле не дал я никому из вас любви и радости обычной жизни. И матери вашей тоже не дал себя. Не было у нее мужа, а у вас — отца. И прошу… не будь похожим на меня ни в чем. Прославься другим. Дружбою. Не битвой. А меня, коль Марфу простить не можешь, вместе с ней казни. Пока скакал сюда, понял я, что жизни мне без нее нет. Она не заслужила, а я всего ужасного заслужил. Много горя принес всем, — завершил я и посмотрел на Марфу. — Битвы на Ромашке могло не быть. Это я принял решение устроить побоище, не будучи еще царем. И братьев своих — старшего и младшего — я погубил там на горе. Тысячи полегли. Отец не смог этого горя вынести. Все лежали на поле брани, а я стоял. — Я поднял секиру с земли. — Этим оружием в тот день я лишил жизней полсотни простых вояк. Бурею прошелся по врагу страны моей и имя это заслужил я там.

Затем я обернулся ко всем жителям Солнцеграда.

— Двенадцать войн я затеивал, будучи вашим царем! И вы запомнили меня Владиславом Непобедимым, а те, кто за стеной, знают меня другим — Кровавым! И того не изменить мне, сколько бы дел хороших ни делал… Но, — я замолчал, оглядел народ, которым управлял, остановил взгляд на сыне и последнее сказал: — Месяц назад я вернулся на то поле, где бойня состоялась. Где не было места шага ступить — везде поверженные. Знаете, что там сегодня? Поле, полное ромашки. Как будто и не было ничего. На то надеюсь — как бы человек ни пытался другого человека жизни лишить, а земля всегда будет жизнь возвращать.

Глава 34. Буря

Три ночи и два дня просидели мы в темнице в ожидании царского решения. Были мы с Марфой порознь, и то хорошо. Обругала бы за глупость мою. Или храбрость. Тут уж как посудить. Но когда уводили нас в разные стороны, услышал я:

— Дурак ты, Буря.

Дураком три раза на дню и Лизонька меня называла, так что эта весть для меня не нова. Каким был, таким и остался.

Ранним утром пришли за мной стражники. Один из них — тот, которого я шутом сделать обещал. Опустил он глаза, открывая засов.

— Не боись. Не сделаю шутом, — улыбнулся я. — Уж больно храбрый ты. Таких ценить надо.

— За что? — спросил он, пристыженный.

— Там, где заканчивается умелость воина, начинается его храброе сердце. Знаешь, кто сказал?

— Вы?

— Нет. Певун какой-то, — улыбнулся я, положив руку на его наплечник.

— Спасибо, государь.

— Никакой я не государь тебе. Буря я. Крестьянин с окраины земель наших. Правда, покамест неудачливый. С мечом лучше, чем с мотыгой, управляюсь.

Провели меня сквозь всю столицу, и у площади пустой я взглянул в последний раз на памятник свой. Увидел Еремея, по ступеням спускающегося ко мне. Вспомнил раннее утро, когда погубили Лизу ведьмы. Всю ночь тогда просидел рядом с телом любимой и вышел в тронный зал, а там в конце, на балконе, ждали меня три сына моих. В слезах высохших и в ярости пылающей ждали они, чего скажу я.

И сказал я, сжав в руке надкушенное заколдованное яблоко, что впредь связанных с колдовством без суда жизни лишать будем. На месте. И тем же днем подписал указ, что нет душ у ведьм и прочих нечистей. Что не люди они и лишь кознями чертовыми в тела человеческие облачены.

— Ты правда забыл последние слова матери? — спросил Еремей, оказавшись рядом. — Я не верю. Ты не мог их забыть, ведь она умерла на твоих руках.

— Не мог. — Я отвернулся, чувствуя стыд. Ведь я изменил ее слова себе в угоду. — «Будь проклята вся война этого мира». Так она сказала и умерла.

Он кивнул. Мы оба помолчали, глядя на памятник мой.

— Нравится? — спросил Еремей.

— Пузо большое.

— В отместку за то, что ушел, — ответил он, не улыбаясь.

Прошли через столицу, и у самых ворот, в которые меня — самозванца — не пускали, увидел я Марфу на белом коне.

— Отпускаешь нас?

— Я ведь проиграл. Кто я, чтобы поперек судьбабоя идти? Да и не отпущен. Царским указом изгнан в худшие края земли нашей. Туда, где ни одна душа покоя не найдет. Близ ядовитого болота, и чтоб компанию тебе составляли недобрые колдовские отродья. Звери чудные, мертвяки… что там еще в песне о Буре поется?

— Сова, — подсказал я. — Сова, советы по-человечьи дающая.

Мы подошли к воротам, переглянулись с Марфой, и оба смущенно глаза попрятали. Вышли все вместе.

— Веришь ли ты, что я твой отец? — спросил я.

— Верю, — ответил Еремей не сразу. — Хоть глаза твои и стали колдовскими, зелеными, и нрав сменился.

— Тогда услышь мой последний наказ, царь.

— Говори.

— Убери статую. Не надо мне славы этой. Что тут золотой, что из дерева в лесу — все равно истукан для поклонения получается. Народ пусть одному Создателю и молится. А золото народу раздай.

Он кивнул.

— Раздам от твоего имени.

— Не от моего. От Елизаветы Премудрой. Обо мне пусть народ что хочет думает, а о ней — хорошо. Ведь не было на земле этой лучше человека, чем она. И всех призванных верни по домам. Не должны дети воевать.

— Верну.

Я взял коня за поводья.

— Отец, — сказал Еремей, и я обернулся. — Хочу, чтобы ты знал: я не могу отпустить злые мысли о тебе. Не знаю, смогу ли когда-нибудь. И

в темные мгновения хочется мне, чтобы *ты* умер тогда, а не она.

— Мне каждый миг хочется того, — кивнул я. — Больше всего на свете. Но мы оба вкусили то яблоко. И только Создателю ведомо, почему так все обернулось. Прощай, сын.

— Стой! — вновь остановил меня он и, держась за меч, пошел навстречу.

Неожиданно из кустов выпрыгнул ни бык, ни кабан, ни волк, а верхом на нем сидел мертвяк. Зверь споткнулся о чье-то корыто и кувыркнулся на дороге, разбивая Мурку на костяшки. Тот принялся собираться, а когда собрался, взглянул на Еремея, правда, все тело его смотрело в обратную сторону, и меч, незнамо откуда взятый, тоже. Глупая сова же в этот раз приземлилась как надо — на мое плечо.

Зазвучали голоса стражников, натянулись тетивы луков, но Еремей выставил руку.

— Действительно, чудной отряд, — проронил он, обведя нас взглядом, и остановился на кобыле, неспешно к нему подошедшей. — Маришка… — Он обнял ее крепко, поцеловал, а она его легонько толкнула. Он усмехнулся, вытер подступившую слезу, посмотрел на меня и сказал: — Я хотел тебе напомнить, что ты все еще должен мне десять

серебряных. Сдержишь слово, Буря?

— Умру, но сдержу, — ответил я.

До первого привала шли мы молча, и там, у костра напротив меня, Марфа молчала. Вначале казалось, что обижена, потом решил, что с подозрением смотрит. Изучает. Небось гадает, соврал я иль правду сказал про то, что чувствую к ней.

А чего? Раз сказал, значит, сказал. Мужик слово назад не берет. Да и не соврал. Вроде.

Когда Марфа открыла рот, я ее опередил:

— Я тебе подарок принес.

— Свататься решил?

— Опять ты за свое.

— За что?

— Словами, что стрелами, сыплешь.

Я замолчал. Мурка осуждающе посмотрел на Марфу.

— Да чего я… — собиралась она возмутиться, но он ткнул в нее костяшкой пальца. — Я все хотела у тебя про руки кровавые спросить, а сейчас смотрю — нет крови.

Я посмотрел на них. Удивился. И вправду нет.

— Исчезла. Не знаю, куда делась. Проклятие было.

— Знаю я о таком, — сказала она. — Думается, рассеялось, когда признал ты грехи свои и сущность.

«Кровавую», — подумал я, но промолчал.

— Ну и чего, будешь свататься иль как?

— Смотря сколько тебе летов. Истинных.

— Негоже у девушки лета спрашивать. Не потому ли интересуешься, что ведьма я? Могу и жабой быть нутром, и змеею.

— Нет, — соврал я. — Когда впервые тебя увидел, я уже спрашивал. Вот и повторяю вопрос свой. Да и воин я, а не торгаш. Сладким разговорам с девицами никто меня не учил. Только как есть говорить. То, что на душе.

— Ну так скажи, что у тебя там на душе.

— Сказал уже, — нахмурился я. — Другое свойство воина — не повторяться. Один раз сказал, и всем понятно должно быть.

— А ты повтори. Там шумно было, ничего не расслышала. Да и в ушах плесень завелась. Так ведь у ведьм бывает?

— Вот вижу я, что колешь меня, а не буду в ответ так же. Если чего-то я и знаю о женщинах — так это что нападаете вы сами, когда вину

чувствуете.

Теперь замолчала она.

— *Хотела* меня убить в Большом военном походе? — спросил я.

— Хотела, — пробурчала она себе под нос.

— И Проклятого царя и прочих разных заколдованных *сама* на меня натравила?

— Натравила.

— А за что — не скажешь?

— Не скажу.

— Тьфу, — покачал я головой. — Но вину свою признаёшь.

— Признаю. За то, что сестриц моих убил!

— Так, значит, сестрицы все-таки?

— Да. Признаёшь вину?

— Признаю. А про заколдованное яблоко?

Начала сестриц оправдывать: мол, ведьмы и добрые, и злые бывают. А я оправдывал царево войско, с колдовством боровшееся и тоже не целиком благородное. И опять рассорились мы, но потом поели и оба добрее стали. Подумал я, что есть связь почти колдовская между недобрым настроением и пустым животом.

— Вот. — Я поставил рядом с ней отражелье. — Подарок. Что есть.

— Так все-таки сватаешься?

— Смотря сколько тебе лет.

— Может, столько… — Она выставила отражелье вначале с правой стороны, так что я в отражении вместо нее девицу совсем юную увидел, затем с левой — и превратилась в покрытую бородавками, с черными зубами страшную бабу. — А может, и столько. Может, во внучки тебе гожусь, а может, в бабушки.

— Вот так вопрос, — признал я, затылок почесав.

— Тут вопрос один: любишь иль не любишь. И все. Вот и решай.

Собрали вещи — и снова в путь. Мы не сидели на лошадях, а просто вели их. И если Маришка мне всегда родной была, то новый-то скакун не мог сразу незнакомцев возлюбить. Но ведьму, добрую, он полюбил быстро. За время нашего Великого военного похода все живое в Марфу влюблялось, начиная с чудного отряда. Была у нее связь с природою незримая, как у ведьмы любой. А я, дурак, завидев это, мог бы догадаться.

Забрезжил закат. Показалась деревня, та, которую из-за открывшейся правды Марфе придется теперь покинуть, уйти в другие края. И понял я: нельзя больше тянуть.

— Люблю, — сказал я, остановившись. Марфа

обернулась, посмотрела с недоверием.

— Не врешь?

— Не вру. Думается, давно люблю.

— А чего молчал?

— Потому что… — Я замер на полуслове, не зная, как продолжить. Как женщине такое сказать? А если согласится, на что себя обрекает? — Ты должна знать, что я всегда буду любить Елизавету. Буду скучать по ней. — Ком подступил к горлу, и замолчал я.

«Прошу тебя, погуляй со мной, хоть раз».

— Буря?

«Ну, скажи же, в чем секрет? Как то, что я решаю мечом, ты решаешь словом?»

«Все просто, царюшка. Говорить да лезвием брящать всяк горазд. Ты страхом вскрываешь сердце. А я слушать умею. Другой путь, но та же суть».

— Буря…

— Не хватает мне ее очень… — произнес я дрожащими губами. — Не только как женушки.

Чудень, подойдя ко мне, потерся лбом.

— Как друга не хватает. Как человека, которому скажешь что-то, и он услышит. Поймет. А прижмешься к ее груди, дыхание услышишь — и уснешь спокойным сном. Без кошмаров этих. Без войн, без… без… — Опять замолчал. Все, что

сказал, сказал уже сквозь плач. Мысленно взмолился Создателю, чтоб провалился там же и не видела меня Марфа таким слабодушником. Чтоб не думала, что превратился я в старика, в одиночестве измучившегося. — Не могу, — помотал я головой. — Иди ищи свое счастье. Не надо тебе этого всего.

— Чего?

— Того, что в груди моей поломано уже очень давно.

— Сорок будет в этом году, — ответила она и взяла меня за руку. — А теперь решай, стара иль млада для тебя.

Вошли мы в Хвойное рука об руку. Рассказали о случившемся в Солнцеграде. Марфа рассказала о колдовском нутре, за вранье прощенья попросила. И за то, что не может более старостой быть. Простолюд ее понял и простил.

По поводу мертвяков заверили, что нет их больше и не будет. Кроме Мурки, но он добрая душа. Думал я тогда, что эта угроза и была обещанной человечеству великой напастью. Не знал, что на-

стоящее Злое зло нам еще предстоит встретить.

Когда-нибудь.

— Царь Владислав, богатырь великий! — обрадовался кто-то в толпе. Другие тоже начали бросаться словечками хвалебными.

— Не богатырь я никакой, — ответил я. — И давно не царь.

— Если ни то ни се, тогда кто? — спросил Серема, сузив глаза, и без страху ткнул меня палкою в грудь.

Собирался ответить так, как всем всегда отвечал, но, взглянув в глаза люда простого, меня окружавшего и ответа честного ждавшего, понял: не могу. Не знаю, как ответить, так чтобы и самому понятно было, что правду говорю. В жизни своей сменил много имен. Каждый народ поверженный давал мне прозвище новое — доброе или злое. Непобедимым звали и Кровавым. Мать — Вереском. Отец — Владиславом. А теперь вроде Бурею стал из песенки народной. И надеяться мог лишь на то, что со сменой имен и сам душою поменялся.

Казалось мне, что, царствуя, понял я все о мире. О землях своих и людях, на них живущих. Что смотрю в душу каждого и знаю, чего надобно ему для счастья, даже если он сам того не знает.

Но, Солнцеград сменив на болото, открыл себе глаза на то, что ничегошеньки не знаю. Ни о землях, ни о людях, но более всего обидно стало, что ничего не знаю о себе. Ведь все, что слышал я, было от людей, меня любивших или боявшихся одного только взора моего. Теперче увидел я и обратную сторону царствования своего. Любивших меня много было, но и не любивших — тоже. Тех, кому я горя принес столько, что проклинать будут до последнего вздоха, и в проклятиях тех правды больше будет, чем в том, что слышал я на пирах в свою честь.

— Чего молчишь? Кем будешь теперь? — не унимался Серема.

— Мужиком простым, — ответил я, пожав плечами. — Не тем, что из песен. Бед от меня было больше, чем пользы. И не исправить мне сделанного. Знайте, если дров наколоть надо, приду с топором. Иль чего другого — тоже зовите. Ничего мне от вас не надо. Только простить прошу. Кто за что может, а за что не можете, буду ответ держать. И коль на вас враг нападет, знайте, что возьмусь за меч. Ведь Бурею меня не просто так зовут.

Глава 35. Будь проклято все колдовство этого мира!

Вернулись всем чудным отрядом домой. Поели, спать легли, а наутро встретил я Маришку слабой. Подумалось мне, что устала она больше обычного после приключений наших, но к вечеру она слегла и, как когда-то Марфой обещано было, умерла.

Схоронили наутро рядом с домом.

Поплакал. Все поплакали.

Говоря добрые слова над могилой, сказал я и о том, что так и не понял отцовской мудрости в подарке этом. Но для себя решил:

— Ты сердце мое всегда смягчала, любимая Маришка.

Если остальные с горем как-то справлялись, то тяжелее всего Чуденю пришлось, воспитавшей его тетушки лишившемуся. Долго тот от могилы не отходил. Ни на еду, ни на прогулку, но знавшие много о потере любимых я и Марфа понимали, что нужно ему время. Всем нам нужно было время.

В память о Маришке через десять дней устроили большую прогулку с утра до вечеру. Чудень тоже пошел, потому что объявили ему, что без него мы никуда. Хорошенько мысли развеяв, вернулись мы к дому.

— Знаешь, как поняла я, что рядом с нами вояка поселился? — спросила вдруг Марфа.

— Вороны, — ответил я и указал на птиц, прыгающих за нами по веткам. — Соглядатаи твои были всегда.

— Нетушки. Только вояка будет в начале себя ограждать, — она положила руку на возведенный мной частокол. — А лишь затем дом строить.

— Хм… — нахмурился я. — Почему так?

— Потому что живете так, будто со всех сторон нападения ждете.

Мы вошли в дом, в центре которого продолжала расти яблоня. Ветви ее опустились, пока не созревшими плодами ведомые, хотя казалось

мне, что не растет на болотах ничего. Марфа же назвала это добрым знаком.

— А может, это потому, что я царь, а цари за высокими стенами живут!

— Не живут, а прячутся. От колдовства всякого.

Марфа аккуратно поддела за шнурочек лежавший на столе оберег.

— Тебе еще многое предстоит о нутре моем сложном узнать, Буря. — Она показала ожоги, оставленные оберегом, когда спасала меня.

Мне захотелось ответить, что все прежнее, все царево и ведьмино лучше оставить позади и жить обычной жизнью, но вспомнил я слова любимой:

«Я умею слушать».

— Что же? — спросил я.

— Хотя бы то, что мы бываем разные. И темные, и светлые.

— Ты удивишься, ведьма, но люди такие же, — улыбнулся я и поцеловал ее руку. — Я знаю, какая ты.

— Не знаешь, — улыбнувшись, ответила она. — Я и сама того не знаю. Но коль окажусь темной, тебе эта вещица пригодится.

Марфа протянула мне оберег, и я его забрал.

— Ну, тогда и ты должна знать, что я помню

себя еще душой.

— Душой? Как это?

— До рождения. Помню, как Судьба отправляла меня в мир этот со всеми остальными душами. Она нашептывала нам то, что суждено, но, когда пришел черед моей души, та, своенравная, не согласилась с обещанным уделом. Она вступила в спор с Судьбой и сказала, что сама будет себе тропинку искать и не пойдет по протоптанной. И тогда обещала Судьба, что на душу мою направит много испытаний. Что буду притягивать приключения до конца жизни, а чтоб Судьбе дольше веселье было…

— Прокляла, чтоб ни один живой убить не мог, — продолжила Марфа, приложив руку к моей груди.

— Да. Так и было. До моей смерти. Пока ты не вернула к жизни и, думается, что на том наш спор с Судьбой завершен и что не придется мне больше в Большие военные походы ввязываться и защита от колдовства не пригодится.

Я бросил оберег на стул, на котором сидел Клюв.

— Название все еще временное? — усмехнулась Марфа и, потянув меня за рубаху, поцеловала в щеку.

Клюв, с интересом разглядывавший оберег, подошел к нему по-своему, по-человечьи, и взял клювом. И тут же человеком обернулся.

Марфа завизжала. Да и я тоже некий похожий звук издал.

— Девушка… — пробормотала она, указывая пальцем на девицу с копной рыжих волос и разноцветными глазами.

— У-у! Тьфу. — Она сплюнула оберег в руку и сказала удивленно: — Вот так дела… Сработало! Дядя Буря, сработало! Расколдовалась!

— Будь проклято все колдовство этого мира! — только и ответил я.

Благодарности и послесловие

Маме — за то, что она есть. Супруге, детям — за то, что всё еще меня терпят.

Я всегда пишу послесловие, но, когда завершил «Бурю и чудной отряд», даже не подумал о нем. Без понятия почему. Но давайте попробую, как обычно, начать с попытки вспомнить, как и зачем я взялся за этот текст. Приступил я к нему в марте 2025 года, завершил где-то в июне. Идея же пришла после долгих изучений фэнтези. Уж очень хотелось сделать что-то масштабное, эпическое, и решил я для начала потренироваться на короткой и легкой истории на 250 страниц. Я рад, что «Буря» получилась больше, да и не самой легкой.

Не могу вспомнить момент, когда я все же решился именно на эту книгу, но это точно было связано с радостью или добром. То ли в то время я остро нуждался в этом, то ли очень хотел дать это читателям.

Я склонен считать, что если ты умеешь что-то делать, то обязан это делать, если в том есть польза (и если этого мало!). И мне просто очень

захотелось сделать что-то доброе и в каком-то смысле подарить это всем.

Что получилось, то получилось. Надеюсь, вышло как в моем детстве, когда я, так же как и другие дети страны, читал русские народные сказки, смотрел советские фильмы и мультфильмы. Считайте «Бурю» моей данью уважения доброму, поучительному и такому разному миру этих сказок (хоть я и не пытался его повторить. Я пытался сделать свою, самодостаточную историю, но с большой любовью к культуре и сказочным традициям). Как сейчас мои дети смотрят и читают русские народные сказки, так, надеюсь, однажды они возьмут в руки и эту книгу. Где-то посмеются в голос, а где-то всплакнут. А может, и в кинотеатр сходят на премьеру, кто знает?

Хочу выразить благодарность издательству «МИФ» за то, что оперативно сказали книге «ДА!» и так же ответили на все мои просьбы: по аудиоверсии (уверен, получится замечательно), по обложке, по редактуре. Спасибо трем Аням (прям как в сказках!) — Ане Неплюевой, Ане Феликсовой и Ане Кузнецовой и вообще всем, кто сделал из моих закорючек всамделишную книгу, а также тем, кто потом пытается объяснить читателю, что она стоит того, чтобы дать ей шанс.

Мне всегда очень везет с книжными людьми. И мне определенно повезло в какой-то момент заполучить Катю Звонцову — редактора, писателя (я не знаю, какая последовательность тебя больше устраивает!), которая взялась за очередную мою рукопись и немножко ее покусала. Звонцова всегда чувствует, что не так с текстом. Бесишь.

Отдельно хочу выразить благодарность моему единственному бетаридеру, Кристине Билецкой. Я очень хотел, чтобы мой текст не был похожим ни на одну знакомую всем сказку. Поэтому, когда дописал, пошел к Крис с просьбой объяснить мне, что по ее мнению я написал. Спасибо, Крис! (Пожалуйста, сделай так, чтобы об этой книге узнала вся страна).

И конечно, спасибо всем читателям, которые нашли время на книжку.

Вы
можете
написать мне на почту islamfroz@gmail.com или найти меня в соцсетях. Можно ругать, можно хвалить. Обязательно прочитаю и отвечу! Следить за моими планами можно в телеграм-канале «Типа Ханипаев».

МИФ Проза

Вся проза на одной странице: mif.to/prose

Подписывайтесь на полезные книжные письма со скидками и подарками: mif.to/proza-letter

#mifproza
#mifproza

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Анна Феликсова*

Литературный редактор *Екатерина Звонцова*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке, оформление блока *Евгения Банди*

Корректоры *Дарья Журавлёва, Надежда Лин*

ООО «МИФ»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги — ООО «Вебкнига», 2026